И 375/367

И 375/367

ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО)

Н. А. ПОЛЕВАГО.

XX-7969

БЕРЛИНЪ. 1859.
FERDINAND SCHNEIDER.
BEHREN-STRASSE 12.

2007059071

Когда опала постигла знатнѣйшихъ друзей Адашева, и вмѣстѣ съ ними всѣхъ, кто только былъ привержень къ нему, былъ ему въ родствѣ, и когда Сильвестръ, забывая земное, возносилъ молитву къ Богу, въ келіи отдаленнаго монастыря, — Царь хотѣлъ не только согласія, но и одобренія новому порядку дѣлъ и жизни своей. И видѣлъ одобреніе: съ радостными лицами явились къ нему новые любимцы и извѣстили его о смерти бывшаго правителя государства, словами: „Радуйся, великій государь! твой злодѣй и измѣнникъ Алексѣй Адашевъ принялъ отраву и почилъ поносною смертію.“ — Можетъ быть, за шумною, буйною бесѣдою возвѣстили о томъ Царю. Мрачно глядѣлъ онъ послѣ сего на тѣхъ, кто являлся къ нему съ печальнымъ лицомъ, и губительныя думы мрачили чело его среди веселья и торжества надъ ухищреніями мнимыхъ враговъ и измѣнниковъ.

Желая разгадать переходы нрава, испытанные Іоанномъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, стараясь объяснить себѣ слѣдовавшее затѣмъ, не должно-ли предположить, что сильныя страсти, долго таимыя, прежде всего лишили Іоанна вѣры въ добродѣтель людей? Горе тому, кто утратитъ сію святую, утѣшительную вѣру. Его собственная добротѣтель сдѣлается холоднымъ расчетомъ ума, и люди отъ него, онъ отъ людей отдѣлятся бездною своекорыстія. Онъ увидитъ въ другихъ только орудія своей выгоды, самъ подозрѣвая ихъ въ мысли, что они въ немъ видятъ такое-же своекорыстное орудіе. Чувство презрѣнія къ людямъ, если человѣкъ саномъ и призваніемъ поставленъ выше другихъ, чувство гордости, если счастіе льститъ ему въ величіи, мысль высокомѣрная, что ему позволено то, чего нельзя допустить другимъ и наконецъ, своевольство страстей, — таковы будутъ бѣдственные переходы человѣка. Ими перешелъ Іоаннъ отъ прежняго добраго направленія своего къ направленію на зло и погибель.

Онъ могъ гордиться, видя силу, могущество Россіи, успѣхи по всюду. И мы видѣли, какъ постепенно переходилъ онъ отъ христіанскаго смиренія къ непомѣрной гордости. Преобладаемый симъ чувствомъ, онъ увѣрился наконецъ, что въ

немъ одномъ было основаніе силы и величія Россіи. Не довѣряя добродѣтели бывшихъ любимцевъ своихъ, онъ долженъ былъ отвергнуть ихъ, отвергнувъ возненавидѣть, — чувство ненависти привело его къ чувству мести за свое прежнее, оскорбительное для него, повиновеніе имъ. Тогда сдѣлался онъ доступенъ тѣмъ людямъ, которые рабствовали передъ его волею, передъ его умомъ, ставили его выше себя, гордились рабскимъ повиновеніемъ ему, и только такимъ людямъ сдѣлался онъ доступенъ; противорѣчившій ему, дерзавшій не одобрять его дѣлъ и словъ, былъ ему ненавистенъ — казался врагомъ его.

Не должно думать, чтобы люди окружавшіе Іоанна послѣ Адашева, были ничтожны, не отличены свойствами блестящими. Кромѣ немногихъ, кого увлекъ Адашевъ въ своемъ паденіи, на сторонѣ Царя стали весь дворъ его, все духовенство, митрополитъ, Захарьины: по крайней мѣрѣ они безмолвствовали, слѣдственно соглашались, и никто изъ нихъ не дерзалъ предстать передъ Царя съ словомъ истины. Но другіе пошли далѣе; громко изъявляли Царю свое согласіе во всѣхъ дѣлахъ его, славили его избавленіе отъ постыднаго раболѣпства измѣнникамъ. И сіи льстецы также принадлежали къ числу лю-

дей доблестныхъ: храбрый боярин Алексѣй Басмановъ, сынъ его Ѳеодоръ, Князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ — Бѣльскій, родственникъ его Богданъ Бѣльскій, ихъ друзья и родня, многія духовныя особы. Они сдѣлались участниками и дѣлъ и забавъ Царя, бывшаго еще въ цвѣтѣ лѣтъ и предавшагося роскоши, нѣгѣ, сладострастію. За ними въ бесѣды царскія осмѣливались вступить и ничтожные, презрѣнные нахлѣбники, шуты, скоморохи, хотя также знатные по своей породѣ; они были необходимы: надобны были люди, надъ которыми можно-бъ было глумиться и посдмѣваться, люди, которые за милость царскую предавали бы себя посмѣшищу и позору.

Вскорѣ Іоанну показалось недостаточно уничтоженіе двухъ главныхъ враговъ своихъ и опалы ихъ ближнихъ и друзей. Самая печаль объ нихъ сдѣлалась преступленіемъ. Не знаемъ, въ чемъ обвинили и даже судили-ль людей, которыхъ Іоаннъ обрекъ тогда на смерть. Число жертвъ было не велико, но ужасало тѣмъ, что на погибель обречены были цѣлыя семейства.

И первый погибъ мужественный братъ Алексѣя, Даніилъ Адашевъ съ отрокомъ сыномъ своимъ, потомъ казнили Петра Турова, тестя

Данiилова, трехъ братьевъ Сатиныхъ, Алексѣй Адашевъ былъ шуринъ ихъ, Ивана Шишкина съ женою и дѣтьми, — онъ былъ родственникъ Адашевыхъ. Какая-то знатная литвянка Магдалина жила тогда въ Москвѣ, принявъ православную вѣру и отличаясь благочестiемъ; Царю сказали что она чародѣйка и любитъ Адашевыхъ; ее умертвили съ дѣтьми и родными.

Человѣкъ издавна ненавистный Iоанну князь Дмитрiй Курлятевъ былъ пощаженъ, но его осудили на удаленiе отъ свѣта. Со слезами видѣли Москвитяне неслыханное зрѣлище: Курлятева, жену его и дѣтей, плачущихъ горестно, постригли въ монашество, потомъ разослали по отдаленнымъ монастырямъ. Князь Юрiй Кашикъ, бывшiй нѣкогда посломъ въ Крыму, услышалъ о своемъ осужденiи и спѣшилъ укрыться въ церковь; палачи догнали его на крыльцѣ церковномъ и умертвили.

Наступила череда слуги государева, знаменитаго князя Михаила Воротынскаго. Подъ крѣпкою стражею, съ сыномъ и дочерью, послали его въ заточенiе на Бѣлоозеро, опредѣливъ имъ бѣдное жалованье.

Но не только друзья Адашевыхъ подвергались гнѣву Царя. Сынъ Ѳеодора Оболенскаго, племян-

никъ славнаго Ивана Ѳедоровича, осмѣлился укорить въ развратѣ любимца Іоаннова, Басманова, и былъ удавленъ. Князь Михаилъ Рѣпникъ находился однажды на царскомъ пирѣ и, видя Іоанна въ маскѣ пляшущаго съ шутами, заплакалъ. Царь разгнѣвался, спросилъ о причинѣ. „Государь! твоя потѣха не достойна Царя!“ отвѣчалъ ему Рѣпникъ.— „Измѣнникъ, пляши съ нами!“ воскликнулъ Царь, подавая маску дерзкому царедворцу. „Нехочу, государь“ — отвѣчалъ Рѣпникъ; бросилъ маску и затопталъ ее ногою. Іоаннъ прогналъ его изъ дворца, а чрезъ нѣсколько дней послалъ ему смертный приговоръ. Посланные умертвили Рѣпника въ церкви за всенощною.

Казня тѣхъ, кого почиталъ преступниками, еще болѣе подозрѣвалъ и подозрѣніе его падало на людей знатнѣйшихъ. Два потомка литовскихъ выходцевъ, первые вельможи царскіе, Иванъ Бѣльскій, сынъ Димитрія и сынъ дяди Іоаннова, Василій Мих. Глинскій, должны были дать по себѣ клятвенныя грамоты въ вѣрности, съ ручательствомъ духовенства. За Бѣльскаго кромѣ того поручались бояре, обѣщая, въ случаѣ бѣгства его, взнести 10000 рублей; съ поручителей взяли особыя росписи въ уплатѣ сихъ денегъ. Мстиславскій, Данило За-

харынъ и съ ними еще шестеро сановниковъ дали новую присягу въ вѣрности Іоашу и дѣтямъ его. Десятеро заложили свои головы въ уплатѣ 15000 руб., въ случаѣ измѣны князя Александра Воротынскаго и еще за нихъ отдѣльно поручилось множество сановниковъ. Страшное подозрѣніе въ Іоаннѣ возбудилъ питомецъ степей князь Дмитрій Вишневецкій, скучавшій бездѣйствіемъ въ Бѣлевѣ, другъ и сопутникъ Даніила Адашева въ битвахъ, можетъ быть, слишкомъ явно негодовавшій на Царя за участь Адашевыхъ. Мучительная болѣзнь внезапно постигла Вишневецкаго; узнали, что онъ отравленъ медленнымъ ядомъ. Слабый, едва имѣя силы сѣсть на коня, Вишневецкій спѣшилъ изъ Россіи уѣхать въ Польшу и былъ тамъ ласково принятъ Сигизмундомъ. Ему предложили воевать Россію, Димитрій не хотѣлъ, отрекся отъ всѣхъ почестей и вздумалъ искать славы и опасностей честнымъ боемъ противъ невѣрныхъ, не вредя ни Россіи, ни Польшѣ. Присяжникъ Сигизмунда, Господарь Молдавскій, измѣнялъ Королю; Димитрій, излеченный отъ болѣзни, съ дружиною храбрыхъ отправился въ Молдавію, рѣшаясь низвергнуть Стефана, сѣсть на его мѣсто, созвать удальцовъ, заслонить Польшу отъ Турокъ и возобновить славу Гуніадовъ и Скандербеговъ. Но Димитрія ожидала

измѣна: товарищи выдали его Стефану и Господарь отослалъ его въ Царьградъ. Жестокая казнь постигла тамъ Вишневецкаго. Говорили, что терзая тѣло его, янычары вырвали изъ него сердце и съѣли, думая, что храбрость гибельнаго Мусульманамъ вождя козаковъ перейдетъ къ нимъ. Подумалъ ли Іоаннъ, какую потерю сдѣлала Россія, утративъ въ Вишневецкомъ вѣрное средство усмиренія Крыма? Нѣтъ! отпуская посла своего въ Польшу, онъ велѣлъ отвѣчать на вопросъ о Вишневецкомъ: „пришелъ онъ ко мнѣ какъ собака и ушелъ отъ меня какъ собака, ни добра, ни худа не видали мы отъ него!“

Между тѣмъ, когда въ царствѣ Іоанна происходили кровавыя явленія, дѣла ливонскія приняли переворотъ неожиданный Іоанномъ; предвѣщанія прежнихъ правителей государства сбылись: война ливонская, какъ гидра, породила новыя головы изъ головъ, отсѣченныхъ мечами воеводъ царскихъ.

Пока съ Сигизмундомъ шли переговоры и Польша собиралась завладѣть Ливоніею, или покрайней мѣрѣ остатками сей земли, два Короля, вступившіе въ это время на престолъ Даніи и престолъ Швеціи, не хотѣли оставаться спокойными зрителями того, какъ Іоаннъ и Сигизмундъ раздѣлятъ земли орденскія. Фридрихъ, Король Датскій,

прежде желавшій быть посредникомъ мира между Рыцарями и Россіею, перемѣнилъ мысли; опъ прислалъ въ Ливонію торговать Ревель и островъ Эзель для брата своего принца Магнуса. Ему продали Эзель. Магнусъ пріѣхалъ туда, спѣшилъ въ Ревель, но встрѣтился тамъ съ шведскими послами. На престолѣ мудраго Густава былъ безумный Эрихъ. Онъ предложилъ рыцарямъ свою помощь, требуя отдачи Ревеля. Въ это время русскіе взяли Феллинъ и подходили къ Ревелю. Не видя спасенія, страшась будущаго, ревельцы вошли въ переговоры и, не слушая возраженій Магистра, предались Эриху, поклялись ему въ вѣрности, войско шведское заняло Ревель и другіе города, гдѣ не было русскихъ. Іоаннъ оскорблялся дѣломъ Эриха, но не хотѣлъ спорить. Послы Эриховы (въ Февралѣ 1560 г.) объясняли ему, что Эрихъ мстилъ Кетлеру за свою обиду, но не хочетъ воевать съ Россіею, не вступитъ и въ союзъ противъ Россіи, хотя Польша, Данія и Императоръ уговариваютъ его. „Соединяйтесь со всѣми земными Королями," отвѣчали посламъ отъ имени Іоанна, — „Царь русскій не боится васъ Развѣ не знаете, что едва захотѣлъ опъ, то покорилъ два царства? Или забылъ вашъ Король, какое бѣдствіе могло постигнуть Швецію, едва дерзнула она оскорбить Россію? А тогда

царствовалъ у васъ мудрый Густавъ, а не Эрихъ, мудрость котораго еще не извѣстна.“ Іоаннъ соглашался на миръ съ Эрихомъ, но не хотѣлъ договариваться, говоря, что Король шведскій можетъ по старинному прислать пословъ своихъ для переговора къ новгородскому Намѣстнику.

Оказывая явное презрѣніе къ Швеціи, Іоаннъ не начиналъ однакожъ войны. Войска его также не двигались и противъ поляковъ. Шли переговоры. Не смотря на дерзкія объясненія Володковича (въ Январѣ 1560 г.), Іоаннъ отправилъ къ Сигизмунду съ предложеніемъ — кончить дѣло миролюбно и даже вступить съ нимъ въ родство. Изъ двухъ сестеръ Сигизмунда Іоаннъ назначалъ Екатерину себѣ супругою; готовъ былъ уступить многое, не отрекался даже отъ условія, что Екатерина сохранитъ въ супружествѣ съ нимъ латинскую вѣру. Но отвѣты Сигизмунда были нелѣпы. Посланникъ его Шимковичъ (въ Февралѣ 1561 г.) потребовалъ отдачи Ливоніи, Пскова, Новгорода, Сѣверскихъ областей. Іоаннъ не захотѣлъ и говорить съ нимъ. Сигизмундъ явно шелъ на войну. Войско польское вступило въ Ливонію, осадило Тарвастъ, заняло многія крѣпкія мѣста; въ Ноябрѣ 1561 г. Кеттлеръ прибылъ въ Вильну, далъ присягу Сигизмунду, получилъ отъ него въ

удѣлъ Курляндію съ титуломъ Герцога и правителя остальной Ливоніи. По возвращеніи Кеттнера въ Ригу, въ торжественномъ собраніи, Магистръ, епископы, рыцари сложили съ себя орденскія званія и со слезами объявили, что, волею божіею, орденъ ливонскихъ меченосцевъ на вѣки уничтожается. Князь Радзивилъ принялъ отъ бывшаго Магистра орденскую печать, древнія грамоты, мечъ и знаки орденскихъ чиновъ.

Тогда Іоаннъ разсердился; объявилъ, что не хочетъ болѣе ни родства, ни мира съ Сигизмундомъ и приказавъ своимъ воеводамъ двинуться на отряды поляковъ, бывшіе въ Ливоніи, немедленно избралъ себѣ невѣсту, славную красавицу кавказскую. Мы упомянали о дѣтяхъ Темрюка, кабардинскаго Князя, выѣхавшихъ въ Москву въ 1558 году. Слыша о красотѣ сестры ихъ, Іоаннъ велѣлъ привезти ее въ Москву, увидѣлъ, — и плѣнился юною черкешенкою. Дочь Темрюка крестили, назвали Маріею, и свадьба ея съ Іоанномъ была совершена черезъ годъ послѣ смерти Анастасіи (въ Августѣ 1561 г.) Но Анастасія не ожила въ Маріи, гордой, жестокой и властолюбивой, по словамъ современниковъ. Разгульная жизнь Царя не прекратилась, только родственники Царицы умножили собою число буйныхъ собесѣдниковъ царскихъ,

охотно принимая на себя даже исполненіе жестокихъ велѣній Іоанна.

Онъ собирался торжественно мстить гордому Сигизмунду и ни за что не уступая Ливоніи полякамъ, скрылъ новую досаду на Эриха. Шведскіе послы прибыли для переговоровъ. Іоанну извѣстны были переговоры Швеціи съ Польшею о союзѣ противъ русскихъ и о супружествѣ Герцога финляндскаго, брата Эрихова, съ Екатериною, которой не могъ или не хотѣлъ позабыть Іоаннъ. Но все было утаено въ душѣ его. Шведы согласились договариваться съ новгородскимъ Намѣстникомъ и перемиріе было возобновлено; Іоаннъ не взыскивалъ даже и за то, что Эрихъ насмѣхался потомъ надъ его послами, ѣздившими въ Стокгольмъ для подтвержденія мира.

Воеводы Іоанна худо исполняли порученіе его отмстить Сигизмунду. Въ ихъ глазахъ поляки взяли Тарвастъ и потомъ оставили его; до основанія разворивъ сей городъ по волѣ царской, князья Глинскій и Серебряный разбили отрядъ польскій, сожгли нѣсколько селеній, спорили между собою о мѣстахъ и воротились. Въ мартѣ 1561 г. явился отъ Сигизмунда посланникъ съ объявленіемъ войны, ибо Король, какъ законный властитель по договору съ Магистромъ, требовалъ Ливоніи. Съ ру-

бымъ отвѣтомъ отпустили посланника Сигизмундова. Король выставилъ охранныя войска по границѣ и возбуждалъ крымцевъ.

Іоаннъ приготовлялся къ удару сильному, неожидаемому Польшею. Лѣто 1562 года прошло въ битвахъ неважныхъ. Войско русское стояло въ Смоленскѣ, подъ начальствомъ Шихалея, отряды его жгли селенія въ Литвѣ, поляки подходили къ Опочкѣ, Себежу, Невелію, раззоряли Псковскую область. Крымцы являлись лѣтомъ 1562 г. близъ Мценска, Владимиръ Андреевичъ стоялъ противъ нихъ съ войскомъ, и хищники поспѣшно удалились. Сигизмундъ полагалъ, что русскій Царь не дерзнетъ на рѣшительную войну, и воеводы польскіе даже уговаривали русскихъ не тратить людей на безполезныя сшибки, ибо скорое примиреніе Россіи и Польши несомнительно Іоанну не противорѣчило; позволилъ боярамъ говорить съ польскими вельможами, которые писали о томъ и къ митрополиту. „Не знаю мірскихъ дѣлъ“ отвѣчалъ престарѣлый Макарій и отрекся, а бояре длили время Съ Сентября по Декабрь переписывались, спорили. Вдругъ Іоаннъ перервалъ всѣ переговоры. „Не отдаю Ливоніи, пусть знаетъ Король польскій, что и Литва его есть моя вотчина, пусть исправится онъ доколѣ есть еще время, или ждетъ

наказанія.“ Такъ отвѣчалъ Іоаннъ на всѣ убѣжденія и ничего болѣе не хотѣлъ говорить.

Зимою, въ половинѣ Декабря 1562 г., многочисленное войско русское собралось въ Можайскѣ. Декабря 23 выѣхалъ изъ Москвы самъ Царь. Съ нимъ были три Царя казанскіе, четыре татарскихъ Царевича, Владиміръ Андреевичъ, всѣ знатнѣйшіе воеводы, бояре, дворъ. Число войска простиралось болѣе 300,000. Вся эта громада хлынула на Литву, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія. Января 31го 1563 г. Іоаннъ окружилъ Полоцкъ, 200 пушекъ загремѣли по стѣнамъ города.

Сигизмундъ ужаснулся; вельможи польскіе старались ободрить его, Князь Радзивилъ даже отправился выручать осажденный городъ, пока Король со страхомъ ожидалъ слѣдствій въ Вильнѣ. Февраля 7го Іоаннъ овладѣлъ частію полоцкихъ укрѣпленій. Довойна, защитникъ города, былъ въ крайности, стѣсненный извнѣ сильнымъ непріятелемъ, внутри недостатками: отвсюду сбѣжалось въ Полоцкъ множество народа, спасаясь отъ огня и меча русскихъ. Желая очистить мѣсто и сохранить припасы, Довойна вдругъ выгналъ изъ Полоцка болѣе 20,000 беззащитныхъ бѣглецовъ. Бесчеловѣчный этотъ поступокъ лишилъ его любви и довѣренности жителей Полоцка. Къ уди-

вленію всѣхъ, Царь русскій принялъ милостиво изгнанныхъ, далъ имъ хлѣба, одежду; вѣсть о томъ, обѣщаніе милости, если Полоцкъ сдадутъ добровольно, и казни, если продолжатъ сопротивленіе, рѣшило участь города. Утвердивъ условіями безопасность лицъ и мнѣній, Довойна отворилъ побѣдителю ворота Полоцка.

Покореніе города, считавшагося сильною защитою Литвы, привела Іоанна въ восторгъ, умножило его надежды, увеличило гордость. „Сбывается предвѣщаніе Петра митрополита, что Москва несетъ руки свои на плеща враговъ“, писалъ онъ къ митрополиту Макарію, посылая ему драгоцѣнный крестъ изъ добычи, взятой въ городѣ. Вопреки обѣщанію, Іоаннъ забравъ все что могъ изъ казны королевской, отнялъ имѣніе у многихъ жителей и пируя побѣду, допускалъ безпорядки между воинами, грабившими и раззорявшими жителей. Считая завоеваніе Полоцка равнымъ Смоленску, Царь объявилъ, что отнынѣ на вѣки присоединяется сія древняя отчина русскихъ Князей къ Россіи, помѣстилъ названіе Полоцкаго въ титулѣ своемъ, приказалъ раззорять латинскія божницы, строить и учреждать православныя церкви. Евреямъ, жителямъ Полоцка, велѣли креститься, кто не соглашался тѣхъ бросали въ прорубь. Послѣ-

дователь ереси Башкина, Ѳома, бѣглый монахъ русскій, былъ приведенъ къ Іоанну, спорилъ съ нимъ о вѣрѣ, несчастнаго еретика вывели на ледъ Двины, разбили ему голову дубиною и бросили его подъ ледъ. Тогда же Царь предложилъ учредить въ Полоцкѣ православную епархію.

Обѣщавъ Королю защитить Полоцкъ, Радзивилъ не смѣлъ сразиться даже съ высланными противъ него сильными отрядами, имѣя не болѣе 40,000 воиновъ и 20ти пушекъ. Стѣпили уговаривать Іоанна на миръ; онъ согласился не воевать полгода и позволилъ пріѣхать въ Москву польскимъ посламъ. Возобновивъ укрѣпленія Полоцка, поручивъ его храброму воеводѣ князю Петру Шуйскому, Царь выѣхалъ изъ Полоцка Февраля 26го. Онъ хотѣлъ торжества, почестей, и услаждался ими. Народъ бѣжалъ на встрѣчу ему и привѣтствовалъ его какъ побѣдителя. Въ Великихъ Лукахъ объявилъ онъ отпускъ всѣмъ своимъ воинамъ; гостилъ на дорогѣ у матери Владиміра Андреевича; въ Войсколамскомъ Іосифовскомъ монастырѣ привѣтствовалъ его девяти-лѣтній Царевичъ Іоаннъ; Царевичъ Ѳеодоръ встрѣтилъ родителя въ селѣ Крылоцкомъ. Возвращеніе изъ Полоцка походило на возвращеніе изъ Казани за десять лѣтъ, сходство еще болѣе умножилось вѣстью о

рожденіи царевича Василія: такъ нѣкогда обрадобылъ Іоаннъ рожденіемъ первенца Анастасіи. Народъ вышелъ изъ Москвы на встрѣчу Государю съ радостными кликами; у церкви Бориса и Глѣба на Арбатѣ привѣтствовали его митрополитъ и духовенство. Пѣшкомъ шелъ потомъ Іоаннъ въ соборы. — По желанію Царя въ Апрѣлѣ поставленъ былъ въ Полоцкѣ архіепископъ Между тѣмъ Царь горделиво писалъ къ крымскому Хану, увѣряя, что изъ милости только пощадилъ онъ Польшу и не хотѣлъ отнять у Сигизмунда всей земли его; не хочетъ и теперь вражды съ Ханомъ, соглашаясь возобновить прежнюю дружбу. — Еще въ 1562 г. съ Даніею заключенъ былъ договоръ, по которому Іоаннъ милостиво обѣщалъ не трогать Магнуса въ его эзельскомъ Герцогствѣ. Датчане осмѣлились предложить посредничество въ мирѣ съ Польшею. „Богъ мой посредникъ, и я не боюсь Польши,“ отвѣчалъ Іоаннъ. Послы датскіе не смѣли говорить ничего болѣе, но условились о дружбѣ и торговлѣ. — Въ Іюлѣ 1563 г. пріѣхали новые послы Эриха. Король шведскій успѣлъ перессориться за ливонскія свои владѣнія съ Польшею и Даніею, велѣлъ своимъ войскамъ сражаться съ ними, отнимать города у Поляковъ и Датчанъ. Онъ хотѣлъ крѣпкой дружбы Царя, извинялся въ

неучтивости, оказанной послам его, гордился помощью, какую оказывает Русским войною противъ Польши и требовалъ, чтобы отнынѣ сношенія Швеціи были прямо съ Царемъ и съ Москвою. Довольный тѣмъ, что Эрихъ хотя немного вредитъ Сигизмунду, Царь отвѣчалъ, что ему все равно, за него ли, противъ него ли стоитъ бѣдная Швеція, что онъ согласенъ пожаловать миромъ Эриха, но послы его могутъ тогда только сноситься прямо съ Царемъ, когда Эрихъ сядетъ на царствѣ въ Москвѣ, а Іоаннъ на его королевство въ Швеціи. „Моя честь отъ чести вашего Короля такъ далека, какъ небо отъ земли," говорилъ Царь, присовокупляя множество насмѣшекъ въ граматахъ. Эрихъ все сносилъ великодушно, продолжалъ ссориться съ Польшею, Даніею, свататься за нѣсколько невѣстъ вдругъ, и безумствовать. По заключенному въ Новгородѣ договору Іоаннъ обязался не трогать ливонскихъ пріобрѣтеній Эриха въ теченіи семи лѣтъ.

Къ досадѣ Іоанна, взятіе Полоцка причинило только временный страхъ Сигизмунду. Онъ не думалъ спѣшить присылкою пословъ для умоленія грознаго Царя о мирѣ и даже нарушалъ заключенное перемиріе: братъ Димитрія Вишневецкаго, Михаилъ, съ толпою Козаковъ и аккерманскихъ

Татаръ грабилъ Сѣверскую область цѣлое лѣто 1563 года и только въ декабрѣ явились въ Москвѣ послы Польскіе. Вмѣсто смиренія, Сигизмундъ не хотѣлъ именовать Іоанна Царемъ, требовалъ обратно всѣхъ завоеваній Іоанна III-го и кромѣ того Пскова и Новгорода; объ уступкѣ Ливоніи и Полоцка и упоминать не хотѣли. Царь велѣлъ объявить посламъ, что мало заботится о почести отъ Короля, будучи по прямой линіи потомокъ Августа Кесаря и потребовалъ отдачи Литвы и Вильны. Дѣло кончилось ничѣмъ. Въ января 1564 г. послы выѣхали изъ Москвы.

Іоаннъ спѣшилъ отправить войско, ожидалъ побѣды и услышалъ о пораженіи. Князь Радзивилъ сдержалъ на сей разъ слово свое Королю. Онъ сталъ близъ Витебска, услышалъ, что князь Петръ Шуйскій идетъ изъ Полоцка, князь Серебряный изъ Вязьмы, что они соединятся подъ Оршею и удачею предупредилъ русскихъ воеводъ. Въ расплохъ напалъ онъ на Шуйскаго близъ Орши, смѣшалъ, погналъ его войско. Въ смятеніи побѣгали двое князей Палецкихъ; былъ убитъ самъ князь Шуйскій, воеводы Плещеевъ и князь Охлябининъ попались въ полонъ, Русскіе въ страхѣ укрылись въ Полоцкѣ, другіе бѣжали до самаго Смоленска. Другой воевода, князь Токмановъ, о-

смѣлился было осадить Озерищи, но услышавъ о приближеніи непріятеля, бросился назадъ, даже перерѣзалъ плѣнныхъ, чтобы не затрудняться въ походѣ. Русскіе опустошили нѣсколько областей въ Литвѣ, но зато Поляки раззоряли область Деритскую, а Козаки рыскали и грабили по степямъ Украйны.

Прежде Іоаннъ могъ бы видѣть, что все произошло отъ несчастной неосторожности князя Шуйскаго, заплатившаго за то жизнію; онъ думалъ-бы о томъ, какъ вознаградить потерю. Но прежнее время невозвратно протекло для Іоанна. Обманутый въ своихъ горделивыхъ ожиданіяхъ, Царь все приписалъ измѣнѣ, въ душѣ его усилилась недовѣрчивость ко всѣмъ его окружавшимъ, онъ затрепеталъ въ своихъ кремлевскихъ чертогахъ, и не помышляя объ отраженіи непріятеля, Іоаннъ прежде всего хотѣлъ обезопасить самаго себя.

Еще до пораженія подъ Оршею, когда Іоаннъ возвратился побѣдителемъ въ Москву, гнѣвъ его былъ уже обращенъ на измѣнниковъ и предателей.

Первымъ изъ нихъ въ это время былъ славный воевода Иванъ Шереметевъ. Онъ находился съ Царемъ подъ Полоцкомъ и по возвращеніи въ Москву испыталъ весь ужасъ гнѣва царскаго. Полководецъ, имени котораго страшились Крымцы,

былъ брошенъ въ темницу, подвергнутъ пыткѣ. Іоаннъ самъ присутствовалъ при истязаніяхъ, требовалъ признанія, грозилъ смертію. „Государь! я стою уже близъ гроба; ты воленъ въ моей жизни, но мнѣ не въ чѣмъ признаваться.“ — У тебя нашли мало имѣнія, куда дѣвалъ ты его?“ — вопрошалъ Царь. — „Черезъ руки бѣдныхъ я отдалъ его Богу,“ сказалъ страдалецъ. Царь пощадилъ Шереметева, держалъ нѣсколько времени въ темницѣ и возвратилъ ему свободу, приказавъ только взять съ него поручителей въ вѣрности, даже оставилъ его на нѣсколько лѣтъ въ думѣ боярской. Также спасся отъ погибели меньшой братъ Шереметева, Иванъ, пожалованный боярином въ 1559 году. Но средняго брата, Никиту, постигла казнь: его удавили въ темницѣ Видя безпрерывныя подозрѣнія, гнѣвъ, немилость Царя, старшій братъ умолялъ наконецъ позволить ему удалиться въ Кириловскій монастырь и принять тамъ иноческій санъ.

Еще страшнѣе было другое слѣдствіе объ измѣнѣ. До сихъ поръ ни опала, ни гоненіе не касалось брата царскаго, Владиміра Андрѣевича. Казалось, что даже его крамольные замыслы были позабыты Іоанномъ. Доносъ ничтожнаго клеветника воздвигъ страшную бурю. Царь призвавъ

къ себѣ Владиміра и мать его, показалъ имъ извѣтъ дьяка ихъ Саблукова; негодяй писалъ, что мать и сынъ таятъ злые умыслы и потому держатъ его, Саблукова, въ темницѣ, что онъ знаетъ ихъ заговоръ. Начались розыски; Іоаннъ уличалъ обвиненныхъ передъ митрополитомъ и владыками; ничего не могли доказать, но испуганная Евфросинія умоляла отпустить ее въ монастырь и пощадить сына ея. Августа 5го 1563 г. Евфросинія постриглась, и подъ именемъ старицы Евдокіи отправилась въ сооруженный ею прежде Бѣлозерскій дѣвичій монастырь. Будто для оказанія почестей теткѣ Царя, ее окружили стражею въ обители.

Въ концѣ 1563 года, когда Іоанна раздражало своеволіе Польши и дерзкія требованія пословъ Сигизмунда, вѣсть неожиданная рѣшительно смутила душу его, и безъ того кипѣвшую подозрѣніями и гнѣвомъ. Воевода, пощаженный Царемъ не смотря на дружбу его съ Адашевыми, человѣкъ, которому поручена была стража важнаго пограничнаго мѣста — князь Андрей Курбскій оставилъ свое мѣсто, жену, сына, тайно укрылся отъ товарищей и бѣжалъ въ Польшу. Вѣроятно, подозрѣнія издавна лежали на Курбскомъ, неудачный походъ 1561 года усилилъ ихъ, а изслѣдованіе по доносу Саблукова подвергло Курбскаго по-

слѣдней опасности. Тщетно просилъ онъ заступленія духовенства, хотѣлъ оправдываться. Незадолго передъ тѣмъ бѣжали въ Литву двое Черкасскихъ князей. За Курбскимъ слѣдовали Марко Сарыхозинъ и Тимофей Тетеринъ, люди отличные по своему образованію и друзья Курбскаго.

Бѣгство сихъ людей сопровождалось слѣдствіями не важными, но оскорбительными для Іоанна. Тетеринъ, Сарыхозинъ, Курбскій были приняты Сигизмундомъ съ величайшею честію, князю Курбскому пожаловано было богатое помѣстье, воеводство въ непріятельскомъ войскѣ.

Въ слѣдъ за бѣглецами прислано было отъ дерптскаго воеводы Морозова письмо къ Полякамъ, гдѣ Курбскаго и его товарищей именовали предателями и измѣнниками. Тетеринъ, умный и грамотный, рѣшился отвѣчать. „Ты, господинъ,“ писалъ онъ къ Морозову, „недѣльно называешь измѣнниками людей, которые, не стерпѣвъ мукъ неслыханныхъ, спасаются отъ тирана. И мы, подобно тебѣ, умѣли бы лаяться съ тобою, но не хотимъ и только посовѣтуемъ тебѣ паче бояться Бога нежели своего мучителя Царя. Разсуди самъ: какой бѣдный ты воевода! Съ Смоленска свели тебя на Дерптъ, жалованья не дали, жену въ закладъ оставили, а тебѣ велѣли кормиться въ долгъ.

Не будетъ-ли невѣжливо спросить у тебя: „полно, вѣрить ли кто тебѣ?“ Стыдись, рабъ мучителя: люди, которыхъ отцы и въ холопы не годились вашимъ отцамъ, богатѣютъ, владѣютъ царствомъ, торгуютъ вашими головами. Видно, Богъ отнялъ у всѣхъ васъ умъ, что вы, готовые положить за дѣтей, женъ и за отчины свои головы, губите ихъ и не думаете спасать Смѣемъ только спросить, каково тѣмъ, у кого мужей и отцевъ неправедными казнями погубили? Въ заключеніе, кланяемся тебѣ низко.“

Царь зналъ сіи дерзкія укоризны бѣглеца, а вскорѣ потерпѣлъ позоръ еще болѣе. Тетеринъ писалъ къ воеводѣ, Курбскій захотѣлъ высказать все прямо самому Царю! Остановясь въ Вольмарѣ, онъ сочинилъ посланіе къ Іоанну. Вѣрный слуга его Василій Шибановъ рѣшился идти на смерть, пріѣхалъ въ Москву, дождался выхода Іоаннова изъ дворца, и среди сонма вельможъ, на красномъ крыльцѣ подалъ грамоту запечатанную, говоря: „Тебѣ, Царь, прислалъ господинъ мой, твой изгнанникъ, князь Андрей Михайловичъ.“ Іоаннъ хладнокровно поднялъ жезлъ съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, ударилъ Шибанова въ ногу, опершя на жезлъ и, не внимая страданію несчастнаго, велѣлъ читать посланіе Курбскаго, пока

по ступенямъ крыльца текла кровь слуги его. Что же услышалъ Іоаннъ? Страшный голосъ истины и презрѣнія!

„Царь, нѣкогда отъ Бога препрославленный“ паче православіемъ пресвѣтлый, что стало съ тобою нынѣ за грѣхи наши? — писалъ Курбскій — если есть еще у тебя совѣсть, скажи: находишь-ли подобнаго себѣ и въ безбожныхъ народахъ? пишу въ горести сердца моего и вопрошаю, почто погубилъ сильныхъ во Израили воеводъ, Богомъ тебѣ данныхъ, смерти предалъ, побѣдоносною ихъ кровію обагрилъ храмы Божіи, мученическую кровь пролилъ на прагѣ церквей и полагавшихъ за тебя душу гоненіями, мукою, смертію наградилъ, оклеветалъ въ измѣнѣ и чародѣйствѣ и свѣтъ преложилъ во тму? Не тѣмъ ли провинились они, что прегордыя царства разсорили, покорили тебѣ народовъ, которымъ нѣкогда работали твои праотцы, и тщаніемъ разума ихъ даровалъ тебѣ Богъ претвердые грады? Чѣмъ воздалъ ты за все! Или мыслишь быть безсмертенъ? Или внялъ ты въ ересь, отвергающую неумытный судъ гордымъ мучителямъ? Есть Богъ, судія между тобою и нами! Какого зла и гоненія не претерпѣлъ я отъ тебя! Какихъ бѣдъ и напастей на меня не подвигнулъ ты! Какихъ лжеплетеній не возвелъ! Объ-

яшти горестію, душа моя не можетъ выразить чувства словами, всего лишенъ я, изгнанъ изъ земли Божіей, не упросилъ тебя умиленными глаголами, не умолилъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовалъ милости заступленіемъ святителей. За дѣло благо, ненавистью за любовь воздалъ ты мнѣ, и кровь моя, за тебѣ пролитая, вопіетъ къ Богу: Онъ свидѣтель сердецъ. Тщетно, сдѣлавшись самъ себѣ судія, искалъ я обличенія въ моей совѣсти, искалъ, думалъ — ничего не нашелъ я. Никогда не обращалъ я хребта передъ врагами, но прославлялъ тебя побѣдами, предводя воинствомъ. Долго трудился я, не щадя пота и крови, отлучаясь отъ матери и супруги, въ дальноконечныхъ градахъ, ополчаясь противъ враговъ твоихъ, снося нужды и болѣзни, учащаемъ ранами отъ рукъ варваровъ и сокрушая тѣло свое болѣзнію. И все сіе не во-что вмѣнилъ ты, Царь! Только паче разжегъ ярость и ненависть. — Хотѣлъ было я вызсказать тебѣ всѣ дѣла, силою Бога, на похвалу твою, мною сотворенныя; но оставляю: Богу они вѣдомы, паче человѣкъ, и Онъ будетъ мздовоздаятель. — Вѣдай, Царь, что уже не узришь ты лица моего до втораго пришествія Божіяго. Но молчать я не буду; до конца жизни моей буду вопіять къ Богу, въ него же вѣрую, призывая матерь владыки, херу-

вимовъ, святыхъ, и предка моего князя Ѳеодора, благоуханія паче аромать отъ святыхъ мощей своихъ испускающаго и благодатію Святаго Духа струи исцѣленія чудесъ источающаго.“

„Не мысли, Царь, суемудренно, что мы погибли, избіенные, заточенные, прогнанные, не радуйся одолѣніемъ похваляясь: избіенные вопіютъ о мщеніи предъ престоломъ Бога; вопіютъ и заточенные и изгнанные! Хвались тмами въ гордости, умышляй на народъ христіанскій въ пришедшемъ и скоротекущемъ вѣкѣ, ругаясь ангельскому образу, съ товарищами льстецами, губителями души и тѣла, движущими тебя на дѣла Амродиты, жертвующими тебѣ паче жрецовъ крамольныхъ. Сіе писаніе, слезами омоченное, положу я въ гробъ мой, и пойду съ тобою на судъ Божій. Писано въ Вольмарѣ, городѣ государя моего Сигизмунда Августа, отъ кого надѣюсь много пожалованъ быть и утѣшенъ отъ всѣхъ скорбей моихъ милостію его государскою, а паче помощію Божіею.“ Чего хотѣлъ Курбскій, осыпая укоризнами грознаго Царя? Неужели думалъ вразумить его? Историкъ долженъ благодарить быть бѣглецу за письмо и переписку, какая послѣ сего началась съ Іоанномъ — она поясняетъ намъ многое, чего не говорятъ лѣтописи; но подумалъ-ли

Курбскій, удовлетворяя безсильному мщенію, жажданію укорить Царя, посмѣяться надъ его безплодною яростью, подумалъ-ли онъ какую чашу золъ готовитъ для друзей, родственниковъ своихъ, для всѣхъ, кто былъ во власти Іоанна? Участь Шибанова, жены и сына Курбскаго осталась для насъ неизвѣстною. Но мы легко вообразимъ себѣ состояніе души Іоанна, гордаго, своевластнаго, котораго среди двора и вельможъ, измѣнникъ бѣглецъ дерзаетъ позорить, говоря истины, какихъ не осмѣливались другіе шопотомъ произнести въ своей семьѣ, среди верныхъ друзей! „Такъ поступитъ каждый изъ нихъ, какъ поступилъ Курбскій; такъ мыслятъ всѣ они, какъ пишетъ Курбскій!“ думалъ Іоаннъ, обводя окрестъ себя сверкающія отъ гнѣва очи.

Утаивъ гибельныя и роковыя думы, Царь хотѣлъ мечемъ отмстить ненавистной Польшѣ, побѣдамъ, торжествующему бѣглецу, но онъ не захотѣлъ перенести укоризнъ измѣнника въ молчаніи, рѣшился отвѣчать ему, самъ написалъ свой отвѣтъ, и драгоцѣнный памятникъ сей сохранился для потомства.

Отвѣтъ Іоанна былъ обширенъ, Царь истощилъ въ немъ всю свою ученость: знаніе исторіи, Священнаго писанія, политику свою; упрекъ и на-

смѣшка, смиреніе и ругательства стояли въ немъ на ряду съ важными подробностями, которыми оправдывалъ Іоаннъ причины своей недовѣрчивости, строгости, доказывалъ измѣну бояръ и вельможъ своихъ.

„Богъ нашъ Троица, прежде вѣкъ бывшій и нынѣ сущій, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, неимущій начала, ни конца, имъ же мы живемъ и движемся, имъ-же Цари царствуютъ и сильные пишутъ правду. Симъ Богомъ вручена была хоругвь побѣдъ Царю Константину и другимъ Царямъ, слугамъ слова Божія, и обтекши всю землю, дошла до Русскаго царства, отъ Владиміра, просвѣтившаго Русь крещеніемъ, до Мономаха, побѣдителя Грековъ, героя Александра, надъ Нѣмцами побѣду показавшаго, героя Донскаго Дмитрія, мстителя неправдъ, дѣда нашего Іоанна, обрѣтателя прародительскихъ наслѣдствъ отца нашего, и до насъ смиренныхъ. Хваля милость Бога, необагренные родною кровію, ибо не похищали царства, но Божіею волею и родительскимъ благословеніемъ, родились, возрасли и воцарились на царствѣ, пишемъ отвѣтъ нѣкогда православному боярину, совѣтнику и воеводѣ нашему, а послѣ преступнику, слугѣ враговъ, отступнику св. иконъ, осквернителю, раззорителю

храмовъ, князю Андрею Курбскому, измѣною восхотѣвшему быть Ярославскимъ владыкою."

За симъ слѣдовали упреки въ измѣнѣ, ничемъ неоправдываемой, укоризны, что для спасенія тѣла измѣною погублена душа. „Ты возопилъ на Бога, дающаго власть, и смотри, бѣднякъ! съ какой высоты въ какую пропасть ниспелъ ты. Если ты былъ праведенъ и благочестивъ, почто же смерти боялся? Невинная смерть пріобрѣтеніе праведнику и не долженъ-ли ты будешь умереть нѣкогда? Убоялся-ли обвиненій? но не называешь-ли тѣмъ свою виновную совѣсть? — Или забылъ, что противникъ власти есть противникъ Богу? Ты воспротивился мнѣ, Царю отъ Бога поставленному, не возжидалъ отъ меня, строптиваго владыки, вѣнецъ жизни вѣчной наслѣдовать. Не стыдно-ли тебѣ предъ рабомъ твоимъ Ваською Шибановымъ, который не боясь смерти, предъ Царемъ и предъ народомъ остался тебѣ вѣренъ? Ты не поревновалъ такому благочестію; отъ единаго гнѣвнаго слова моего погубилъ свою душу и души своихъ предковъ, ибо они, порученные дѣду нашему отъ Бога въ работу, завѣщавшіе вамъ, потомкамъ своимъ, служить, страдаютъ вашею измѣною. Все забылъ ты, собачьимъ измѣннымъ обычаемъ, преступилъ присягу, соединился со врагами и скудоумными сло-

вами, какъ въ небо каменьями бросаешь, уступивъ честь слугѣ своему!“

„Читали мы твое посланіе, изъ устъ змѣинаго яда исполненныхъ истекшее, исполненное меда разума, но горькое паче полыни. Требуешь отъ меня того, что выше силъ человѣческихъ, а кто виновенъ въ грѣхахъ моихъ? Не вы-ли, колебавшіе благочестіе мое отъ юности моей? Если и грѣшенъ я — ваши соблазны и измѣны причина тому. Служитель алтаря Божія соединялся съ вами, злодѣями; вы, какъ дьяволы, поколебали мое благочестіе отъ самой юности; вы хотѣли поработить меня, Царя вашего. Я человѣкъ, я слабъ и Царю ли быть подъ властью попа? Нѣтъ! и явился я громомъ бытія вашего, не далъ себя погубить, вамъ клятво-преступникп! Какъ смѣешь ты судить меня прежде суда Божія, меня, страдавшаго отъ васъ, подобно святымъ мужамъ, страдавшимъ отъ нашествія бѣсовъ! О чѣмъ болѣзнуешь ты, совершивъ злобу? къ чему совѣтъ твой, паче смрада зловоннаго? Если я постригъ неволею товарища твоего Тимоху, то и не въ его версту постригаемы были насильно, и не смѣли потомъ разрушать обѣта, хотя и неволею даннаго. Вспомни благочестивую жену Рурика Кіевскаго. Гибель нарушающимъ обѣты монашества, однажды данные. — Хвалишься

побѣдами, какія отъ васъ были, но забываешь, что гордость противника Богу (примѣры: Авенора, Ахитофеля, Іеровоама, и изъявленія св. Амвросія на премудрость Соломона). Называешь мучениками погубленныхъ мною злодѣевъ, но забылъ слова апостола: аще кто незаконно мучимъ будетъ, сирѣчь, не за вѣру, не вѣнчается. И татей и разбойниковъ мучатъ, но они не спасаются мученіемъ, ибо страдаютъ за свои грѣхи. Константинъ не умертвилъ-ли роднаго сына? Давидъ не избилъли враговъ своихъ? Но они во святые не причтены. Царю подобаетъ быть и милостиву и строгу, но страшенъ онъ бываетъ для злыхъ, а не для благихъ."

„Вы разожгли пламень гнѣва моего, опалены и сожжены имъ; зачѣмъ-же теперь жалуетесь? Человѣкъ, ядшій хлѣбъ мой, возсталъ ты на меня измѣною, какъ Іуда. Съ чего ты сдѣлался учитель и судія мнѣ? Неужели свѣтлость благочестивая, если царствомъ обладаетъ попъ — невѣжда? Неужели не знаетъ, что гдѣ попы царствомъ обладаютъ — гибель неизбѣжна (примѣры: Даоанана и Авирона, Иліи, Римской, Греческой Исторіи). Видишь-ли необходимость раздѣленія власти Царя отъ власти Священника? Хорошо полагали вы за меня душу, измѣнники (примѣры дѣда и

отца Курбскаго). Пишешь, что я избилъ сильныхъ и воеводъ; но кто-же эти воеводы и сильные? истребилъ я только измѣнниковъ и злодѣевъ. И когда воеводы могли укрѣплять царства? Они крѣпятся Божіимъ благословеніемъ и молитвами святыхъ, а не оружіемъ человѣческимъ. Пишешь, что я обагрилъ церкви кровью, и лжешь — казнилъ я измѣнниковъ, гдѣ случилось, и гдѣ такихъ собакъ не казнятъ? Но я изложу здѣсь дѣянія ваши и посмотримъ, какова была служба ваша намъ?" Іоаннъ описывалъ послѣ сего буйное правленіе, измѣны, хищенія вельможъ въ его малолѣтство и при Еленѣ, бунтъ послѣ пожара московскаго; убіеніе Глинскаго; призваніе имъ Сильвестра и Адашева; утѣсненія отъ нихъ, стараніе ихъ захватить власть; невольный походъ свой подъ Казань; буйство во время его болѣзни; сопротивленіе противъ войны въ Ливоніи; кроткое наказаніе Сильвестра и Адашева; необходимость казни, когда потомъ видѣлъ онъ сожалѣніе и участіе многихъ въ судьбѣ сихъ измѣнниковъ. — Далѣе излагалъ Іоаннъ ничтожность побѣдъ, какія были одержаны въ правленіе Адашева и Сильвестра въ казанской сторонѣ, противъ Крымцевъ и въ Лифляндіи; излагалъ свою вѣру въ Бога, уличалъ Курбскаго въ саддукейской ереси, говорилъ, что если воеводами его была

проливаема кровь за отечество, то кровавыми слезами плакалъ онъ отъ ихъ измѣны, если гонитъ онъ, то гнали Сильвестръ и Адашевъ. Выставляя примѣры ихъ гоненій, безпрестанно обращаясь къ тому, что ему, Царю, не слѣдовало быть обладаемымъ, выписывая цѣлыя страницы изъ Діонисія Ареопагита, уловляя Курбскаго разными схоластическими тонкостями, называя его сыномъ дьявола, Антеноромъ и Элеемъ, Антихристомъ, Моавитяниномъ и Аммонитяниномъ — „пишешь ты“ — говорилъ наконецъ Іоаннъ — „что приводишь между собою и мною судіею Христа Бога — я не отрицаюсь сего суди, но ты дѣлами его отрицаешься. Говоришь, что проливалъ кровь свою, но не искалъ-ли ты за то чести и славы? Сказываешь, что въ походахъ и трудахъ всегда былъ отлученъ отъ матери и жены — но Сильвестръ и Адашевъ тебя посылали, и какой-же ты брашноносецъ, если трудъ военный тяжелымъ тебѣ казался? Не отъ того-ли ты и сдѣлался бѣгуномъ, чтобы отдохнуть на свободѣ? Мздовоздаятеля называешь Бога, но страшись и подумай, какую мзду ты отъ него получишь. Лица твоего, говоришь, не явишь намъ до Страшнаго Суда; но кто и пожелаетъ видѣть твое эѳіопское лицо. Ты просишь Бога о мщеніи; но не тебя, а меня, за скорби мои

Богъ послушаетъ. И не явно-ли предокъ твой князь Ѳеодоръ отъ тебя отступается, ибо у мощей его святыхъ послано было исцѣленіе супругѣ моей? Что хвалишься быти его потомкомъ. Не всѣ чада Авраамли, кто отъ Авраама пошелъ, но только имущіе вѣру Аврааамлю. Господь силенъ и отъ каменія возвести родъ Авраама. Никого лѣтъ отъ меня изгнанныхъ, развѣ убѣжавшихъ измѣною, никого казненныхъ и заточенныхъ, кромѣ васъ, злодѣевъ. Милуются отъ насъ добрые, согласны и покорны намъ всѣ наши бояре, кромѣ таящихъ еще злыя ваши помышленія; по горе содѣвающимъ совѣтъ золъ. Лай собака, отрыгай свой ядъ змѣиный? Ты хочешь положить съ собою въ гробъ свое писаніе, и не явно-ли, что ты отвергъ уже послѣднее христіанство, за предѣлы гроба перенося злобу свою, и вмѣсто молитвы ругательство? Ты не достоинъ послѣ сего быть отпѣтъ, какъ христіанинъ. Въ нашей отчинѣ, ливонской землѣ, въ нашемъ городѣ Вольмарѣ, ты признаешь владыкою своимъ Сигизмунда, — надѣешься отъ него быть жалованъ — не подлый-ли ты послѣ сего измѣнникъ? И по себѣ Короля ты выбралъ, которымъ всѣ рабы повелѣваютъ. Не хочу тратить съ тобой словъ, по рѣченію Соломона: съ безумнымъ не множи словесъ. Ты буй сынъ, а утроба буйя гиплой

сосудъ, въ которомъ ничто не удержится. Тебя разуму не научишь. — Презираю и молчу. Писано нашей великой Россіи, въ преименитомъ, царствующемъ, престольномъ градѣ Москвѣ, у ступеней нашего царскаго порога, въ лѣто міроздавія 7072, Іюля въ 3й день.“

Но слова Царя не убѣдили Курбскаго. Безопасный отъ его преслѣдованій, бѣглецъ отвѣчалъ на царское посланіе, говорилъ смѣло и дерзко. „Широковѣщательное и многошумящее твое посланіе прочиталъ я, гдѣ отъ неукротимаго гнѣва, съ ядовитыми словами, изрыгаешь ты брань, нетолько Царю, но и простому воину неподобную. Нахваталъ изъ Св. Писанія преизлишно и завязливо, не какъ ученый мужъ строками, или стихами, но цѣлыми книгами и пареміями. И тутъ же пишешь о постеляхъ и тѣлогрѣлхъ, какъ пьяныхъ бабъ сказки, все перемѣшивая. И все это посылаешь ты въ такую землю, гдѣ нетолько въ Грамматикѣ и Риторикѣ, но въ Діалектикѣ и Философіи искусные мужи обрѣтаются. Надъ твоимъ варварскимъ складомъ дѣти должны смѣяться. И мнѣ, смиренному и изгнанному безъ правды, оскорбленному, прежде суда Божія грозишь, вмѣсто утѣшенія брань шлешь, заочно неповиннаго, нѣкогда вѣрнаго тебѣ, кусаешь! Богъ судья тебѣ, а я не понимаю, чего

ты хочешь? Нетокмо погубилъ ты казнью князей и воеводъ, нетокмо обобралъ ихъ до рубашки, но хочешь быть еще оправданъ. Хотѣлъ — было я на каждое твое слово отвѣчать, но предаю все суду Божію: буду молчать здѣсь, зато тамъ возглаголю, предъ престоломъ Божіимъ, вмѣстѣ съ другими жертвами твоей злобы и ярости. Нелицепріятенъ будетъ тамъ судъ, и страшенъ приличитель — совѣсть каждаго изъ насъ. И неприлично было бы мнѣ, воину, съ тобой перебраниваться, какъ перебраниваются рабы и тѣмъ взаимныя укоризны срамны. Спрашиваю отвѣта у души моей и она говоритъ мнѣ, что я правъ передъ тобою. Подождемъ. Вѣрю, что мы стоимъ на порогѣ надежды пришествія Христова, и на него упованіе, моё, въ немъ мое оправданіе."

Курбскій не довольствовался словами. Радуясь ласковому пріему отъ Сигизмунда, онъ не пощадилъ честнаго имени передъ современниками и потомствомъ, сталъ въ ряды вражескіе, и съ именемъ польскаго воеводы обнажилъ мечъ противъ отечества.

Почти въ одно время Іоаннъ услышалъ неожиданныя вѣсти: 70,000 польскаго войска шли отбивать Полоцкъ и сильныя полчища Татаръ стремились изъ Крыма.

Мы видѣли, что послѣ взятія Полоцка Іоаннъ

надмѣнно писалъ къ крымскому Хану. Грамату его повезъ посолъ Аѳанасій Нагой. Не смотря на изъявленія гордости, на то, что Іоаннъ не называлъ Хана братомъ, не билъ челомъ, а только кланялся Хану, русскому посланнику велѣно было обольщать Татарина ласковыми словами, дарить богато, сказать даже, что Іоаннъ удалилъ и казнилъ Адашева и товарищей его за ненависть ихъ противъ Крыма. Тогда же выпустили изъ неволи пословъ девлетовыхъ, задержанныхъ въ Москвѣ съ 1559 года; Девлетъ обрадовался, изъявлялъ дружбу, хотѣлъ мира, открылъ Іоанну важный замыселъ Султана, предпринимаемый для возстановленія мусульманскихъ царствъ по берегамъ Волги. Все казалось благопріятно. Уже Ханъ готовилъ мирныя граматы. Но Король польскій прислалъ ему дары богаче іоанновыхъ, обѣщая сверхъ того дать все, что Крымъ получаетъ отъ Россіи. Дружба Хана измѣнилась, и осенью 1564 года полчища Крымцевъ прошли новыми путями, такъ быстро, что нежданные явились передъ Рязанью. На Окѣ стояли только слабые отряды русскіе. Поспѣшно собрали войско, загородили путь въ Москву. Рязань спасъ любимецъ Іоанна Басмановъ. Онъ прискакалъ туда изъ ближняго своего помѣстья, вооружилъ жителей, сражался не-

утомленно, отбивалъ приступъ ходилъ, на вылазки, посылалъ разбивать отряды Татаръ по Окѣ и Волгѣ и такъ изумилъ непріятеля, что Ханъ поспѣшно отправился восвояси, не дожидаясь приближенія царскихъ воеводъ. Тогда самъ Іоаннъ пріѣхалъ къ войску на Оку благодарить своего любимца, жаловать его товарищей.

Не болѣе спасностей видѣли отъ движенія Поляковъ на Полоцкъ. Тамъ осторожно стояло войско Іоанна. Князь Петръ Щенятевъ воеводствовалъ въ Полоцкѣ и не хотѣлъ сдаваться, когда Радзивилъ и Курбскій подошли къ городу и облегли его. Другіе воеводы: Царь Симеонъ, князья Пронскій и Серебряный отряжаемы были Шихалеемъ изъ Великихъ Лукъ и хотѣли отрѣзать непріятелей отъ Вильны. Радзивилъ отступилъ за Двину; Русскіе напали на Озерище, взяли сію крѣпость. Нападеніе Сапеги на Черниговъ было неудачно. Сигизмундъ открылъ военныя дѣйствія и въ Ливоніи; Поляки опустошали окрестности Маріенбурга, Дерпта, входили въ Псковскую область осаждали Красный, принудили князя Шуйскаго и Шереметева отступить къ Воронежу, за то Русскіе жили и опустошали земли литовскія, зимою 1564 г. Курбскій вошелъ въ Великолуцкую область, но воины его занимались только грабежемъ.

Ничего не было страшнаго, Іоаннъ могъ двинуть громады войскъ, но врагъ его былъ въ немъ самомъ. Не видя побѣдъ, онъ во всемъ подозрѣвалъ измѣну, ничему, не вѣрилъ, не почиталъ себя безопаснымъ ни при войскѣ, ни даже въ Москвѣ, читалъ мысль о заговорѣ во взорахъ каждаго, слышалъ умыселъ въ каждомъ словѣ и, можетъ быть, вовсе не зная о томъ, какъ нѣкогда Царь ему подобный удалился изъ знаменитой столицы своей на бѣдный островокъ, Іоаннъ показалъ примѣръ новой капреи черезъ 15 столѣтій послѣ Тиверія.

И прежде Іоаннъ любилъ выѣзжать изъ Москвы, жить въ монастыряхъ, загородныхъ дворцахъ, помѣстьяхъ своихъ; съ нѣкотораго времени особенно полюбилъ онъ пребываніе въ Александровской слободѣ, верстахъ въ сотнѣ отъ Москвы. Но прежде всегда Іоаннъ объявлялъ куда ѣдетъ и надолго-ли. Теперь ничего не говорилъ Царь, ни митрополиту, ни боярамъ. Между тѣмъ видѣли сборы царскіе; Кремль уставлялъ былъ санями, возами, собиралась воинская дружина; любимцы Іоанновы готовились въ отъѣздъ, замѣтили что изъ дворца и кладовыхъ выносятъ множество драгоцѣнностей, иконы, золото, серебро. Никто не смѣлъ спросить Іоанна. Декабря 3 велѣно было собраться боярамъ и духовенству въ Успенскомъ соборѣ.

Явился Царь, слушалъ молебенъ, молился, потомъ распрощался со всѣми и отправился изъ Москвы съ дружиною, многочисленнымъ обозомъ, Царицею, обоими сыновьями. Въ недоумѣніи свѣдали, что Царь переѣхалъ въ Коломенское, прожилъ тамъ двѣ недѣли, потомъ жилъ въ Тайницкомъ, отправился въ Троицкую обитель и на святкахъ былъ уже въ любимой своей Александровской слободѣ. Ожидали извѣстій, распоряженій Іоанна: ничего не было слышно.

Января 3го 1565 года явился въ Москву Константинъ Поливановъ, онъ привезъ царскія граматы: одну велѣно было вручить полному собранію духовенства и вельможъ, другую народу. Граматы были прочитаны по распоряженію Іоанна и изумили всѣхъ.

Царь писалъ, что всѣ вельможи и царедворцы суть злые измѣнники, предаютъ царство врагамъ, измѣняютъ ему, думаютъ только о своемъ обогащеніи и потому онъ рѣшился оставить свое государство и поселиться гдѣ только его Богъ вразумитъ. О томъ же говорилъ Царь народу, прибавляя что гнѣву, его не подвергается добрый народъ московскій, но удаленіе Царя происходитъ отъ нестерпимыхъ оскорбленій и измѣнъ боярскихъ.

„Что же хочетъ учинить великій Государь

нашъ?“ въ изумленіи спрашивали бояре и вельможи. „Государь оставляетъ насъ! что будетъ съ нами?“ — вопилъ народъ „Если есть у него измѣнники, пусть казнитъ ихъ, но зачѣмъ оставлять насъ горькими сиротами! Кто будетъ править государствомъ? — нѣтъ! мы не измѣнники, мы вѣрные рабы его. Пойдемъ, умолимъ отца нашего воротиться.“

Положили, что митрополитъ останется въ Москвѣ для успокоенія народа, а избранное духовенство, вельможи, народъ отправятся немедленно къ Государю: ударить ему челомъ и плакаться, да не оставляетъ онъ вѣрный народъ свой и помилуетъ царство.

Января 5го явилось посольство въ слободѣ Александровской. Царь допустилъ сперва духовенство, потомъ бояръ и вельможъ. Онъ говорилъ съ ними долго, велерѣчиво, упрекалъ ихъ въ измѣнѣ, въ зломъ умыслѣ, въ намѣреніи извести его самаго, царицу и дѣтей. Наконецъ объявилъ, что готовъ принять снова государство, если отнынѣ будетъ ему полная воля казнить измѣну, безъ всякаго возраженія и противорѣчія со стороны духовенства и бояръ. Всѣ поверглись передъ нимъ и сказали, что всегда былъ онъ полный владыка казнить и миловать по своему произволенію. Никто

не дерзнулъ изречь противнаго слова. Царь угощалъ послѣ сего гостей своихъ, праздновалъ съ ними день Богоявленія, оставилъ при себѣ немногихъ; остальныхъ отпустилъ въ Москву, приказавъ отправлять дѣла обыкновеннымъ порядкомъ.

Около мѣсяца оставался еще Іоаннъ въ слободѣ своей. Въ это время выдумалъ онъ странное, неизвѣстное дотолѣ, положеніе объ опричникѣ. Что это такое было?

Іоаннъ рѣшился выбрать для себѣ тысячу человѣкъ тѣлохранителей изъ князей, княжатъ, дѣтей боярскихъ, осыпать ихъ богатствами, деньгами, заставить отречься отъ всего для его защиты. Вступая въ дружину опричниковъ, человѣкъ отказывался отъ родныхъ и отечества, онъ не былъ уже Русскій и подданный Іоанна, но опричь всего существующаго въ мірѣ, слуга Іоанна. Сія ужасная стража должна была отличаться особеннымъ нарядомъ, быть войскомъ и исполнителями повелѣній своего помѣщика, никто не смѣлъ судить ее, а ослушаніе опричнику дѣлалось государственною измѣною. Изъ Москвы Іоаннъ отдѣлялъ себѣ часть, которую слѣдовало окружить отдѣльными укрѣпленіями и въ ней построить дворецъ ему и жилища для опричниковъ. Такую-же часть отдѣлялъ онъ себѣ и въ Кремлѣ. Изъ всей Россіи избиралъ онъ

и называлъ опричниною нѣсколько городовъ съ уѣздами изъ этихъ отдѣльныхъ земель должны были идти доходы на прожитіе Государя и раздаваться помѣстья стражѣ его. Особые чиновники должны были составить опричный дворъ. Съ исключеніемъ опричнины отъ всякаго суда, остальная Россія, называясь земщиною, была однакожъ въ неограниченной волѣ Государя. Новою присягою обязывались всѣ на безпрекословное рѣшеніе его, не должны были возражать или требовать суда въ случаѣ обвиненія и казни. Имѣнія казненныхъ и осужденныхъ шли къ опричнику. Іоаннъ предоставлялъ управленіе всѣми дѣлами боярамъ, которые отвѣчали ему во всякое время за свое управленіе. Важныя государственныя дѣла, объявленіе войны, заключеніе мира, зависѣло единственно отъ одного Царя.

Февраля 3го Іоаннъ объявилъ положеніе объ опричникѣ. Никто не противорѣчилъ. Тогда внѣ Кремля, на Арбатѣ начали строить Царю опричный дворецъ; велѣно было набирать дружину опричниковъ; раздѣлять опричныя помѣстья отъ земскихъ. Февраля 4 начался судъ измѣнниковъ....

Александру Борисовичу Горбатому, который сражался нѣкогда подъ Казанью на Арскомъ полѣ и былъ первымъ намѣстникомъ Казани, изрекли

смерть съ 17-ти лѣтнимъ его сыномъ. Ихъ вмѣстѣ повели на казнь. „Не дай видѣть мнѣ себя мертваго!“ сказалъ отецъ и легъ первый на плаху. Сынъ поднялъ отсѣченную главу отца, поцѣловалъ и сказалъ: „благодарю Бога, что умираю безъ вины. Господи! прими духъ мой.“ Его казнили. Князь Дмитрій Шаферовъ былъ посаженъ на колъ. Казнили еще: Петра Ховрина, окольничаго Головина, князей Ивана Кашина и Петра Черкескаго.

И вдругъ велѣно было остановить казни. Іоаннъ изрекъ помилованіе другимъ опальнымъ. Оставляя жизнь князю Ивану Куракину и князю Дмитрію Оболенскому — нѣмому, онъ послалъ ихъ въ Волоколамскую обитель и велѣлъ постричь.

Еще милостивѣе поступлено было съ другими: боярину П. П. Яковлеву-Морозову, Л. Л. Салтыкову, Князю В. Серебряному, Ивану Охлябинину, Захарію Плещееву велѣно было только дать клятвенныя записи въ вѣрности. Кромѣ ручательства митрополита и духовенства за каждаго изъ нихъ, поручители изъ бояръ и сановниковъ должны были взнести Царю въ случаѣ измѣны ихъ и злаго умысла огромныя суммы денегъ. Іоаннъ простилъ въ это время и знаменитаго Михаила Воротынскаго: велѣно было воротить его въ Москву изъ

ссылки, обязать поручительствомъ духовныхъ и бояръ, съ платежемъ въ случаѣ измѣны 15,000 руб. Замѣчательно, что, вопреки уставу опричины, въ записяхъ упоминалось о ходатайствѣ духовныхъ особъ. Еще болѣе замѣчательны слова касательно Владиміра Андреевича. Опальные писали имя его на ряду съ другими врагами Государя, обѣщались къ князю Владиміру не приставать ни къ его дѣтямъ, не служить имъ ни въ какомъ дѣлѣ, никакою хитростью, съ нимъ, съ его боярами, приказными и служилыми людьми не дружиться и не ссылаться ни о какомъ дѣлѣ. Іоаннъ уже не скрывалъ своихъ опасеній, своей непріязни противъ брата. По разрядамъ 1565 г., отдѣляя сторожевые полки на Тулу, онъ собралъ въ одно мѣсто многихъ враговъ своихъ: Владиміра Андреевича, Михаила Воротынскаго, Ивана Яковлева — Морозова, Ивана Шереметева меньшаго. Но не имъ ввѣрены были главныя войска; одни должны были только оставаться въ почетѣ на первую, опасность. Тогда же вмѣсто отдаленнаго обширнаго удѣла Владиміра, Іоаннъ промѣнялъ ему Старицу и другіе города на Дмитровъ и Звенигородъ; бояре владиміровы были смѣнены, вмѣсто ихъ даны другіе по выбору Іоанна. Владиміръ повиновался.

Послѣ такихъ распоряженій, когда въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ были готовы отличные дворцы, крѣпкіе, окруженные избранною стражею, когда по слову Царя, безъ суда и спроса, опричникъ могъ принести къ нему голову своего отца, своего роднаго брата, когда Іоаннъ укрылся отъ сопровожденія бояръ и составилъ себѣ совѣтъ изъ любимцевъ опричныхъ, онъ вздохнулъ спокойно. Объявлены были милости: число бояръ умножено пожалованьемъ нѣсколькихъ. Царь не жилъ болѣе въ Кремлевскомъ дворцѣ, являлся туда рѣшать дѣла, но собственно ѣздилъ изъ мѣста въ мѣсто, не довѣряя никакой стражѣ и всего болѣе основалъ онъ пребываніе въ своей неприступной никому слободѣ Александровской.

Тогда снова обратилось вниманіе Царя на дѣла внѣшнія. Надобно было наконецъ подумать о спорахъ съ Сигизмундомъ, о Швеціи, о Крымѣ. Смятенный умъ Іоанна запутывался въ различныхъ предпріятіяхъ. Царь то рѣшался на сильныя мѣры, то отлагалъ и медлилъ, хотѣлъ міра, не оставлялъ и войны. Излагаемъ здѣсь объемъ внѣшнихъ событій до памятнаго 1570 года. Присовокупивъ къ сему то, что происходило въ сіи пять лѣтъ вокругъ Іоанна, внутри Россіи, мы увидимъ

вѣрное зеркало измѣненій, страданій души Царя и несчастнаго правленія Іоанна въ сіи годы.

Послѣ перѣшительныхъ битвъ съ Поляками, 1564 года, казалось, съ обѣихъ сторонъ хотѣли искренно мира. Въ годъ опричины не было войны. Послы Сигизмунда прожили въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ, лѣтомъ 1566 года. Царь не спорилъ даже за царскій свой титулъ, Король соглашался отдать Россіи Полоцкъ; но Ливонія была предметомъ безконечныхъ споровъ. Требуя Риги и полагая предѣломъ Двину, Іоаннъ обѣщалъ отпустить безъ выкупа плѣнныхъ Поляковъ, заплатить выкупъ за русскихъ плѣнныхъ, но за то требовалъ власти надъ всею Ливоніею, предполагая выгнать Шведовъ и Датчанъ, а Польшѣ предоставить одну Курляндію. Не видя конца переговорамъ черезъ пословъ, предлагали съѣхаться лично Царю съ Королемъ между Смоленскомъ и Оршею, но заспорили объ обрядахъ и послы Сигизмунда рѣшались оставить Москву, не утвердивъ ни войны, ни мира.

Іоаннъ хотѣлъ знать общее мнѣніе своихъ подданныхъ. Іюля 2го 1566 годы созванъ былъ Земскій совѣтъ, духовенство, бояре, чиновники, дворяне, даже купцы и торговые люди, всего 339 человѣкъ собрались въ кремлевскомъ дворцѣ.

Имъ предложили на разсужденіе, надобно-ли уступить Польшѣ Ригу и другіе ливонскіе города, взять взамѣнъ. Полоцкъ безъ уѣзда и еще нѣсколько городовъ въ Ливоніи, или начинать съ Божіею помощію войну и сражаться за правое дѣло? Общій голосъ всѣхъ присутствовавшихъ былъ тотъ, что отступиться отъ Риги и прочихъ городовъ невозможно, ибо тогда Поляки будутъ всегда угрожать Пскову и Новгороду и отнимутъ всю торговлю у Русскихъ. Совѣтъ хвалилъ смиреніе Государя, уступавшаго Польшѣ столь многое, порицающаго высокомѣріе Короля, который не думалъ вступать въ Ливонію, пока мечь русскій не уничижилъ силы рыцарей, а потомъ, пользуясь слабостью Ливонцевъ, захватилъ себѣ чужое, что могъ. Взятіе Полоцка безъ уѣзда было отвергнуто „и село и деревня безъ полей не живутъ, а какъ быть городу безъ уѣзда?“ говорили на совѣтѣ. „Лихой сосѣдъ лихо!“ повторяли другіе; утверждали что всѣ предложенія Польши коварны, ибо находясь во враждѣ съ Цезаремъ, Сигизмундъ хочетъ только выиграть время. Рѣшено: предоставить на волю Государя миръ и войну, но что если онъ рѣшитъ воевать, то совѣтъ благословляетъ и одобряетъ такое рѣшеніе. „Мы холопы его, и если къ государеву дѣлу годимся, то готовы головы класть,“

заключили военные. „Мы люди неслужилые,“ прибавили купцы, „службы не знаемъ; вѣдаетъ дѣла Богъ да Государь, но не стоимъ за животы свои, и головы положить готовы, чтобы государева рука была вездѣ высока и побѣдоносна.“

Что же было слѣдствіемъ земскаго совѣта? Іоаннъ велѣлъ готовить полки, сказалъ посламъ польскимъ (13го Іюля 1566 г.), что будетъ писать къ Королю. Договорясь о размѣнѣ плѣнныхъ, послы уѣхали (22го Іюля); но и въ размѣнѣ плѣнниковъ вышли недоразумѣнія. Обѣщая прислать пословъ, и въ самомъ дѣлѣ отправивъ пословъ ихъ (въ январѣ 1567 г.), Русскіе снаряжались на великую войну, строили крѣпости по границѣ, хотѣли сперва взять своихъ плѣнниковъ, потомъ выдать польскихъ. Соглашаясь заключить миръ въ Польшѣ, въ нарушеніе прежняго обычая заключать его въ Москвѣ, послы Іоанна рѣшительно хотѣли: уступки Полоцка съ уѣздомъ, Ливоніи по Двину и титула Царя ливонскаго, полоцкаго и смоленскаго. Наконецъ, не смотря на то, что видѣли Курбскаго въ сонмѣ вельможъ королевскихъ, Русскіе послы требовали выдачи измѣнника. Сигизмундъ отвергъ всѣ предложенныя условія, жаловался, что Русскіе, говоря о мирѣ, ищутъ войны. Въ самомъ дѣлѣ,

не только сильное войско русское шло въ Ливонію, но самъ Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы, осенью 1567 г. За Тверью догналъ его польскій посолъ. Царь принялъ посла въ шатрѣ, вооруженный, разжаловался на Сигизмунда, велѣлъ посла отправить въ Москву и посадить въ темницу, и самъ спѣшилъ въ Новгородъ. 20го октября встрѣтили его архіепископъ и духовенство новгородское въ Бронницахъ; послѣ молебновъ и пировъ у владыки и у Царя, Іоаннъ двинулся ко Пскову. Чрезвычайную тягость народу составляло содержаніе его многочисленнаго двора. Близъ Краснаго, въ селеніи Аршанскомъ, вдругъ измѣнились всѣ намѣренія Іоанна. Онъ собралъ воеводъ, разсуждали, что въ Ливоніи язва, что время для войны невыгодно, что Поляки могутъ ворваться въ это время въ русскіе предѣлы. Словомъ: Царь послалъ сказать Королю, что шелъ для свиданія съ нимъ, и готовъ мириться, уѣхалъ въ Москву, отпустилъ задержаннаго посла сигизмундова, и послалъ снова говорить о мирѣ.

Такъ прошелъ и 1568 годъ. Въ свою очередь, Сигизмундъ собралъ сильное войско. Онъ слышалъ объ ужасахъ въ Москвѣ, заговорѣ на жизнь Царя, но вскорѣ потомъ услышавъ о казни заговорщиковъ, распустилъ войско свое, и война кончилась

мелкими ошибками. Подъ Улою Русскіе разбили Поляковъ, Поляки сожгли новостроющуюся крѣпость Копье, грабили около Велижа и отрядъ польскій, назвавшись опричниками, нечаянно захватилъ Изборскъ; Русскіе выгнали его изъ Изборска, ходили жечь Витебскъ. Въ началѣ 1569 г. размѣняли плѣнныхъ. Войны вовсе не было; и Царь и Король остановились, какъ будто хотѣли видѣть слѣдствія важныхъ дѣлъ на югѣ Россіи.

Мы упомянули о замыслѣ Султана, о чѣмъ извѣстилъ Іоанна Ханъ крымскій еще въ 1564 году. Солиманъ, обновитель славы Оттомановъ; завоеватель Родоса, Багдада, Аравіи и Африки, грозившій цѣлой Европѣ, думавшій объ освобожденіи Индіи отъ власти Европейцевъ, хотѣлъ положить предѣлы и увеличенію Россіи. Онъ думалъ отправить сильное войско Допомъ, прорыть каналъ изъ Волги въ Донъ, учредить черезъ то вѣрныя сообщенія, взять Казань, Астраханъ, стѣснить Москву. Сынъ его Селимъ рѣшился исполнить предпріятія отца, не смотря на возраженія крымскаго Хана, что дѣло невозможно, что для этого надобно побѣдить сильныя войска Русскихъ, что если Султанъ отправитъ многочисленныя полчища, изъ нечѣмъ будетъ питаться въ степяхъ донскихъ и приволжскихъ, безпрерывно выкупая битвами каждый шагъ. Ха-

на ужасало предпріятіе Султана, ибо въ случаѣ успѣха онъ могъ потерять свою независимость; явились бы царства не татарскія, но турецкія. Селимъ велѣлъ Хану повиноваться, отправилъ войско, приказавъ двинуться кафинскому Пашѣ съ флотомъ и артиллеріею, а Хану соединиться съ нимъ и обоимъ идти прямо на Волгу, воевать Русскихъ и рыть каналъ.

Іоанну извѣстно было предпріятіе Султана, но можетъ быть, почитая его несбыточнымъ, онъ ужаснулся исполненія, и не думалъ отвратить его какимъ нибудь огромнымъ предпріятіемъ. Велѣно было только охранять границы отъ Татаръ и Польши. Въ Астрахань отправили по Волгѣ князя Серебрянаго и Замятню-Сабурова, съ небольшимъ отрядомъ. Новость дѣла страшила паче всего. Посолъ царскій въ Крыму былъ лишенъ свободы, Семенъ Мальцовъ находившійся у Ногаевъ, былъ захваченъ въ полонъ Турками. Донскіе Козаки бѣжали изъ своихъ селеній, Ногаи, Черкесы не смѣли двинуться, многіе изъ нихъ передались къ Туркамъ и вызывались вести ихъ къ Казани, къ Астрахани. Король польскій спѣшилъ кончить всѣ ссоры свои съ Султанами и готовъ былъ помогать. Царь робко укрывался въ слободѣ своей и ждалъ вѣстей. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы предпріятіе

Турокъ было произведено по замысламъ Солимана, страшная опасность угрожала бы Россіи. Но на тронѣ Султановъ сидѣлъ ничтожный Селимъ; Польшею правилъ старый, беспечный Сигизмундъ. Ханъ крымскій, не смѣя ослушаться, рѣшился дѣйствовать не на помощь, но на погибель Турокъ и обширный замыселъ Турокъ кончился стыдомъ и бѣгствомъ.

Султанъ прислалъ къ кабрінскому Пашѣ столь мало людей, что все войско турецкое, отправившееся съ нимъ, состояло изъ 20 тысячъ. Паша плылъ Дономъ до того мѣста, гдѣ Донъ сближается съ Волгою, Ханъ сошелся съ нимъ недалеко оттуда и привелъ 50,000 Татаръ. Ужасаясь пустынпаго плаванія по Дону, Паша дивился, что никто не препятствуетъ его походу, и говорилъ, что 2000 Козаковъ могли-бы погубить его и все турецкое войско. Въ августѣ 1569 г. Паша началъ рыть каналъ, но предпріятіе было столь нелѣпо, способы столь недостаточны, опасеніе отъ Русскихъ столь велико, что вскорѣ оставили работу, и Паша рѣшился перетащить суда изъ Дона въ Волгу по землѣ. Тутъ явились послы Іоанна съ увѣреніями въ дружбѣ, съ подарками Пашѣ. Онъ принялъ дары, и пошелъ на Астрахань, остановился, началъ строить крѣпость, хотѣлъ оставить въ ней

турецкое войско, и осенью вдругъ поворотилъ обратно въ Крымъ. Татары повели его безплодными степями. Козаки, Черкесы явились отвсюду, грабили, нападали на Турокъ, даже успѣли зажечь въ Азовѣ пороховые запасы и причинить великій вредъ городу. Недалеко отъ Азова встрѣтили Пашу послы турецкій и польскій: Султанъ приказывалъ ему удерживаться на Волгѣ, обѣщая прислать помощь, Король обѣщалъ идти на Москву, уговаривая къ тому же и Хана крымскаго. Но Паша ничему не вѣрилъ, писалъ, уже изъ Кафы, что бѣдствія его похода превосходятъ всякое вѣроятіе, и предпріятіе рѣшительно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, едва треть Турокъ воротилась возвоясн, остальные погибли въ битвахъ съ Козаками и Черкесами, отъ голода, трудовъ, изнуренія. Паша сохранилъ свою голову на плечахъ, пославъ богатые подарки въ Царьградъ вельможамъ Султана, и на другой годъ забыли о предпріятіи противъ Русскихъ. Война съ Венеціанами и мужество героя Жуана увлекли вниманіе Селима на западъ.

Іоаннъ успокоился, когда получилъ подробныя извѣстія о дѣлѣ отъ Аѳанасья Нагая и отъ Семена Мальцова, котораго плачили съ собою Турки въ своемъ походѣ, и потомъ выкупилъ Нагай! Вѣр-

ный слуга пріѣхалъ въ Москву и разсказалъ Царю всю тщету замысловъ турецкихъ, вмѣстѣ съ страданіями претерпѣнными имъ. Ханъ крымскій пагло схалился своею измѣною противъ Султана, и требовалъ дружбы русской, т. е. подарковъ. Козаки снова явились на Дону, кавказскіе Горцы отдохнули отъ страха; они не боялись уже ни Турокъ ни Татаръ, обѣщали по прежнему безопасность Астрахани и просили только докончить городъ на Терекѣ, который могъ бы служить для нихъ опорою.

Но Іоаннъ не думалъ ни укрѣпить дружбы Татаръ, ни устрашить ихъ и Султана сильными мѣрами, ни даже рѣшить въ это время долголѣтнюю вражду съ Сигизмундомъ. Хана крымскаго только увѣряли въ дружбѣ, продолжали вооружать противъ него Ногаевъ, Черкесовъ, одобрять мѣлкую войну донскихъ Козаковъ. Іоаннъ велъ безполезные переговоры съ Персіею, которая не могла ни вредить ни помогать и вздумалъ также безъ пользы польстить самолюбію Султана. Въ январѣ 1570 г. отправился въ Царьградъ посолъ Новосильцовъ съ поздравительными граматами о восшествіи Селима на тронъ отцовскій съ увѣреніями въ дружбѣ, въ усердіи Русскихъ къ мугаммеданской вѣрѣ. Султанъ потребовалъ уничтоженія крѣпости на Терекѣ, отдачи Казани, Астрахани, даже подданства

русскаго Царя. Онъ говорилъ, что готовится идти уже не на Астрахань, но прямо на Москву, строить мосты на Дунаѣ, собираетъ припасы въ Молдавіи, что Король польскій уступаетъ ему Кіевъ, гдѣ будетъ главное становище Турецкихъ войскъ. Іоаннъ ничѣмъ не оскорблялся, ни укоризнами, ни упреками, отправилъ снова увѣренія въ дружбѣ (въ мартѣ 1571 г.), соглашался уничтожить турецкую крѣпость, просилъ мира. Султанъ отвѣчалъ попрежнему, угрожалъ. А Ханъ крымскій, видя униженіе Царя, ободрился. Отряды его разбили Черкесовъ, приходившихъ къ крымскимъ берегамъ, два шурина царскіе были взяты въ плѣнъ. Тогда Ханъ не познавъ мѣры гордости, готовился идти къ Москвѣ, хищники его начали появляться въ южныхъ степяхъ.

Іоаннъ слышалъ объ этомъ и спѣшилъ прекратить войну съ Сигизмундомъ. Многочисленное, знатное посольство польское прибыло въ Москву весною 1570 года. Сигизмундъ соглашался на перемиріе, если Іоаннъ не хочетъ заключать мира, и перемиріе заключено было на три года. Обѣ стороны остались впредь до рѣшенія при томъ, что которая имѣла въ рукахъ. Послы польскіе со страхомъ видѣли тогда внутренній образъ правленія іоаннова. Казни и ужасы окружали престолъ

Царя. Въ тоже время окрестъ его плясали шуты и скоморохи, съ которыми забавлялся онъ, не боясь стыда въ виду иноземцевъ. Въ тайномъ переговорѣ, послы сказали Царю отъ имени литовскихъ вельможъ, что Польша ожидаетъ кончины слабаго своего Короля, многіе мыслятъ предложить Іоанну корону польскую, ибо съ кончиною бездѣтнаго Сигизмунда прекратится родъ Ягеллы и надобно будетъ избирать властителя достойнаго. У меня и безъ васъ велико государство, на что мнѣ ваша Литва и Польша? отвѣчалъ Іоаннъ и прибавилъ, что если въ самомъ дѣлѣ вельможи литовскіе имѣютъ такое намѣреніе, то пусть заключатъ прежде миръ съ Россіею, и въ залогъ дружбы отдадутъ Царю руку сестры сигизмундовой Софіи. Отпуская пословъ къ Королю для подтвержденія мирнаго договора, Царь приказывалъ имъ смотрѣть крѣпко, чтобы „Король, присягая, цѣловалъ крестъ на обѣихъ грамотахъ, русской и польской и цѣловалъ губами, самый крестъ, не подножіе, не мимо креста, и не посмѣ бы только дотронулся до креста.“ Послы выполнили строго приказъ царскій и порадовали Іоанна извѣстіемъ, что въ Литвѣ рѣшительно думаютъ избрать его на мѣсто Сигизмунда, послѣ смерти королевской, что паны ли-

товскіе готовы стараться о супружествѣ его съ королевною Софіею.

И такъ Іоаннъ искалъ себѣ супруги? Но царица Марія была еще жива. Не будемъ удивляться: Іоаннъ стоялъ въ это время на послѣдней степени нравственнаго паденія. Въ этомъ отношеніи изъ внѣшнихъ дѣлъ Россіи всего любопытнѣе переговоры его съ Швеціею и Англіею.

Безумный сынъ Густава, Эрихъ, продолжалъ властвовать въ Швеціи, безразсудно воюя и мирясь, казня подданныхъ и безславя великое имя отца своими дѣяніями. Онъ возненавидѣлъ брата своего Іоанна, который женился въ 1562 г. на Екатеринѣ, сестрѣ Сигизмунда, владѣлъ Финляндскимъ удѣломъ и не препятствовалъ Эриху сумобродствовать. Обольстивъ брата притворною дружбою, Эрихъ заключилъ его въ тюрьму, не рѣшался на казнь, но не давалъ и свободы. Великодушная Екатерина умолила позволить ей раздѣлить темницу съ супругомъ. Послѣ мира, заключеннаго съ Россіею въ 1563 году, Эрихъ хотѣлъ прочной дружбы русскаго Царя; предлагалъ союзъ противъ Польши и родственную связь, соглашаясь выдать дочь свою Виргинію за царевича Іоанна. Царь отвѣчалъ на это предложеніемъ другаго родства: онъ обѣщалъ дружбу и помощь Эриху, если Эрихъ согласится

отдать ему по доброй волѣ или насильно, жену несчастнаго брата своего, Екатерину. И Эрихъ согласился. Въ началѣ 1567 г. пріѣхали въ Москву шведскіе послы. Заключили договоръ, равно постыдный для обоихъ властителей. Царь навсегда уступалъ Швеціи Ревель и Эстляндію, обѣщалъ защиту противъ враговъ, Эрихъ обѣзался выдать посламъ царскимъ Екатерину, и послы прибыли за нею въ Стокгольмъ въ іюлѣ 1567 года. Но отвратительное дѣло Эриха возбудило всеобщее негодованіе Шведовъ и рѣшило участь его. Вельможи, народъ, терпя до сихъ поръ весь позоръ царствованія Эриха, не выдавали ему Екатерины. Эрихъ не смѣлъ отпустить русскихъ пословъ безъ исполненія договора, предлагалъ имъ снова дочь свою, хотѣлъ выватать за Іоанна сестру Екатерину; Царь требовалъ одного: выдачи Екатерины и не слушалъ никакихъ отговорокъ. Такъ прошло болѣе года. Мѣра безумія эрихова совершилась: въ сентябрѣ 1568 года Стокгольмъ взволновался, Эрихъ былъ низверженъ, и Іоаннъ и Екатерина изъ темницы перешли на престолъ Шведскій. Въ смятеніи народномъ ограбили, едва не убили пословъ ненавистнаго Царя московскаго. Ихъ удалили въ Або, и новый Король шведскій отнесся къ Царю граматою, представляя ему все

непреличіе его договора съ Эрихомъ. Къ удивленію, Царь отвѣчалъ милостиво и ласково, увѣрялъ, будто Эрихъ обманулъ его, сказалъ, что Екатерина вдова, что супругъ ея скончался въ заключеніи, но, что если бы извѣстно ему было о существованіи Іоанна, онъ никогда не подумалъ бы учинить беззаконнаго дѣла и отнимать жену у живаго мужа. Обѣщая миръ и дружбу Швеціи, Царь прислалъ опасныя граматы для проѣзда шведскихъ пословъ въ Москву. Іоаннъ повѣрилъ, русскихъ пословъ отпустили съ честью и шведскіе послы пріѣхали въ Россію въ началѣ 1570 года. Тогда Царь не хотѣлъ болѣе скрывать своего гнѣва; по его приказанію, шведскихъ пословъ ограбили, обрутали въ Новгородѣ, и въ цѣпяхъ привезли въ Москву. Здѣсь читали ихъ граматы. „Король предлагаетъ мнѣ дружбу, какую изъявлялъ я къ брату его Эриху, но цѣною дружбы была Екатерина. Согласенъ ли вашъ нынѣшній Король отдать мнѣ жену свою?“ Такъ говорилъ онъ посламъ, которые только удивлялись требованіямъ, а Царь называлъ Короля злодѣемъ, измѣнникомъ, грозилъ, что пойдетъ на него войною, отниметъ у него нетолько Эстонію, но и Финляндію. Пословъ увезли въ Муромъ, заключили тамъ въ крѣпкой тюрьмѣ, и со-

держали такъ жестоко, что изъ 50ти человѣкъ свиты ихъ умерло отъ болѣзней 15ть человѣкъ. .

Не таковы были сношенія Іоанна съ Англіею: здѣсь Царь изъявлялъ необыкновенную крѣпость, ласковость, уваженіе. Дозволивъ свободную торговлю Англичанамъ, договоръ съ ними подтвердили въ 1567 и 1569 гг. — Славный Джекинсонъ три раза былъ съ Москвѣ, умѣлъ поддержать дружбу Царя, такъ что Іоаннъ не уважая торговыхъ сношеній съ Голландіею и Ганзейцами, велѣлъ исключить англійскихъ купцовъ и домы, подаренные имъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, изъ общаго земскаго суда, и ввести въ опричнину. Елисавета царствовала въ Англіи, не внимала жалобамъ Королей датскаго, польскаго, шведскаго, представлявшихъ ей, что торговлею съ Русскими она увеличиваетъ силу и могущество опаснаго русскаго Царя на погибель Европѣ. Купцы русскіе свободно ѣздили въ Англію, а товары англійскіе безопасно шли черезъ Россію въ Персію и Индію. Царь прощалъ даже всякое корыстолюбіе англійскихъ купцовъ, и не слушалъ жалобъ, возникавшихъ противъ нихъ при дѣлахъ съ его подданными, болѣе: посолъ Елисаветы Рандольфъ пріѣхалъ въ Россію въ 1568 году, не хотѣлъ дожидаться, пока назначатъ ему день представленія къ

Царю, требовалъ назначенія настоятельно, грубо. Іоаннъ велѣлъ позвать его къ себѣ, по безъ соблюденія обрядовъ. Рандольфъ оскорбился, почиталъ обиженною честь своей Королевы, надѣлъ шляпу передъ Царемъ, и — не возбудилъ ни малаго гнѣва. Царь говорилъ съ нимъ кротко, вѣжливо.

Вскорѣ открылась тайная причина особенной милости Іоанна къ Англичанамъ: не государственныя выгоды, не богатства торговли имѣлъ въ виду Царь — нѣтъ! онъ готовилъ себѣ убѣжище въ Англіи, не вѣря, не считая себя безопаснымъ, ни въ опричныхъ крѣпостяхъ своихъ, ни среди ужаса казней! Царя русскаго опасались въ Европѣ; говорили о полу-милліонѣ войскъ его, о недавнемъ неудачномъ походѣ въ Россію Турокъ, устрашавшихъ Италію и Имперію, о дерзкихъ поступкахъ русскаго властителя противъ Польши, Швеціи, о безмѣрности земель его, а онъ — трепеталъ тѣни своей, унижался до того, что просилъ изъ милости мѣстечка у англійской Королевы, гдѣ могъ бы дожить остатокъ жизни, ненавистной ему самому. Дѣло невѣроятное, но свидѣтельства несомнительны!

Ночью, вскорѣ послѣ публичнаго представленія, Рандольфа позвали къ Царю, безъ свиты въ русской одеждѣ. Онъ видѣлъ Царя, долго говорилъ съ нимъ, и съ изумленіемъ услышалъ просьбу

Іоанна, что не надѣясь царствовать безопасно въ Россіи, онъ умоляетъ Королеву, въ случаѣ опасности, позволить ему пріѣхать въ Англію, и тамъ спастись отъ враговъ. Рандольфъ обѣщалъ согласіе Королевы. За то Іоаннъ не щадилъ милостей Англичанамъ. Савинъ отправился отъ него посломъ въ Англію, вмѣстѣ съ Рандольфомъ; Елисавета приняла его дружески и великолѣпно и 18 Мая 1570 года вручила ему грамату, въ которой обѣщала дружбу, союзъ съ Россіею, и убѣжище Царю въ Англіи, гдѣ можетъ онъ жить на собственномъ иждивеніи, по своей волѣ, свободно отправляя обряды своей вѣры!. Іоаннъ еще незабывавшій своей гордости, досадовалъ, что Елисавета не подтвердила обѣщаній торжественнымъ посольствомъ. Ему казалось недостаточно тайнаго договора; но онъ былъ однакожъ доволенъ, скрылъ свое негодованіе, продолжалъ милостивое расположеніе къ Англичанамъ, и въ граматѣ Елисаветы видѣлъ залогъ своего спасенія на случай бѣды.

Здѣсь съ изумленіемъ спрашиваемъ сами себя: тотъ ли это Іоаннъ, тотъ ли Царь, который покорилъ Казань, Астрахань, устрашилъ Крымъ, грозно губилъ Ливонію, былъ утѣхою подвластныхъ, радовалъ своимъ милосердіемъ, законами, мудрыми учрежденіями? Тотъ самый, но до того довели

несчастнаго Царя необузданныя страсти, и такъ должно было кончить тому, кто заградилъ истинѣ входъ во дворецъ свой и добровольно отвергся добра! — Еще невполнѣ знаемъ мы всю великость измѣненія Іоанна въ это время, съ горестнымъ чувствомъ начинаемъ ужасающую картину внутреннихъ событій въ Россіи съ 1565 го до 1570 года.

Казалось, что послѣ казней, опалъ, учрежденія опричины, въ 1565 году, Іоаннъ отвелъ душу. Онъ укрывался въ своихъ опричныхъ дворцахъ, веселился среди своихъ избранныхъ друзей и служниковъ, большею частію жилъ въ Александровской слободѣ, которая сдѣлалась небольшимъ, но живымъ, дѣятельнымъ городомъ, гдѣ находились домы вельможъ, богатые торговые ряды, великолѣпно убранныя церкви. Никто не смѣлъ близко подъѣзжать и подходить къ обиталищу Іоанна, еще труднѣе было проникнуть внутрь царскаго жилища, гдѣ Царь пустынножительствовалъ съ своими друзьями. Онъ и товарищи его жизни отличались странными нарядами; день проходилъ въ смѣшеніи молитвы съ пиромъ, казней съ весельемъ, думы о царствѣ съ заботами о домашнемъ хозяйствѣ, сладострастныхъ забавъ съ травлею медвѣдей и хищныхъ звѣрей. Когда Царь отправлялся въ Мос-

кву, на богомолье, или на охоту въ разныя мѣста, его окружали опричники. и страхъ гналъ съ пути его каждаго богатаго и бѣднаго, вельможу и простолюдина, отца съ дочерью, мужа съ женою.

За два года до опричины, ноября 21. 1563 г. умеръ Юрій, единственный братъ Іоанна; черезъ мѣсяцъ, 31 декабря 1563 г. скончался и дряхлый митрополитъ Макарій, послѣ 20ти лѣтняго правленія россійскою церковью. Другъ Адашева и Сильвестра, во время ихъ правленія, онъ безмолвно предалъ ихъ гнѣву Царя, умѣлъ сохраниться только тѣмъ, что отрекался отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ и оставилъ память по себѣ единственно ревностію къ церкви, любовью къ исторіи отечественной, и тѣмъ, что первый завелъ въ Россіи книгопечатни, стараясь исправить церковныя книги, искажаемыя невѣждами переписчиками. По кончинѣ его съѣхались русскіе владыки въ Москву для избранія новаго митрополита. Царь повелѣлъ имъ разсудить, почему первосвятитель церкви россійской не носитъ бѣлаго клабука, чѣмъ отличается владыка новгородскій, и почему не печатаетъ онъ грамотъ своихъ краснымъ воскомъ? Послѣ совѣщанія положено было придать сіи новыя отличія митрополиту. Тогда къ досадѣ многихъ, Царь указалъ на избраннаго имъ: это былъ Ан-

дрей, бывшій протоіерей Благовѣщенскій, царскій духовникъ, укрывшійся въ Чудовскую обитель, послѣ паденія Адашева и Сильвестра, постригшійся тамъ и жившій смиренно подъ именемъ инока Аѳанасія. Не смотря на болѣзни и старость, онъ не смѣлъ отказаться, скорбѣлъ на первосвятительскомъ престолѣ, видѣлъ установленіе опричнины, отрекаясь отъ ходатайствованія предъ Государемъ за опальныхъ и подпадающихъ гнѣву его. Не прошло двухъ лѣтъ, и Аѳанасій упросилъ освободить его отъ величія, позволить ему снова укрыться въ Чудовскій обители (въ Маѣ 1566 г.) Царь вызвалъ изъ Казани тамошняго владыку Германа и объявилъ его митрополитомъ. Чистый нравами, неученый, но твердый и смѣлый первосвятитель дерзнулъ потребовать тайной бесѣды, съ Царемъ. Здѣсь наединѣ онъ высказалъ ему всю душу свою, изрекъ истины, какія отвыкъ слышать Іоаннъ; говорилъ ему о жизни и судѣ за гробомъ, требовалъ исправленія. „Еще ты не митрополитъ, а уже хочешь вязать меня!“ отвѣчалъ Царь; но вышелъ мраченъ и задумчивъ. Его совѣтники свѣдали о тайномъ разговорѣ, ужаснулись, говорили Царю, что Германъ хочетъ быть вторымъ Сильвестромъ. Басмановъ упалъ къ ногамъ его и молилъ спасти ихъ отъ новаго лицемѣра. Іоаннъ

объявилъ, что не соизволяетъ Германа въ митрополиты, искалъ окрестъ себя и нашелъ великаго мученика правды.

Нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву изъ отдаленнаго Соловецкаго монастыря престарѣлый игуменъ Филиппъ, съ святою водою и съ мощами. Онъ происходилъ изъ почетнаго роду Колычевыхъ; тридцати лѣтъ, въ 1537 г., отрекся отъ міра, уже около тридцати лѣтъ былъ инокомъ и 18-ть лѣтъ настоятелемъ Соловецкой обители. Избранный общимъ желаніемъ братіи, за свое постническое, примѣрное житіе, Филиппъ показалъ необыкновенную дѣятельность въ устройствѣ монастыря; ввелъ порядокъ въ жизни, умножилъ доходы, строеніе монастырское, изумлялъ своими механическими заведеніями, заслужилъ любовь вельможъ, являясь въ Москву, и вниманіе Іоанна, нещадившаго даровъ и милостей добродѣтельному игумену. Вдругъ Филиппъ былъ потребованъ нарочно въ Москву, и Царь велѣлъ объявить ему избраніе его въ митрополиты. Старецъ не ослушался; онъ отдалъ братіи соловецкой все, что еще имѣлъ у себя — деньги, кресты, родовыя иконы; молилъ ихъ записать имена родителей его и брата на вѣчное поминовеніе; повѣсилъ на гробъ св. Савватія свою рѣзную панагію; умолялъ не забыть его въ поминовеніи, когда услышатъ объ

его кончинѣ, и отправился въ Москву. Слава предупреждала благочестиваго мужа на пути; народъ выходилъ къ нему на встрѣчу; въ Новгородѣ умоляли его ходатайства за народъ передъ грознымъ Царемъ. Іоаннъ встрѣтилъ старца съ необыкновенною милостію, и не хотѣлъ слушать его отрицаній. Тогда Филиппъ началъ говорить, что онъ не приметъ митрополитства, пока Царь не разрѣшилъ ему власти ходатайствовать за опальныхъ, не уничтожитъ опричнины, не прекратитъ раздѣленія на земщину и опричнину, ибо по слову самаго Бога: „аще царство раздѣлится, то запустѣетъ.“ Съ изумленіемъ и страхомъ слушалъ его Іоаннъ, видя, что одинъ духъ проникъ повсюду, что даже и смиренный настоятель отдаленной обители говоритъ ему тоже, что говорятъ первостепенные владыки. Онъ скрылъ досаду, страхъ; сказалъ, что его воля непременна. Филиппъ служилъ обѣдню и вдругъ торжественно обратился къ Царю, и повторилъ свое требованіе. „Ты-ли не знаешь, что ближніе мои возстали на меня и хотятъ проглотить меня, какъ лютые звѣри!“ воскликнулъ Царь. Онъ объявилъ гнѣвъ свой Филиппу. „Я не искалъ великаго сана; да позволитъ мнѣ Царь удалится,“ отвѣчалъ Филиппъ. Но Царь не хотѣлъ избрать другаго, приказалъ всему собору владыкъ и духо-

вества уговорить Филиппа. Старецъ согласился, и утвердилъ записью, что „не будетъ вступаться въ опричнину и въ царскій домовой обиходъ.“ Черезъ пять дней Филиппа возвели въ достоинство митрополита; подозрѣніе запало въ душу Царя. но Царь и митрополитъ безмолвствовали.

И вскорѣ на главныхъ вельмож пало вновь гибельное подозрѣніе Царя. Не знаемъ: вѣрить ли свидѣтельству современниковъ, что дѣйствительно тогда составился страшный заговоръ въ Москвѣ? Главою его были, говорятъ, Владиміръ Андреевичъ и знаменитый боярин и конюшій Иванъ Челядининъ, сынъ воеводы, умершаго плѣнникомъ въ Литвѣ послѣ Оршинской битвы, старикъ, женатый на бывшей княжнѣ Дорогобужской, матери юнаго князя, казненнаго Іоанномъ въ 1545 году Пристали и другіе, прежніе крамольники, доселѣ уцѣлѣвшіе: князья Самсонъ Ростовскій, Турунтай Пронскій. Думали призвать на помощь Сигизмунда; Король, какъ мы видѣли, дѣйствительно собралъ тогда сильное войско, а Іоаннъ не готовился къ защитѣ. Онъ хотѣлъ испытать вѣрность вельмож. своихъ: Мстиславскому, Бѣльскому, Мих. Воротынскому и Челядинину вручилъ граматы нѣкто Иванъ Козловъ отъ имени Сигизмунда и Гетмана литовскаго Хоткевича. Король и Хоткевичъ писали,

обѣщая великія милости, поносили Іоанна, указывали на примѣръ Курбскаго и требовали измѣны. Кажется, что всѣ четверо испытуемыхъ поняли хитрость, представили Государю присланныя къ нимъ граматы, представили и отвѣты — такіе, какихъ, конечно, не позволили — бы они себѣ, если бы не вѣдали, что письма ихъ не пойдутъ по назначенію, но останутся у Царя.

Содержаніе отвѣтовъ было почти одинаковое; всѣ укоряли Сигизмунда, что онъ вѣроломно нарушаетъ честь государственную, не стыдится ихъ, почетныхъ бояръ, уговаривать на вѣроломство, не стыдится подсылать къ нимъ негодяевъ; всѣ хвастали своими высокими званіями; гордились милостью Государя своего, съ насмѣшкой требовали у Короля половину его государства и подданство его съ остальною половиною Царю русскому. „Знаешь ли ты, Король,“ писалъ Бѣльскій, „что такъ какъ ты поступаешь, поступаютъ только прокураторы, фальшеры и лотры? Неприлично государямъ такъ удѣлывать, и такими безлѣпичными листами ссоры чинить, воровскимъ обычаемъ хапать, когда оружіемъ побѣдить невозможно. Но тверда держава Царя нашего, вѣрны ему мы, послушные рабы его. И до того унижаешься ты, Король, что страдника, хлопца, посланника твоего

Ивашку Козлова, именуешь своимъ вѣрнымъ слугою! Онъ не стоитъ и того, чтобы у людей хуже насъ соръ въ груду сметать, а ты позволилъ ему себя напитать ядомъ измѣны, какъ змій Еву. Царь нашъ вѣрныхъ всѣхъ жалуетъ, а если онъ казнитъ измѣнниковъ, то гдѣ-же ихъ не казнять? Пишешь ты, что мы рабы нашего Царя, а Богъ сотворилъ человѣка свободнымъ, и не явно-ли ты лжешь? Вспомни, что Адамъ былъ уже первый невольникъ, когда отъ свѣта перешелъ въ тму, отъ славы въ кожаны ризы, отъ покоя въ трудъ, отъ нетлѣнія въ тлѣніе, преступилъ заповѣдь и былъ осужденъ, и — се была первая человѣческая неволя, вторая послѣ столпотворенія — разсѣяніе, третья Аврааму опредѣленная — обрѣзаніе, Исааку — заповѣданіе, а Іакову и Моисею — законъ. И самъ Іисусъ Христосъ не по заповѣдямъ-ли ходилъ? видишь ли ты, что человѣку свободы ни гдѣ не было и нѣтъ? И хороша свобода твоя, Король, когда твои паны доспѣли тебя фальшеромъ, и такую безлѣпицу писать уговорили! Помнимъ мы также свободу предковъ нашихъ, когда прадѣдъ нашъ Иванъ и дѣдъ Осдоръ едва съ кошулей утекли отъ предковъ твоихъ, и въ русской землѣ честь и богатство получили, не разнясь съ другими, какъ у насъ всѣ между собою равны! Нами никто

кромѣ Государя не повелѣваетъ, а гдѣ не будетъ воли государской, тамъ поддашные возшатаются, словно пьяные. Самъ ты называешь насъ дородными и разумными, а уговариваешь измѣнять и фальшерами быть такъ, какъ ты самъ сдѣлался; да знаешь-ли, что у насъ такихъ бьютъ, а не хвалятъ?“ — „Всѣ твои умыслы“ писалъ Мстиславскій — „какъ малая пѣна противъ утеса, который пѣнистое и бѣшеное море потопить не можетъ составляя собою корабль. Твердо стоимъ мы, и великій Царь нашъ, на камени церкви, неодолѣемомъ вратами адовыми, и не боится погибели самодержавство Царя и наша вѣрность, за что насъ Государь чествуетъ и жалуетъ.“ — „Видно нѣтъ у тебя добрыхъ людей“ — „писалъ Воротынскій — когда ты посылаешь къ намъ худаго хлопца, Ивашку Козлова, называя своимъ вѣрнымъ слугою. Такого поробка мы и къ лошадямъ нашимъ не допустимъ, нетокмо, чтобы вѣрность на него положить. Плохо твое королевство, если такіе у тебя люди хороши! И не диво, ибо родомъ ты, Король, происходишь отъ конюха Гедимина и на королевство выбранъ, а не кореннои Государь. А нашъ Царь родомъ отъ Августа Кесаря и воля ему прирожденная жаловать и казнить. Кто послѣ смерти твоей вспомнитъ о тебѣ: дѣтей у тебя нѣтъ; сестра твоя

Анна сидитъ въ дѣвкахъ, а Катерину выдали паны твои поневолѣ, она хотѣла дать руку свою нашему Царю, да паны ваши не велѣли. А ты еще другимъ о свободѣ говоришь, когда самъ ни въ чемъ не воленъ! Упаси насъ Боже, чести съ твоими панами равными быть. Налгалъ тебѣ хлопецъ Иванъ Козловъ, будто отецъ мой хотѣлъ къ тебѣ предаться: вретъ онъ собака, злодѣй, подобно бѣшеному псу, ядомъ память отца моего укоряющій. Страдалъ отецъ мой за свои вины, но не за измѣну. Благодарю тебя, Король, что ты хочешь наградить тѣмъ, чего и самъ не имѣешь; только такая сатанинская гордость чему подобна? Забылъ ты слова Спасителя: если взыграешь, какъ орелъ, и среди звѣздъ совьешь гнѣздо свое, свергну и погублю тебя. Смири лучше прусскихъ княжатъ, непослушныхъ тебѣ, да не хвастай родомъ своимъ, ибо гордость есть дѣло антихриста, а Господь насъ смиренію учитъ.“ — „Я человѣкъ старый“ писалъ Ѳедоровъ — „и измѣнивши моему Государю, по совѣту твоему, жить долѣе я не буду. Да и куда, на что я гожусь тебѣ? воевать за старостью не могу, а любовницъ твоихъ въ спальню твою провожать ноги не служатъ, также и машкарствомъ потѣшать тебя старъ, да и не учился. Пиши лучше

граматы свои къ лотрамъ, а не къ намъ, вельможамъ старымъ и почетнымъ."

Еще ругательнѣе были отвѣты Хоткевичу. „Ты по роду и званію подданный нашъ, какъ смѣлъ ты писать къ намъ граматы и столь полѣпыя?" — говорили Хоткевичу — „пиши къ слугамъ нашимъ, неученый ты хлопецъ, собачій ты сынъ, а у насъ такихъ лотровъ сѣкутъ да палками бьютъ. Нѣтъ, Гриша Хоткѣевъ, не зови насъ на привычную тебѣ измѣну. И съ чего ты, песъ бѣшеный, называешься нашимъ братомъ? За это стоило-бы у тебя языкъ вытянуть, а тѣло твое собакамъ бросить. Хороша намъ честь, что ужъ и ты, страдникъ и холопъ, братъ нашъ! У насъ по милостіи царской, въ твою вереду слуги есть. Какъ могъ Король нашъ, васъ, такихъ чертовыхъ уродовъ и собакъ въ совѣтъ посадить? Дивиться-ли послѣ сего, что Курбскій, бывшій у насъ двадцатымъ, у васъ на первыхъ мѣстахъ сидитъ, ушедши къ вашему малоумному ребенку на старости, Королю, когда за измѣну его казнить хотѣли? Пишешь ты, что слышитъ Король нашъ о жестокосердіи неразсудительномъ Царя нашего, гоненіи безъ правды и гнѣвѣ непощадномъ; скажи: такая дьявольская клевета на что похожа? На ядъ змѣйный. Нашъ Государь сіяетъ благочестіемъ и добрымъ разсмо-

трѣніемъ; благимъ жалованье даетъ, а злыхъ наказуетъ, какъ это и вездѣ бываетъ. Не приходится Литвѣ Москву судить; ладьте у себя получше, а закона Москвѣ не предписывайте. А что ты пишешь о раздѣленіи у насъ царства, опричниѣ и земщинѣ, то мы не знаемъ, какой это тебѣ собачій сынъ подобный наговорилъ? Никакой у насъ опричины нѣтъ; вся земля въ одной царской десницѣ; кто годенъ, тотъ близокъ къ порогу царскому, кто негоденъ, тотъ далече стоитъ. Государь нашъ самодержецъ, и не рабствуетъ слугамъ, какъ вашъ Король! Вѣдь и въ вашей землѣ есть земское и королевское. Такъ чему же ты и Король твой, малоумные, дивитесь? Избавь насъ отъ любви и милости твоей: не тебѣ, мужику, съ нами, князьями быть въ братствѣ Если хочешь, пришли къ намъ дѣтей своихъ; авось мы ихъ въ слуги приймемъ и добру поучимъ.“

И такъ, если поддѣльныя письма Сигизмунда и Хоткевича были только хитрымъ испытаніемъ, оно казалось неудачно. Царь хотѣлъ не оправданія виновныхъ, но искалъ причины уничтожить ихъ. Въ это страшное время подозрѣніе значило уже вину, вина значила смерть. Чего не дополнялъ гнѣвъ Царя, то довершали его приближенные. Не зная справедливо или нѣтъ сказаніе современ-

ковъ о заговорѣ, не утвердимъ и того какъ открытъ былъ сей заговоръ. Говорятъ, что шуринъ царскій, князь Михаилъ Темрюковичь притворно былъ его участникомъ, вывѣдалъ тайну, и съ умышленнымъ раскаяніемъ палъ въ ноги Іоанну, открылъ ему все. Іоаннъ хладнокровно изрекъ смерть Челядинину и женѣ его, Дмитрію Ряполовскому, князю Ивану Куракину, Булгакову, тремъ княземъ Ростовскимъ, князю Петру Щенятеву, князю Турунтаю Пронскому, казначею Тютину, печатнику Дубровскому, князю Василію Пронскому. Избавляемъ себя отъ подробностей казни, даже готовы не вѣрить, что Челядининъ былъ убитъ рукою самаго Іоанна; что шуринъ его изрубилъ Тютина съ женою и дѣтьми; что Царь поносилъ ругательными словами окровавленную голову князи Ростовскаго; что онъ ѣздилъ послѣ того по окрестностямъ Москвы, жегъ и разорялъ помѣстья казненныхъ бояръ.....

Настало царство ужаса! Спасенія не было. Тщетно многіе дерзнули молить митрополита заступиться предъ царемъ за людей его. Митрополитъ отрекся; онъ помнилъ запись свою, и что могъ онъ сдѣлать? Сказать Царю правду и за то умереть отъ руки палача. Святой мужъ страдалъ душею, молился за Государя и подданныхъ; но

пришелъ и его часъ! Въ день воскресный (весною 1568 г.), митрополитъ совершалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. Царь вошелъ съ толпою опричниковъ и приблизился къ святителю, прося его благословенія. Митрополитъ молился, не обращая взора на Іоанна. „Владыко святый! Царь требуетъ твоего благословенія," говорили бояре, испуганные гнѣвомъ, заблиставшимъ въ глазахъ Царя. Тогда святитель „исполнился божественнаго свѣта," обратился къ Іоанну, одѣтому въ странное платье опричника, и кротко рекъ ему: „Царь благочестивый! кому поревновалъ ты, измѣнивъ доброту величія! Зачѣмъ пришелъ ты сюда, гдѣ приносится Богу жертва безкровная, ты, обагренный кровію? Отколѣ солнце на небесахъ стоитъ дѣло неслыханное: Царь губитъ свою державу!" — „Монахъ крамольный!" — возопилъ Іоаннъ — „я слишкомъ милосердъ къ вамъ, измѣнникамъ! буду отнынѣ тѣмъ, чѣмъ ты меня называешь!" Онъ вышелъ изъ церкви; еще колебался; велѣлъ изыскивать вины митрополита. Нашлись обвинители святаго мужа: Благовѣщенскій протоіерей Евстафій, на котораго положилъ эпитимію святитель, Пименъ, архіепископъ новгородскій, желавшій митрополитскаго сана; епископы: Филофей рязанскій, Пафнутій суздальскій; другіе не смѣли противо-

рѣчить Царю. Опричникъ князь Темкинъ отправился въ Соловецкій монастырь, и привезъ оттуда новыхъ обвинителей — даже настоятель, игуменъ, облагодѣтельствованный Филиппомъ, не устыдился клеветать. Между тѣмъ Царь не хотѣлъ видѣть митрополита. Святитель удалился въ монастырь Николаевскій, но не боялся Царя: встрѣчаясь съ нимъ, онъ безтрепетно уличалъ и не щадилъ его. Іюля 28го (1568 г.) среди народнаго множества произошелъ раздоръ между Царемъ и митрополитомъ. Совершали крестный ходъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Митрополитъ хотѣлъ читать Евангеліе и увидѣлъ любимаго опричника царскаго, стоящаго въ тафьѣ. „Царь державный или твои люди приняли законъ мухаммеданскій?“ возгласилъ святитель; опричникъ спряталъ тафью; всѣ отреклись, говорили, что на немъ не было. Іоаннъ, забывшись въ гнѣвѣ, осыпалъ митрополита бранными словами и уѣхалъ; черезъ два мѣсяца собрался соборъ. Въ величіи невинности и святости, предсталъ Филиппъ, слушалъ клеветы, благословилъ клеветниковъ, сказалъ имъ, что они должны бояться Царя небеснаго, паче земнаго. „Не боюсь смерти говорилъ онъ Царю — хочу умереть, да не буду свидѣтелемъ грѣха и погибели; да не дамъ отвѣта загробомъ, что бывъ первосвятитель цер-

кви, я безмолвствовалъ передъ Царемъ, видя его предающаго себя и царство пагубѣ. Возьмите, сорвите съ меня знаки моего архипастырства!“ — Соборъ разошелся со стыдомъ. Митрополитъ продолжалъ служеніе попрежнему, и въ Михайловъ день (8го Ноября) отправлялъ литургію въ Успенскомъ храмѣ. Пестово вторгся во храмъ Басмановъ съ опричниками, остановилъ литургію, прочиталъ опредѣленіе собора, коимъ Филиппъ лишается сана своего. Опричники ворвались въ алтарь, сорвали облаченіе съ митрополита, надѣли на него рубище тіоческое, били его метлами, гнали изъ храма, посадили на дровни и повезли въ обитель Богоявленскую Народъ бѣжалъ за св. мужемъ, плакалъ, рыдалъ, не страшась опричниковъ. „Молитесь, молитесь!“ кротко говорилъ святитель, осѣняя всѣхъ своимъ благословеніемъ. Черезъ три дня избранъ былъ въ митрополиты Кириллъ, Троицкій архимандритъ. Іоаннъ готовилъ Филиппу казнь ужасную: его обвинили въ колдовствѣ и хотѣли сжечь. Самые враги умоляли Царя пощадить дряхлаго страдальца. Филиппъ приведенъ былъ предъ судей, лишенъ сана и осужденъ на монастырское строгое покаяніе. Въ послѣдній разъ говорилъ онъ Царю, напоминалъ его прежнюю славу, жизнь загробомъ — поздно: Царь не

внималъ. Филиппа заключили въ Николаевскій монастырь; казнили его родныхъ и друзей. По повелѣнію Іоанна принесли къ нему отрубленную голову. „Узнаешь ли, чародѣй, чья это голова?“ спрашивалъ его палачъ. — „Узнаю: это голова племянника моего Ивана,“ отвѣчалъ Филиппъ, — благословилъ и поцѣловалъ ее. Мѣстомъ заточенія святителя былъ избранъ Отрочь монастырь въ Твери. Туда повезли его въ зимній холодъ, въ нищенскомъ одѣяніи, ругая, позоря на пути....

Около года прошло послѣ сего безъ казни людей знаменитыхъ; походъ Турокъ на Волгу, война съ Польшею, переговоры съ Эрихомъ о выдачѣ Екатерины, занимали Царя; но въ это время обратилось на народъ то, что доселѣ было участью только вельможъ и царедворцевъ. Наглые опричники поссорились, подрались въ Коломнѣ, въ Торжкѣ съ тамошними жителями. Царь всюду видѣлъ измѣну и бунтъ, онъ приказалъ судить и казнить возмутителей, Псковъ, Новгородъ давно казались ему подозрительны: онъ приказалъ вывести изъ Пскова 500 семействъ, изъ Новгорода 150, и переселилъ ихъ въ разныя мѣста.

Вскорѣ — сентября 1го 1569 года, скончалась царица Марія. Кажется, Іоаннъ не печалился о потери супруги, хотя великолѣпно похоронилъ

ее, велѣно было помнить ее повсюду, надѣть смирное платье. Три доноса вдругъ поколебали душу Іоанна: ему говорили, что Марія была отравлена. Тогда же донесли, что Владиміръ Андреевичъ покушается на жизнь его: представили повара, подкупленнаго имъ, получившаго плату за то, чтобы въ кушанье царское положить ядъ. Наконецъ его извѣстили, что Новгородъ и вся сѣверная сторона ненавидятъ его и хотятъ передаться польскому Королю.

Іоаннъ всему повѣрилъ, однажды потерявъ вѣру въ добродѣтель людей. Онъ отправилъ въ Новгородъ довѣренныхъ людей, и посланные нашли въ Софійскомъ соборѣ за образомъ скрытыя граматы Новгородцевъ къ Сигизмунду. Владиміръ предводительствовалъ тогда ратью, собранною на Волгѣ по слухамъ о нашествіи Турокъ. Его привѣтливо встрѣчали по городамъ. Іоаннъ велѣлъ привести въ Москву избранныхъ Костромитянъ, встрѣчавшихъ съ почестью Владиміра, къ себѣ въ слободу, въ тоже время тайно готовился къ отъѣзду; опричники ждали жертвъ.

Не доѣзжая нѣсколько верстъ до слободы, въ деревнѣ Слатиной, остановился Владиміръ; съ нимъ были супруга, дѣти, два юные сына, дочери его. Опричники окружили деревню, схватили Владиміра,

супругу его, сыновей. Дочерей удалили. Явился Іоаннъ; предсталъ обвинитель; пришли палачи. Небыло пощады. „Лучше умереть отъ руки Царя, нежели отъ гнусной руки палача:“ сказала супруга Владиміра, подала ему чашу яда, великодушно смотрѣла, какъ пилъ отраву онъ, пили сыновья, послѣ всѣхъ выпила сама остатки. Отецъ, мать, дѣти начали молиться, Іоаннъ смотрѣлъ на нихъ, видѣлъ потомъ ихъ смертныя терзанія, и велѣлъ объявить пощаду боярынямъ и приближеннымъ Владиміра и его супруги. Вѣрныя рабыни плакали, проклинали Іоанна — ихъ казнили....

Тогда-же въ Москвѣ казнили Костромитянъ, обласкавшихъ Владиміра. Посланные царскіе явились въ обители, гдѣ жили въ иночествѣ мать Владиміра и вдова Юрія: обѣихъ утопили въ рѣкѣ Шексѣ. Въ концѣ декабря 1569 г. Іоаннъ съ дружиною опричниковъ и многочисленною свитою выѣхалъ въ Новгородъ.

Онъ хотѣлъ не судить, но очистить измѣнническія мѣста. Свирѣпые правители Франціи въ XVIIIмъ вѣкѣ напрасно приписывали себѣ изобрѣтеніе подобныхъ очищеній.

Началось съ Клина.

Опричники въѣзжали въ городъ, въ селеніе, разсыпались по улицамъ, рубили, грабили, не раз-

бирая ни званія, ни пола, ни возраста, свирѣпствовали опредѣленное время; Іоаннъ произносилъ пощаду остальнымъ жителямъ, жаловалъ ихъ, увѣщевалъ быть вѣрными и ѣхалъ далѣе.

Малюта Скуратовъ, Бѣльскій предводили опричниками, казнившими Тверь. Пока лилась кровь Тверитянъ, Бѣльскій спѣшилъ въ Отрочь монастырь: тамъ жилъ святитель Филиппъ. „Готовъ!“ произнесъ мученикъ. Его задушили, и въ присутствіи Бѣльскаго бросили святое тѣло его въ могилу, какъ трупъ казненнаго злодѣя.

Клинъ, Городня, Тверь, Торжокъ, селенія по дорогѣ до Новгорода были очищены одинакимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были выведены изъ заключенія и перерѣзаны польскіе и крымскіе плѣнники.

Января 2го 1570 г. опричники вступили въ Новгородъ; не велѣно было никого ни впускать въ городъ, ни выпускать изъ него. Февраля 12го объявили пощаду и милость остальнымъ Новгородцамъ.

Въ теченіе 40ка дней „быстъ неисповѣдимое пролитіе крови, грѣхъ ради нашихъ, неукротимыя ярости царевы, паденія, колебанія и разрушенія великаго Новгорода,“ говоритъ современникъ. Старцы юноши, жены, дѣти были ведо́мы на казнь безъ разбора; однихъ жгли какою то „составною

мудростію огненною, иже именуется поджаръ," другихъ топили въ Волховѣ, гдѣ сдѣлана была для этого обширная прорубь; опричники ѣздили по ней въ лодкахъ: кто выплывалъ изъ воды, того били долбнями; нѣкоторымъ разбивали члены дубинами; многихъ терзали на провежѣ розгами, требуя окупа. Архіепископъ Пименъ увидѣлъ тогда тщету крамолъ и хитростей: его возили по городу на кобылѣ, въ рубищахъ, съ волынками и бубнами, и отправили въ Москву. Тамъ Царь съ страшимъ сыномъ Іоанномъ присутствовалъ при казни, ѣздилъ по улицамъ, заѣзжалъ въ обители, въ домы, распоряжалъ истребленіемъ, приказывалъ описывать и забирать имѣніе и драгоцѣнности изъ домовъ, церквей, монастырей. Наконецъ положенъ былъ окупъ на Новгородъ, велѣно было сломать опустѣлые хоромы подлѣ Волхова и заложить дворецъ царскій. Царь отправился во Псковъ. Слезы, кровь, истязаніе отъ людей, оставленныхъ для сбора окупа, продолжались еще долго; начались болѣзни, насталъ голодъ; священники не успѣвали отпѣвать мертвыхъ, могильщики рыть имъ могилы. Нищій старецъ Иванъ Жгальцо совершалъ молитвы надъ скудельницами, куда привозили и десятками бросали мертвыя тѣла. Февраля 17го Іоаннъ пришелъ на видъ Пскова и остановился ночевать въ Лю-

ботскомъ монастырѣ. Опричники не вступали въ городъ, ничего не опустошали на пути. Никто не спалъ въ Псковѣ, всѣ готовились къ смерти, рыдали, плакали, молились, прощались другъ съ другомъ. Не спалъ и Царь. Въ самую полночь начался въ городѣ благовѣстъ къ заутрени; церкви наполнились плачущимъ народомъ, и Царь рѣшилъ участь древняго Пскова: изрекъ помилованіе, какъ будто предчувствуя, что Псковъ заплатитъ ему за эту милость черезъ 11 лѣтъ искупленіемъ позора Россіи и чести царской. Вѣсть неожиданная объявлена была жителямъ; они не вѣрили ей, но готовились встрѣтить Царя: подлѣ воротъ каждаго дома поставили столы, убрали ихъ кушаньемъ, напитками, хозяева стояли подлѣ домовъ своихъ, и падали на колѣна передъ Іоанномъ, безмолвно ѣхавшимъ среди опричниковъ и двора своего; другіе били ему челомъ, поднося хлѣбъ-соль. Среди ихъ на палочкѣ верхомъ ѣздилъ юродивый мужъ, старецъ по имени Николай, указывалъ Царю на питья, на яства, хохоталъ и громко говорилъ: „Иванушка, Иванушка! покушай хлѣба-соли, а не человѣческой крови!“ Царь слушалъ обѣдню въ соборномъ храмѣ, и одинъ вошелъ въ келію, гдѣ обиталъ юродивый? Николай подалъ ему кусокъ сыраго мяса. „Ты подчиваешь меня мясомъ, и по-

забылъ, что теперь великій постъ!“ сказалъ Царь. „Ешь мясо, Царь Иванъ: ты пожираешь людей; чего же бояться поста, грозно отвѣчалъ ему святой мужъ, и въ поучительной бесѣдѣ умилилъ сердце Царя, такъ, что онъ немедленно выѣхалъ изъ Пскова, не казнилъ никого, взялъ только казну изъ монастырей, нѣсколько колоколовъ, книгъ, утварей и отправился въ Москву.

Здѣсь — и, можетъ быть, въ ночь февраля 17го 1570 года, когда пречено было помилованіе Пскову — означился рѣзкій предѣлъ свирѣпости Іоанна. „Стоитъ ли жизнь моя того, что бы за нее проливать кровь? Не осужденъ ли я Богомъ на погибель и посрамленіе предъ человѣками, да явно примѣръ бѣдности въ величіи моемъ?“ Можетъ быть такъ размышлялъ тогда Іоаннъ, и въ душѣ его произошелъ новый переворотъ. Онъ рѣшился еще разъ искать Анастасіи, оставить беззаконное распутство, женить старшаго, 15ти лѣтняго сына, упрочить въ немъ счастіе народа, которымъ не благословилъ Богъ Россію при отцѣ его, за беззаконія, содѣланныя отъ самой юности.

Но прежнее безвозвратно протекло для Іоанна. Въ сорокъ лѣтъ испыталъ столь многое: отъ счастія быть нѣжнымъ супругомъ и благодѣтелемъ народа до своеволія распутства и ужасной славы

Грознаго и мучителя, Іоаннъ, безъ вѣры въ добродѣтель, съ мыслью о наказаніи за гробомъ, съ сознаніемъ, что погубилъ много невинныхъ и добродѣтельныхъ во гнѣвѣ своемъ, уже не могъ обратиться вспять.

Онъ возненавидѣлъ людей и міръ, возненавидѣлъ самое имя Русскихъ, возненавидѣлъ самаго себя. Душа его требовала дѣятельности: онъ хотѣлъ войны, побѣдъ, чести, еще свирѣпствовалъ въ минуты гнѣва, но свирѣпствовалъ уже хладнокровно, терзалъ и губилъ, — какъ терзаетъ и губитъ судьба неумолимая. Но въ другія минуты, онъ приходилъ въ память, грустилъ самимъ собою, видѣлъ въ себѣ всю мерзость пороковъ, думалъ бѣжать за границу, хотѣлъ укрыться въ какой нибудь обители и со слезами молить о спасеніи своемъ. У него уже не было любимцевъ; самыхъ дѣтей своихъ онъ не могъ любить, и до того погасилъ въ себѣ чувство любви, что отъ сего времени въ козняхъ его смѣшивались злые клевреты и добродѣтельные, злодѣи и добрые, самое супружество сдѣлалось для него забавою, не увлекавшею его сердца. Опричина еще сохранялась нѣсколько лѣтъ, но оставалась въ пренебреженіи: Іоаннъ не вѣрилъ даже и тѣмъ, кто готовъ былъ на всѣ злодѣйства для доказательства ему своего усердія.

По возвращеніи въ Москву онъ велѣлъ разыскать подробности того несчастнаго обвиненія, за которое погибъ Владиміръ Андреевичы и погублено было столько людей отъ Клина до Новгорода. Архіепископа Пимена, дьяковъ, гостей, подъячихъ новгородскихъ подвергли пыткѣ. Несчастные признались, что изъ самыхъ ближнихъ людей Государя многіе участвовали въ ихъ умыслѣ, готовили измѣну; истина, или терзанія пытки заставили говорить ихъ? извѣстно Сердцевѣдцу; но по ихъ оговору пыткамъ подвергнуты были дьякъ Иванъ Висковатый, нѣкогда уличенный въ ересн и помилованный, казначей Никита Фуниковъ (врагъ Адашева и Сильвестра), дьяки Степановъ и Васильевъ (вѣрные исполнители казней), Басмановы, отецъ и сынъ, съ юности друзья Іоанна и Адашева, злодѣй князь Аоанасій Вяземскій. Одни признавались, другіе отрекались — всѣ молили о пощадѣ, выплакивали прощеніе. „Оедоръ Басмановъ, Никита Прозоровскій!“ говорилъ Іоаннъ, присутствуя при пыткахъ — „убей ты своего отца, а ты своего брата, и я прощу васъ!“ Изверги согласились; Іоаннъ затрепеталъ и предалъ всѣхъ ужасному истязанію и казни. Іюля 25го 1570 г. вывели преступниковъ толпою на площадь, рубили, рѣзали, кололи ихъ: Висковатый, Фуниковъ, Басмановъ-сынъ были

растерзаны вмѣстѣ съ другими, Вяземскій умеръ въ темницѣ; Пимена сослали въ тульскій Николаевскій монастырь; жены казненныхъ были утоплены. Тогда же казнили: князя Петра Серебрянаго, Захарію Очина — Прещеева, Кашкарова, славнаго защитою Лакса въ 1559 году, Лыкова, сына воеводы, славнаго защитою Почаева, цѣлыя семейства Мещерскихъ, Шаховскихъ, Прозоровскихъ Голохвастовыхъ; многихъ сослали въ монастыри; другіе снова должны были дать на себя запись (въ томъ числѣ Мстиславскій).... не говоримъ о подробностяхъ: онѣ были ужасны....

Мы упоминали, что Іоаннъ возненавидѣлъ даже имя русское. „Не вѣрь Русскимъ моимъ — они всѣ воры!“ сказалъ онъ Англичанину, золотыхъ дѣлъ мастеру. „Но вѣдь и вы, Государь, Русскій? возразилъ Англичанинъ смѣясь. — „Нѣтъ! я Нѣмецъ!“ — отвѣчалъ Іоаннъ. Уже издавна окружало Іоанна множество иностранцевъ, Англичанъ, Ливонцевъ. Многіе изъ нихъ были его любимцами. Измѣнники Таубе и Крузе пользовались особенною довѣренностью Царя; пасторъ дерптскій Вегерманъ получилъ отъ него позволеніе построить въ Москвѣ лютеранскую церковь, и свободно проповѣдывать свою религію. Иностранные врачи: Бо-

мелій, Линзей, исполнители смертныхъ приговоровъ и лекаря въ одно время, были друзьями Царя. Самый Фюрстенбергъ, несмотря на ссылку, пользовался его особенною благосклонностью и уваженіемъ. Мы видѣли уже, что въ Англіи готовилъ себѣ Іоаннъ убѣжище. Но душа Іоанна иногда увлекалась еще и кротостью; такъ въ самое ужасное время казней онъ уважалъ споры своихъ воеводъ о мѣстахъ и чинахъ; въ 1568, 1569 и 1570 годахъ, пожалованы были князь Черкаскій, Василій Яковлевъ, князь Василій Сицкій, Захарій Очинъ, — Плещеевъ, князь Иванъ Шуйскій (сынъ Олигарха Андрея); нѣкоторые изъ нихъ переходили послѣ милостей на плаху. Но мелкое честолюбіе вельможъ было ненасытно, и крамола не утихала.... Раскаяваясь въ поступкѣ съ святителемъ Филиппомъ, Царь рѣшался возвратить его изъ ссылки, отдать ему санъ его: Филиппъ отвергъ предложеніе, если Царь не кается въ грѣхахъ своихъ. Крамола поспѣшила послѣ сего погубить святаго страдальца... До насъ дошелъ любопытный памятникъ тогдашняго состоянія души Іоанна: это письма его въ Кирилловъ монастырь, гдѣ содержались знаменитые изгнанники и ссыльные. Царь слышалъ, что иноки уважаютъ ихъ, попускаютъ имъ многое въ пищѣ и питьѣ. Съ прискорбіемъ у-

корялъ въ этомъ Іоаннъ настоятеля и братію, скорбѣлъ о разрушеніи благочестиваго житія прежнихъ иноковъ, приводилъ примѣры, наставленія учителей церкви. „Бью челомъ вамъ, Царь и великій Князь вашъ,“ писалъ Іоаннъ — „увы! мнѣ грѣшному, горе мнѣ окаянному, охъ! мнѣ скверному! Бога ради, господа и братія, молю васъ: престанте отъ злаго начинанія. Недостойный наречься братомъ вашимъ, назовусь хотя слугою, и стану молить васъ — престаньте! Свѣтъ инокамъ ангели, свѣтъ мірянамъ иноки, и мнѣ-ли учить васъ, мнѣ-ли, псу смердящему, всегда пребывающему въ пьянствѣ, грѣхѣ, убійствѣ, кровопійствѣ, грабленіи и ненависти! Не заставьте же меня возгордиться, что и я могу еще вамъ, отцы святые, указывать. Знаете, что я самъ почти полумонахъ. Помните-ли, когда я посѣтилъ васъ однажды, и въ уединенной келіи бесѣдовали мы, игуменъ Кириллъ, архимандритъ Каменскій, Іоасафъ, братія — Никодимъ, Сергій, Антоній, другихъ не упомню. Услажденный бесѣдою, преклонилъ я колѣна и обѣщался, что если приведетъ меня Богъ постричься, то въ вашей обители постригусь я. Вы читали молитвы, а игуменъ благословилъ меня на мое обѣщаніе. Съ тѣхъ поръ я инокъ среди царскаго величія. Вы предаетесь слабостямъ, и знаете-ли что вы распинаете

Христа, не соблюдая завѣтовъ своего великаго учителя Кирилла, отъ того самаго времени, какъ появились у васъ Анна и Каіафа — Шереметевъ и Хабаровъ, появился и Пилатъ Собакинъ. Не уже-ли, когда Богъ приведетъ у васъ иноком быть, я стану соблюдать мое грѣшное величіе? Для чего же Шереметеву попускаете вы роскошь трапезы, и даже подражаете ему? Зачѣмъ же было вамъ и въ монахи идти? Но такъ раззорился по малу уставъ всѣхъ обителей. Что теперь дѣлается въ Симоновѣ? Только одѣяніемъ иноки, а живутъ со всѣми мірскими страстями. Надъ гробомъ чудотворца Кирилла у васъ церкви нѣтъ, а надъ Воротынскимъ вы церковь поставили. У Шереметева и повария своя, когда прежде у васъ игумену не позволялось завести себѣ особаго оловяннаго блюда. И для такого бѣсова сына Шереметева, пли для дурака и упыря Хабарова нарушивать ваше святое житіе? Вспомните какую брать завель онъ, когда постригся у Троицы. И фряжское вино зазоръ монастырю, а не то что горячее, но вы все попустили для Шереметева. Трудень ему кажется иноческій быть, да вѣдь его никто по зашейку не блиъ — самъ пошелъ въ монахи. Мы не вѣримъ клеветникамъ на васъ — вотъ и зимусь, какъ сталъ я разспрашивать у отца Вар-

лама, а онъ наговорилъ мнѣ всякій вздоръ, то я плюнулъ и еще его-же бранилъ. Вѣдь иноческое житіе не игрушка. Я сторона въ дѣлѣ, а вы въ отвѣтѣ передъ Богомъ. Если уставъ Шереметева лучше кирилловскаго, введите его, только какъ-то будете Богу отвѣчать. Не каменныя четки спасаютъ инока, но четки сердца его.“ Боясь, не оскорбилъ-ли служителей Божіихъ своими упреками, и, грѣшный самъ, не показалъ-ли гордости предъ Богомъ своими совѣтами, Іоаннъ съ горестью писалъ послѣ того: „Простите меня, что по грѣхамъ моимъ я на васъ покручинился, простите меня, и молите Бога, Богоматерь и чудотворца Кирилла, да освободятъ они меня грѣшнаго святыми молитвами вашими отъ грѣховъ и избавятъ болѣзней. Бью вамъ челомъ и прошу пожаловать простить, въ чёмъ виноватъ я передъ вами, а я прощаю всѣхъ васъ отъ всего сердца.“

Въ ужасѣ и сомнѣніи, не преставая отъ дѣлъ своихъ, Іоаннъ хотѣлъ иногда облегчить душу свою поминовеніемъ людей, погибшихъ по его волѣ. Богатые вклады были отъ него посылаемы въ обители и храмы; при нихъ прилагались поминанья, гдѣ поименованы были всѣ „казненные и погибшіе напрасною смертію“ — ужасные списки: какъ на страшномъ судѣ, въ нихъ рядомъ стояли имена

князей и бояръ, родныхъ Царя, безвѣстныхъ простолюдиновъ и полководцевъ, іереевъ, иноковъ; многія жертвы означались безъ именъ, счетомъ; иногда встрѣчались упоминанія цѣлыхъ семействъ, и иновѣрные на ряду съ православными — и тысячами подводимъ былъ кровавый итогъ. —

Еще достопамятный актъ сохранился для потомства: духовная Іоанна, вѣроятно, писанная около 1572 года. Здѣсь, распредѣляя имѣніе и царство, въ часы грустныхъ помышленій о смерти, онъ открывалъ дѣтямъ душу свою, и признанія его смятенной, разтерзанной души, были прискорбны и умилительны.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа, по благословенію отца нашего митрополита“ — говорилъ Іоаннъ — „я, многогрѣшный и худой рабъ Божій, Іоаннъ, пишу сію исповѣдь въ полномъ разумѣ моемъ, нищетою ума одержимый, отъ убогаго дома ума моего не могу представить трапезы умственной, пищи, ангельскихъ словесъ исполненной: умъ мой острупился, тѣло изнемогло, и нѣтъ врача, исцѣляющаго меня, не было и нѣтъ, кто бы поскорбѣлъ со мною, нѣтъ утѣшающихъ — За любовь мою люди воздали ненавистью, за благо зломъ. Осквернился я душею, погибъ тѣломъ, изъ Іерусалима заповѣдей перешелъ въ Іерихонъ страстей,

прельстился красотою міра, багряницею свѣтлости, блескомъ золота, впалъ въ разбойники, мыслью и чувствомъ лишенъ усыленія благодати; живой — я смраднѣе и гнуснѣе мертвеца, отъ Адама до нынѣ не было грѣшника болѣе меня, и потому всѣмъ ненавистенъ я сдѣлался. Разумъ мой растлѣнъ, умъ у меня скотскій; голова моя осквернена злыми мыслями, уста злою рѣчью, языкъ сраможловіемъ, выя и перси гордостью и высокоглаголивымъ языкомъ, руки грабажемъ и убійствомъ, помыслы объѣденіемъ и пьянствомъ. Боже! спаси меня, спаси — обвяжи мои язвы тѣлесныя и душевныя твоею милостію. Дай мнѣ миръ, милосердый Господи! Дай миръ душѣ моей! Не чада родителямъ, но родители чадамъ даютъ наслѣдіе, и вотъ вамъ, дѣти мои, съ благословеніемъ моимъ, наслѣдіе, сколько могу, ученіе, сколько есть моего разума: любите другъ друга, и Богъ мира будетъ съ вами; сохранивъ сей завѣтъ всякаго блага достигните. Держите твердую и непостыдную вѣру въ Бога, страдайте за нее до смерти, живите въ любви, и навыкайте среди мира къ войнѣ, навыкайте и тому, какъ людей держать и жаловать, беречья отъ нихъ и умѣть ихъ себѣ присвоивать. Кто вамъ прямо служитъ, жалуйте и любите, смотрите, чтобы такому и отъ другихъ изгоны не

было, за то прямѣе вамъ служить будутъ. Если кто и лихъ будетъ до васъ, опалу кладите не скоро, не яростно, но по разсужденію навыкайте всякому дѣлу божественному, иноческому, священническому, ратному, судейскому и житейскому. Всякому обиходу, тому, какъ всякіе чины здѣсь ведутся и въ другихъ государствахъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быть. Научитесь всему и не другіе вамъ, а вы другимъ будете указывать. А о томъ, что я, по беззаконіямъ моимъ распростерту надъ мною гнѣву Божію, изгнанъ отъ бояръ, скитаюсь по странамъ, и вамъ бѣдъ много чрезъ то нанесъ, Бога ради, не скорбите, возложите печаль свою на Господа; онъ дастъ власть, ему же хощетъ. Богъ васъ помилуетъ, сохранитъ отъ бѣдъ, а вы отнюдь не раздробляйтесь, пусть люди, земля и казна будетъ у васъ за одинъ. Ты Иванъ, береги Ѳеодора, какъ себя, чтобы ему нужды и досады не было. А ты Ѳеодоръ у брата казны и удѣла не проси, живи въ своемъ обиходѣ, что бы брата не изубытчить, дѣля худо и добро, ибо вы одной матери дѣти. За то Христосъ будетъ среди васъ за вашу любовь и никто васъ не поколеблетъ, будете вы одинъ другому стѣна и забрало. Къ кому прибѣгнуть Ѳеодору и на кого уповать? Ты, Иванъ, у него отецъ и мать, братъ, Государь и промышленникъ,

береги и люби его. За проступокъ накажи и пожалуй, а до конца не раззоряй, и ссоркамъ отнюдь не вѣрь. Удѣла подъ нимъ не подыскивай. Что въ нынѣшнемъ? Пріобрящешь много земли, а трехлокотнаго гроба не избѣжишь! А ты Ѳедоръ, почитай брата, какъ отца, а Государства подъ нимъ не пищи, съ измѣнниками не ссылайся. Станутъ тебя прельщать славою и богатствомъ — помни, что гроба не избѣжать — все останется, и только дѣла, благія или злыя, пойдутъ съ нами! Будь послушенъ брату до крови и до смерти. Не прекословь гнѣву его, рати никогда не начинай, проси его да сложитъ съ тебя гнѣвъ. Если по грѣхамъ и придете на ярость и междоусобіе, творите правду, равняйте рабовъ милостію, и послабляйте прещенія казней и опалъ, ибо за долготерпѣніе милость отъ Бога получите, по мудрому слову: три вещи подобаетъ Царю — подобно Богу не гнѣваться, подобно смертному не возноситься, и долготерпѣливу быть къ согрѣшающимъ.“

Мученія совѣсти, скорби душевныя, вмѣстѣ съ излишествами жизни, отразились и на внѣшнемъ видѣ Іоанна. Бывъ прежде добраго, величественнаго вида, въ сорокъ лѣтъ онъ уже казался старикомъ, волосы на головѣ и бородѣ его вылѣзли, станъ его былъ согбенный, взоръ погасшій, мрач-

ный. Переходы отъ веселости и шутки къ гнѣву и ярости, отъ гордости къ упадку духомъ, отъ насмѣшки къ раскаянію, сдѣлались мгновенны, быстры, безпрерывны, иногда онъ казался помѣшанным.....

Удивимся-ли послѣ сего странной, неопредѣленной политикѣ Іоанна въ дѣлахъ внѣшнихъ, тому, что онъ, то хотѣлъ воевать, то помириться съ Польшею, не смѣлъ наказать дерзости крымскаго Хана, не смѣлъ двинуть войскъ своихъ противъ враговъ, и безполезно хитрилъ и унижался передъ другими! Удивимся-ли, что тогда же онъ требовалъ выдачи принцессы Екатерины отъ безумнаго Эриха, сватался за сестру ея, и смиренно просилъ пріюта на старость у англійской Королевы?

Мы видимъ человѣка погибшаго душею и сознающаго сію погибель. Такъ властитель, подобный Іоанну, говорилъ нѣкогда своимъ подвластнымъ; „какъ и что скажу я вамъ, или не долженъ ничего говорить вамъ? Не знаю, что тяжелѣ, рука ли Провидѣнія меня убивающая, или чувство, что съ каждымъ днемъ разрушаюсь я....“

Но еще не всѣ скорби испыталъ Іоаннъ въ жизни своей. Судьбамъ угодно было, чтобы онъ узналъ ужасное чувство униженія своей гордости отъ враговъ, которыхъ презиралъ; чтобы тѣ, кто

прежде трепеталъ отъ его имени, заставили его трепетать въ свою очередь; чтобы въ то время, когда сотни тысячъ войска повиновались Іоанну, хитрая толпа Крымцевъ пировала побѣду свою на пепелѣ Москвы, а онъ предавался постыдному бѣгу; чтобы горсть храбрыхъ непріятелей вырывала изъ рукъ Іоанна побѣду: чтобы Швеція и Польша изторгли у него Ливонію, стоившую ему столько лѣтъ браней и столько крови, и наконецъ, чтобы Іоаннъ видѣлъ во всемъ этомъ гнѣвъ Божій, за грѣхи его наказующій русское царство, не смѣлъ противиться сему гнѣву и совершилъ послѣднее, тяжкое преступленіе — самоубійство, уже стоя самъ при дверяхъ гроба.

ГЛАВА V.

Странная была въ это время судьба Ливоніи. Сей несчастной землѣ безпрерывно угрожали тѣ бѣдствія, какія она испытывала уже въ теченіи 12ти лѣтъ. Разорванная на четыре части, она потеряла свою самобытность, даже память своего прежняго образованія, при ужасахъ войны, грабежей, пожаровъ, она утратила свое богатство, свое довольство, даже казалось, самую свою будущность, ибо хотя Польша, Россія, Швеція, Данія владѣли ея частями,

но не ручались за безопасность подвластныхъ, и города и селенія ливонскія были военнымъ кочевьемъ Русскихъ, Поляковъ, Датчанъ и Шведовъ. Каждый изъ властителей Ливоніи держалъ наготовѣ мечъ и только ждалъ случая обратить его на пагубу другой части Ливоніи, подвластной врагу его.

Въ 1570 Іоаннъ приступилъ къ исполненію замысла, уже съ нѣсколькихъ лѣтъ его занимавшаго. Онъ рѣшился, удержавъ за собою завоеванную часть Ливоніи, соединить остальную въ государство отдѣльное, зависимое отъ Россіи, какъ будто не надѣясь на силы свои, не смѣя думать, чтобы одна Россія могла управиться въ Ливоніи съ Польшею, Швеціею и Даніею, и полагая, что сіи государства согласятся на отдачу взятыхъ ими земель, когда откажется отъ нихъ Царь московскій. Еще въ 1564 г. были объ этомъ сношенія съ Императоромъ и находившимся въ его покровительствѣ нѣмецкимъ магистромъ. Послы магистровы прожили въ Москвѣ почти годъ. Іоаннъ соглашался возвести старца Фюрстенберга въ санъ отдѣльнаго ливонскаго властителя, но видя, что Императоръ и магистръ при желаніи не имѣютъ средствъ исполнить свое предпріятіе, онъ отрекся отъ безполезныхъ переговоровъ. Таубе и Крузе писали послѣ того къ Ревельцамъ: предлагали Кеттлеру

быть зависимымъ отъ Іоанна властителемъ Ливоніи, и Ревельцы и Кеттлеръ отказались имѣть дѣло съ Царемъ своевластнымъ. Наконецъ нашелся безразсудный охотникъ до власти на какихъ угодно условіяхъ: это былъ юный вѣтреный, тщеславный Магнусъ датскій Принцъ, владѣвшій въ 1560 году, островомъ Эзелемъ, но бывшій подъ зависимостью брата своего, Короля датскаго. Не спрашивая Фредерика, Магнусъ рѣшился ѣхать въ Россію для договоровъ съ Царемъ, не побоялся слуховъ объ участи Новгорода и прибылъ въ Москву въ іюнѣ 1570 года. Онъ не видѣлъ въ Царѣ ни грозы, ни свирѣпства, былъ встрѣченъ, угощенъ великолѣпно. Положили, что Магнусъ приметъ титулъ Короля лифляндскаго, съ помощью Русскихъ отниметъ области у Шведовъ и Польши и сдѣлается властителемъ ихъ, съ платежемъ дани и зависимостью отъ Россіи. За то Іоаннъ немедленно подарилъ ему Оберпаленъ, обѣщалъ выдать за него свою племянницу, дочь Владиміра, обѣщалъ въ приданое за нею нѣсколько бочекъ золота, всегдашнюю милость свою и радовался, что наконецъ начнется мщеніе его гордому Королю шведскому. Съ радостію выѣхалъ Магнусъ изъ Москвы, за нимъ слѣдовали Крузе и Таубе, какъ вѣрные совѣтники Іоанна и приставъ новаго Короля, а лѣтомъ двинулось вой-

ско русское. Скрывая всѣ ужасы своего правленія отъ взоровъ Магнуса, Іоаннъ отлагалъ казнь измѣнниковъ пока Магнусъ находился въ Москвѣ. Едва выѣхалъ онъ, ихъ растерзали въ глазахъ самого Іоанна, о чемъ мы уже говорили выше.

Обезопасивъ себя миромъ отъ Польши (весною 1570 г.), отправивъ Магнуса на Шведовъ, Царь хотѣлъ опезопасить себя съ южной стороны, видя явную непріязнь Султана и Крымцевъ. Уже онъ не смѣлъ, какъ прежде грозить Хану въ его собственномъ жилищѣ: войско Русское въ началѣ 1570 года только загородило Москву, по Окѣ и за Окою. Крымцы являлись повсюду до самой осени, ихъ разбивали и гнали. Весною 1571 г. учиненъ былъ въ Москвѣ необыкновенный разрядъ войска. Воеводы Бѣльскій, Мстиславскій, Иванъ Шереметевъ меньшой, Мих. Воротынскій, Татевъ, Иванъ Андр. Шуйскій, Плещеевъ, Иванъ Пет. Шуйскій предводили полками, Іоаннъ находился въ Серпуховѣ съ опричниною. Бѣглецы русскіе извѣстили Хана о кровавыхъ ужасахъ въ Москвѣ, о нелюбви вельможъ къ Царю. Ханъ тщательно скрылъ походъ свой, обманулъ воеводъ русскихъ, оставилъ ихъ за собою, и въ маѣ сильное войско Девлета явилось близъ Серпухова. Іоаннъ ужаснулся, думалъ, что его предали врагу и безъ остановки бѣжалъ

въ Москву. Ханъ шелъ по слѣдамъ его. Царь оставилъ столицу на волю судебъ и уѣхалъ въ Ярославль. Воеводы успѣли перегнать Хана, и заслонили Москву, когда Татары стояли только въ 30ти верстахъ отъ нея. Ужасъ, безпорядокъ, смятеніе были неописанны, множество бѣглецовъ, спасавшихся отъ огня и меча татарскаго; наполняли Москву и ея окрестности. Оробѣвшіе воеводы не смѣли выйдти въ поле, стали вокругъ Москвы и были какъ овцы безъ пастыря. „Совершилось, о чѣмъ не слыхали уже съ 1521 года, отъ чего отвыкли въ теченіе полувѣка. Ханъ крымскій приблизился къ самой Москвѣ. Но при Василіи успѣли откупиться отъ хищниковъ, удалить ихъ, хотя со стыдомъ Теперь случилось то, чего не бывало со временъ Тахтамыша! Начавъ легкую битву, Девлетъ велѣлъ зажечь предмѣстія Москвы (24 мая 1571 г.). Москва вспыхнула, огненный вихрь разлился повсюду, Татары хотѣли грабить и не могли, Русскіе не думали защищаться, войско и жители гибли въ пламени. 600,000 человѣкъ, какъ говорили тогда современники, сдѣлались жертвою огня, Москва рѣка запрудилась мертвыми тѣлами и не могла пронести ихъ. Самъ главный предводитель русскаго войска, князь Иванъ Бѣльскій, задохся въ домѣ своемъ, куда укрылся отъ

огня, Кремль уцѣлѣлъ въ пожарѣ..... „Молю Бога, чтобы мнѣ не видать болѣе въ жизни моей зрѣлища, столь ужаснаго!“ писалъ Англичанинъ, бывшій самовидцемъ пожара московскаго.

Надменно отошелъ отъ Москвы Девлет-Гирей, грабилъ окрестности, бралъ добычу, въ полонъ и тихо, спокойно двигался восвояси. Слыша объ удаленіи его, Іоаннъ осмѣлился пріѣхать въ Александровскую слободу, собралъ войско, велѣлъ Воротынскому наблюдать за удаляющимся непріятелемъ но не въѣзжалъ въ Москву, и принялъ ханскаго посла въ селеніи Братовщинѣ. Никогда еще не осмѣливались Крымцы говорить такъ, какъ говорилъ теперь посолъ Девлета Іоанну. Царь слушалъ смиренно, велѣлъ бить челомъ Хану, соглашался на всѣ требованія, умолялъ о мирѣ. Русскіе полки снова стали по Окѣ и за Окою. Они были многочисленны. Царь не поѣхалъ на ужасное пожарище московское, и на время поселился въ слободѣ.

Еще до бѣдствія Москвы, онъ узналъ, что хвастливый Магнусъ не исполнилъ его порученія.

Съ 25,000 Русскихъ и нѣмецкими полками осенью 1570 г., онъ вышелъ въ Эстонію и 23 августа осадилъ Ревель. До 16 марта 1571 г. про-

должалась осада и еще разъ Іоаннъ видѣлъ полки свои унижешными храбростью жителей Ревеля. Ни жестокая пальба, ни грабежи окрестностей, ни недостатокъ припасовъ, ни лестныя предложенія осаждающихъ, ничто не могло побѣдить упорства осажденныхъ. Со стыдомъ удалился Магнусъ въ Обериаленъ, гдѣ сосредоточивалось все его королевство, ибо Эзель былъ уступленъ имъ во владѣніе брата. Русскіе воротились въ занятые ими лифлянскіе города, а Таубе и Крузе, не смѣя возвратиться въ Москву, рѣшились загладить въ глазахъ соотчичей покорность свою Царю московскому новою измѣною. Они мирно вошли въ Дерптъ съ нѣмецкимъ своимъ полкомъ, неожиданно напали, начали рѣзать Русскихъ и хотѣли взбунтовать жителей. Но никто не осмѣлился пристать къ нимъ, дружину ихъ перерѣзали чѣломъ и измѣнники бѣжали. Ревельцы праздновали побѣду, но не хотѣли принять бѣглецовъ, Таубе и Крузе удалились въ Курляндію, ругали, поносили Іоанна и въ письмѣ къ Кеттлеру описали всѣ ужасы, какихъ были свидѣтелями въ Москвѣ. Магнусъ услышавъ о поступкѣ измѣнниковъ, не считалъ себя безопаснымъ отъ гнѣва царскаго даже и въ Обериаленѣ и бѣжалъ въ Эзель.

Но Іоаннъ не изъявилъ гнѣва, велѣлъ сказать

Магнусу, что неудача не разрушитъ его намѣреній. Увѣдомляя о смерти княжны Евѳиміи, невѣсты Магнуса, онъ предлагалъ ему руку сестры ея Маріи, опять съ королевскимъ титуломъ, бочками золота, своею милостію, и обѣщаніемъ помощи на завоеваніе остальной Ливоніи. Іоаннъ не жаловался и на то, что братъ Магнуса, Король датскій, помирился съ Швеціею (въ декабрѣ 1570 г.). Магнусъ опять увлекся блестящими надеждами, снова изъявилъ свою покорность Царю. Іоаннъ обѣщалъ самъ придти въ Ливонію съ сильнымъ войскомъ и устроить дѣло.

Между тѣмъ въ Александровскую слободу везли красавицъ со всѣхъ сторонъ Россіи: Царь вздумалъ жениться самъ, женить старшаго сына. Изъ 2000 дѣвицъ знатныхъ и не знатныхъ, Іоаннъ выбралъ дочь купца новгородскаго, Марфу Собакину, и объявилъ ее своею невѣстою. Милости посыпались на безвѣстныхъ дотолѣ Собакиныхъ, но, къ досадѣ Царя, Марфа сдѣлалась больна, говорили что она и с п о р ч е н а, велѣно было разыскивать такой страшный умыселъ; разыскивали вмѣстѣ о порчѣ невѣсты царской и объ измѣнѣ людей, приведшихъ Девлета на Москву. Вскорѣ нашли виноватыхъ, Царь велѣлъ казнить ихъ, и немедленно казнили брата бывшей царицы Маріи, князя

Михаила Черкасскаго, Замятню Сабурова, двухъ Яковлевыхъ, Григорія Грязнаго и Гвоздева (двухъ шутовъ и любимцевъ Іоанна), Левъ Салтыковъ неволею постриженъ въ монашество. Не смотря на болѣзнь невѣсты Іоаннъ обвѣнчался съ нею 28го октября 1571 г., а 4го ноября женилъ царевича Іоанна на Евдокіи Сабуровой. Ноября 13го Марѳа скончалась. Царь объявилъ что горесть не мѣшаетъ ему заниматься дѣлами и что онъ идетъ противъ непріятеля своего шведскаго Короля. Новгородъ назначенъ былъ мѣстомъ его пребыванія: въ декабрѣ Царь выступилъ въ походъ съ войскомъ и дворомъ многочисленнымъ, за ними везли шведскихъ пословъ, почти два года сидѣвшихъ въ заточеніи Велѣно было предварительно объявить Новгородцамъ милость царскую; впереди Царя ѣхалъ новый владыка ихъ Леонидъ. Царя встрѣтили въ Новгородѣ униженно и покорно.

Но войны не было. Іоаннъ жилъ въ Новгородѣ до 18го января, распоряжался устройствомъ города, велѣлъ переговаривать съ шведскими послами и предложить имъ условія. Бояре обѣщали бѣднымъ посламъ свободное возвращеніе въ отчизну, если они согласятся убѣдить своего Короля на предложенія царскія. Требовали: уступки Ревеля, Эстоніи, части Финляндіи, уплаты 10,000 ефимковъ

за оскорбленіе пословъ русскихъ; союза противъ Даніи и Польши: признаніе покорности русскому Царю съ титуломъ повелителя Швеціи. Изнуренные заточеніемъ, трепещущіе за жизнь свою, послы на все согласились, даже подписали предварительный договоръ, и приглашенные къ Царю кланялись ему въ ноги. Іоаннъ казался довольнымъ, бранилъ ихъ Короля, обѣщалъ ему милость свою, слова подтвердилъ, будто требовалъ прежде Екатерины потому только, что считалъ супруга ея умершимъ, наконецъ онъ объявилъ, что будетъ ждать отвѣта до Троицына дня, отпустилъ пословъ съ хвастливою граматою, и отправился въ Москву.

Здѣсь разныя дѣла заняли Іоанна. Митрополитъ Кириллъ умеръ февраля 5го, 1572 г.: Царь собралъ соборъ для избранія ему преемника, но прежде предложилъ владыкамъ неожиданное требованіе: въ Успѣнскомъ соборѣ предсталъ онъ смиреннымъ грѣшникомъ, жаловался на злыхъ людей, погубившихъ трехъ супругъ его и молилъ разрѣшенія на четвертый бракъ. Предсѣдателемъ собора былъ Леонидъ новгородскій; онъ и другіе владыки плакали, слыша, что Государь хочетъ принять иночество, если его не разрѣшатъ на супружество и торжественно разрѣшили Іоанна, съ эпитиміею. Надобно знать, что между тѣмъ свадьба Іоанна была

уже отпраздновала до разрѣшенія собора, опъ избралъ себѣ какую-то незнатную дѣвицу Колтовскую и обвѣнчался съ нею въ слободѣ. Царь осыпалъ Леонида милостями и дарами, но избралъ въ митрополиты другаго, архіепископа полоцкаго Антонія (въ маѣ 1571 г.). Іоаннъ усердно занимался послѣ того переговорами съ Польшею, Даніею, но думалъ объ одномъ.

Слышно было, что Ханъ крымскій не довольствуется отговорками Іоанна, требуетъ исполненія обѣщаній, данныхъ подъ Москвою, и не разсѣдлываетъ коней, готовый снова ринуться на Россію и увѣренный въ легкости добычи послѣ похода 1571 года. Пожарище Москвы, очищенное отъ труповъ, но малолюдное, едва застроенное кое-гдѣ, было несчастнымъ доказательствомъ важности угрозъ ханскихъ. Страшась гнѣва Божія, который казался явенъ и бѣдствій Москвы, не вѣря своимъ полководцамъ, Царь не смѣлъ оставаться въ Москвѣ, но не хотѣлъ и показаться бѣглецомъ. Отрядивъ войско для охраненія Москвы, съ воеводами Воротынскимъ, Иваномъ Шереметевымъ, Иваномъ Шуйскимъ, еще въ январѣ по зимнему пути, Царь отправилъ въ Новгородъ изъ слободы и Москвы драгоцѣнности, припасы, снадобья на 450 подводахъ. Весною удостовѣрился онъ о предпо-

ложеніемъ Крымцами походѣ и объявилъ что не получая отвѣта отъ шведскаго Короля, идетъ покорять сего врага строптиваго. Въ маѣ онъ дѣйствительно простился съ Москвою, взялъ свою царицу, дѣтей, царедворцевъ, опричниковъ, часть войска и уѣхалъ въ Новгородъ. Дружины воинскія пошли въ ливонскія города, но Царь не воевалъ, молился, пировалъ, судилъ и казнилъ какихъ-то преступниковъ, праздновалъ свадьбу своего шурина. Въ іюлѣ услышалъ онъ, что Ханъ уже вступилъ въ русскія области, съ полчищемъ еще болѣе прошлогодняго многочисленнымъ, съ Нагаями, Янычарами, Турками, что онъ уже близъ Оки, миновалъ всѣ города, и стремясь прямо къ Москвѣ, гдѣ располагался зазимовать, назначалъ себѣ мѣсто кочеванія на всю зиму. Съ часу на часъ Іоаннъ ожидалъ вѣсти, какъ измѣнники предадутъ царство его Крымскому Хану и услышалъ о побѣдѣ, о славѣ, уже давно забытой, и имъ и его подданными.

Не измѣнникъ былъ покоритель Казани, смиренно переносившій немилость царскую; въ горестной ссылкѣ своей онъ не разучился воевать. Вѣроятно присутствіе Бѣльскаго и Мстиславскаго связывало его въ дѣйствіяхъ въ 1511 году. Теперь онъ былъ свободенъ, первый воевода царскій, и

оправдалъ прежнюю славу свою. Укрѣпясь на берегу Оки, въ трехъ верстахъ отъ Серпухова, Воротынскій мужественно ждалъ Хана. Девлетъ хотѣлъ обмануть его, завязалъ битву, перешелъ Оку и пустился къ Москвѣ. Воротынскій замѣтилъ хитрость, и не дался въ обманъ. Одни изъ отрядовъ его перенялъ у Татаръ дорогу въ Москву, другіе сбили оставленные Ханомъ отряды, третьи обошли его самого со всѣхъ сторонъ. Какъ звѣрь, пойманный тенетами, Девлетъ бросался во всѣ стороны, нападалъ, отступалъ: іюля 30го 1572 г. дана была кровопролитная битва на пространствѣ между рѣками Лопасною и Рожаемъ, близъ Молодей; сражались съ утра до ночи, на разсвѣтѣ Татары бѣжали. Ханъ увелъ съ собою не болѣе 20000 воиновъ — остальные, болѣе 100000 погибли въ бою, попались въ плѣнъ, утонули въ Окѣ, были побиты при преслѣдованіи. Августа 6го привезли Іоанну донесеніе о побѣдѣ и трофеи, отнятыя у непріятеля. Августа 17го Царь уже отправился въ Москву, забывъ о войнѣ съ Шведами. Празднуя побѣду въ Новгородѣ, онъ только написалъ письмо къ шведскому Королю, ругалъ его, называлъ воромъ, грозился заплатить ему за всѣ обиды, и пріѣхалъ въ Москву славиться своею непобѣдимостью.

Девлетъ смирился, прислалъ пословъ, граматы,

увѣрялъ, что шелъ повидаться съ другомъ своимъ Царемъ московскимъ, но холопы царскіе приняли его невѣжливо. Царь не щадилъ Хана въ рѣчахъ по коимъ его увѣрялъ, что и прежде только измѣнники открыли ему путь къ Москвѣ. Одинъ изъ любимцевъ царскихъ, шутъ Василій Грязной, братъ казненнаго Григорія, попался въ плѣнъ Крымцамъ. Думая угодить Царю, Ханъ соглашался обмѣнять его на храбраго Мурзу Дивія. Царь смѣялся надъ Грязнымъ и писалъ къ нему: „что Вася узналъ ты Крымцевъ? за чѣмъ заѣхалъ далеко! Думалъ ты, что Крымцевъ бить, какъ зайцовъ съ собаками травить, ажно самъ попался къ нимъ въ торока. Видно война не то, что балагурство за царскимъ столомъ и спасибо Татарамъ, что они васъ негодяевъ учить умѣютъ. Когда бояре стали намъ измѣнны, я приблизилъ къ себѣ васъ, мерзавцевъ, а вы и подумали, что вы ужъ великіе люди. Дѣлать нечего: тысячи двѣ брошу я за тебя, хоть прежде продавали вашу братью по 50ти рублей, и ты самъ ѣзжалъ въ старые годы со псарями.“ Грязной оправдывался полушутя и былъ выкупленъ. Царь отпустилъ къ Хану Ипъ-Болдыя, посла, сидѣвшаго въ неволѣ 17ть лѣтъ. Ханъ отдарилъ за то Іоанна отпускомъ знаменитаго посла Аоанасья Нагаго (осенью 1573 г.), и клялся никогда болѣе

ие воевать Россіи. Въ Крыму былъ тогда голодъ. Ободренные Козаки донскіе снова воевали Татаръ, даже успѣли захватить Азовъ и разворить его.

Изъявляя презрѣніе свое къ Грязному и людямъ ему подобнымъ, Іоаннъ не удалялъ ихъ, и равно презиралъ, а еще болѣе опасался людей, подобныхъ Воротынскому. Отъ подозрѣній не могли спасать ихъ ни заслуги, ни подвиги. Но Іоаннъ увидѣлъ тогда ничтожность опричины и пренебрегъ ею, такъ что многіе почитаютъ ее уничтоженною съ 1572 года. Она существовала до кончины Іоанна, только потеряла свою ужасную силу. Царь жилъ въ Москвѣ и въ Слободѣ своей, считая себя безопаснѣе прежняго. Тогда же казнилъ и истребилъ онъ гонителей и клеветниковъ святителя Филиппа.

Важныя событія въ Польшѣ занимали Іоанна, но поступки его были такъ же странны, какъ и всѣ другія дѣла сего времени. Надобно было думать о мирѣ: перемиріе оставался только годъ срока. Сигизмундовъ посолъ пріѣхалъ въ Москву въ 1572 году, но не засталъ уже Іоанна въ Москвѣ, догналъ его и переговаривалъ съ нимъ въ Клину. Король жаловался на оскорбительныя писанія, разсѣваемыя объ немъ, на войну въ Ливоніи, требовалъ Полоцка. Царь отвѣчалъ что писанія разсѣ-

ваетъ не онъ, но измѣнники его Крузе и Таубе, что въ Ливоніи воевали Русскіе со Шведами, и что онъ готовъ уступить Полоцкъ, если границею ливонскихъ земель положатъ Двину. Изъ Новгорода Іоаннъ увѣдомилъ Короля, что ожидаетъ новыхъ пословъ его. Сигизмундъ обѣщалъ прислать. Но вскорѣ получили извѣстіе о пресѣченіи рода Ягелова въ Польшѣ: Сигизмундъ скончался 18го іюля 1572 года. Надлежало избирать Короля. Въ Москву присланъ былъ отъ вельможъ польскихъ гонецъ Воропай, съ просьбою, чтобы Іоаннъ не начиналъ войны съ Польшею, пока польское государство будетъ безъ главы. Тогда Царь вспомнилъ, что еще при жизни Сигизмунда ему предлагали тронъ польскій. Грубо отвергнувъ его въ то время, теперь онъ самъ началъ искать согласія Поляковъ; призвалъ къ себѣ Воропая, хвалилъ вѣрность Поляковъ и Литовцевъ къ королямъ ихъ, жаловался на своихъ измѣнниковъ, согласился на миръ, союзъ, уступки и требовалъ избранія въ короли сына его. Воропай обѣщалъ донести о предложеніи его вельможамъ Польши и Литвы, а Царь рѣшился исполнить давнюю угрозу противъ Шведовъ, и уже не словами, но дѣломъ.

Въ сентябрѣ 1572 г. онъ выѣхалъ въ Новгородъ, звалъ къ себѣ Магнуса, зимою пошелъ къ

Нарвѣ и въ декабрѣ 80,000 русскаго войска и самъ Царь вступили въ Эстонію. Возобновились убійства, грабежи, пожары, ужасы прежнихъ лѣтъ. Царь осадилъ Виттенштейнъ, и на приступѣ къ сей небольшой крѣпости палъ другъ и любимецъ его, убійца святителя Филиппа, Малюта Бѣльскій. Крѣпость была взята. Іоаннъ велѣлъ сжечь плѣнниковъ и съ честію похоронилъ Малюту въ Іосифовскомъ монастырѣ. Довольный успѣхомъ, онъ поѣхалъ отдыхать въ Новгородъ, оставивъ воеводъ своихъ и Магнуса воевать и грабить Эстонію. „Видишь-ли дѣйствіе моего гнѣва и казнь за твою непокорность,“ писалъ онъ къ шведскому Королю. „Неужели ты думалъ, что я дорожу честью жениться на твоей женѣ! Ея сестры бывали за конюхами, а твои Шведы рабски служили моимъ предкамъ. Ты осмѣливаешься называть себя Королемъ, самозванецъ, мужичій сынъ! живы еще люди, которые помнятъ, какъ отецъ твой пасъ скотину и когда бывало привезутъ наши русскіе купцы воскъ, или сало, онъ надѣнетъ рукавицы и пойдетъ бывало смотрѣть товаръ и пробовать сало, да воскъ. Смирись предъ потомкомъ Кесаря Августа.“

Король потерялъ наконецъ терпѣніе, самъ отвѣчалъ ругательствами, называлъ Царя сыномъ не

отца вѣнчаннаго, но какаго-нибудь пьянаго монаха, клеветникомъ, лжецомъ, злодѣемъ. Еще лучшимъ отвѣтомъ Короля были дѣйствія полководца его Акепсона. Магнусъ и русскіе воеводы удачно заняли Нейгофъ и Каркусъ, но были разбиты Акепсономъ, такъ, что опрометью бѣжали отъ малочисленнаго непріятеля, Магнусъ прискакалъ въ Новгородъ, а Царь, испуганный новою измѣною, велѣлъ прекратить войну, послалъ ласковую грамату къ шведскому Королю и предлагалъ ему мириться. Начались переговоры. Царь праздновалъ между тѣмъ свадьбу Магнуса, плясалъ на свадебномъ пирѣ, пѣлъ молитвы, пѣсни въ честь новобрачныхъ, и былъ тѣхъ, кто ошибался въ пѣніи.

Въ Новгородѣ видѣлся съ Іоанномъ посолъ Герцога мекленбургскаго. Сигизмундъ обѣщалъ сыну его Ригу съ титуломъ Герцога, хотѣли согласія русскаго Царя. „Рига еще не моя“ — отвѣчалъ Іоаннъ, „когда добуду ее, готовъ отдать и благодарю за смиреніе вашего Герцога, но вы Нѣмцы всѣ обманщики, и я вамъ не вѣрю.“

Тоже говорилъ онъ и бѣдному Магнусу, когда этотъ Король ливонскій послѣ свадьбы не получилъ ни богатаго приданаго, ни королевства, ни золота. Царь придалъ ему Каркусъ къ Обрапалену, велѣлъ дожидаться милостей, и прежде до-

казать свою вѣрность. Магнусъ принужденъ былъ повиноваться приказанію Грознаго дяди, уѣхать въ удѣлъ свой, утѣшать молодую супругу въ скукѣ уединенія и ждать въ будущемъ.

Только въ февралѣ 1573 года пріѣхали изъ Польши говорить съ Іоанномъ объ его предложеніяхъ, касательно избранія въ короли послѣ Сигизмунда. Кажется, однакожъ, что ни вельможи польскіе, ни Царь не видѣли возможности исполнить предполагаемое соединеніе Польши съ Россіею.

Вѣковая вражда, различіе религій, правленія, нравовъ обычаевъ — все раздѣляло Россію отъ Польши. Исторія Европы не много представляетъ примѣровъ правленія столь самовластнаго, каково было въ это время правленіе Іоанна. Власть королей польскихъ, напротивъ была тогда полуразрушенною. Уравненіе Литвы съ Польшею въ правахъ прибавило большинства свободныхъ голосовъ на сеймахъ. Личныя выгоды раздѣляли избирателей на множество партій и каждая имѣла въ виду умноженіе преимуществъ свободы при вольномъ выборѣ Королей. Послѣ сего согласиться на выборъ Грознаго Іоанна, или сына его, не было возможности. Еслибы онъ согласился отдать сына своего въ полную волю вельможамъ польскимъ,

была еще надежда. Но Іоаннъ и не думалъ о согласіи на условія Поляковъ.

Ему предложили жениться на немолодой и некрасивой сестрѣ Сигизмунда, Аннѣ, если онъ отдастъ сына своего въ короли польскіе, за это требовали приданаго: Полоцка, Смоленска, Ливоніи. Еще важное условіе: сынъ его долженъ былъ принять католическую вѣру.

Іоаннъ выслушалъ предложенія, жаловался на медленность отвѣта въ дѣлѣ столь важномъ, и потомъ хладнокровно сказалъ что „государство ему не новина; сынъ его молодъ и справить государствомъ не сможетъ, и что онъ совѣтуетъ всего лучше звать на королевство одного изъ сыновей Императора.

Послы видѣли холодность Іоанна, испугались вреда, какой могъ причинить въ это время Польшѣ, неготовой на защиту. Они умоляли его согласиться, или самому быть королемъ, или отдать сына. Тогда Іоаннъ началъ говорить: сказалъ что не онъ ищетъ королевства, но Польша ищетъ его, и послѣ сего прилично-ли требовать приданаго за сыномъ его, какъ будто за дѣвицею? Онъ объявилъ свои непремѣнныя условія: Польша присоединяется къ Россіи; Царь и Король будутъ въ одной особѣ, если же Поляки изберутъ

сына царскаго, то въ послѣдствіи, въ случаѣ бездѣтной кончины его должны исполнить означенное условіе. Но отдавая царевича въ короли, Россія получаетъ Кіевъ, Полоцкъ и Ливонію. „Знаю, прибавилъ Іоаннъ, что другіе предложатъ вамъ условія легче, но кто въ Европѣ сравнится величіемъ со мною. Царемъ, изначальнымъ потомкомъ Кесаря Августа! обѣщаю уваженіе всѣхъ вашихъ правъ, и думаю, что меня самого лучше избирать вамъ, нежели моего сына, ибо тогда утвердится прочное благодѣтельствіе Россіи и Польши.

Послы возразили, что Король долженъ быть латинской вѣры, жить въ Польшѣ, а Царь не можетъ управлять Польшею изъ Москвы. Іоаннъ пересталъ говорить съ ними и приказалъ имъ удалиться.

На другой день онъ опять былъ милостивъ, сказалъ, что согласенъ попеременно ѣздить для временнаго управленія двумя государствами, и жить то въ Москвѣ, то въ Варшавѣ. Наконецъ Царь объявилъ и послѣднюю, тайную мысль свою; онъ желалъ отдѣлить Литву отъ Польши присоединить ее къ Россіи съ Ливоніею, а Польшу отдать Императору, или его сыну, съ титуломъ короля. Многорѣчиво изъяснялъ онъ выгоды подобнаго распоряженія.

Съ такими странными предложеніями отправились послы, увѣряясь, что Іоаннъ, обольщенный мечтою владычества надъ Польшею, по крайней мѣрѣ, не станетъ вредить ихъ отечеству. Мысль о раздѣленіи между Австріею и Россіею Польши и Литвы, сдѣлалась любимою мыслью Царя.

Но для исполненія предпріятія столь смѣлаго, надобно было дѣйствовать сильно, рѣшительно и Іоаннъ бездѣйствовалъ, сидя въ Москвѣ. Между тѣмъ, на избирательномъ сеймѣ въ Варшавѣ явился полный разгулъ страстямъ и партіямъ. Пріѣхали послы Императора и Короля французскаго, католики спорили съ протестантами, партія одного вельможи съ партіею другаго. Объявлены были кандидатами: сынъ Императора, Генрихъ Валуа, братъ Короля французскаго, Король шведскій, сынъ его Сигизмундъ, Царь Іоаннъ, сынъ его Ѳедоръ. Назначали корону еще Яну Фирлею, воеводѣ краковскому и даже Кастеллану вецкому Яну Шафранцу и послу императорскому Богемцу Розенбергу. Но вскорѣ остались спорными кандитатами только двое первыхъ. И безъ того опасался, что Императоръ сдѣлаетъ съ Польшею тоже, что уже сдѣлалъ съ Богеміею и Венгріею, боясь и Султана, объявлявшаго непріязнь свою Польшѣ при выборѣ австрійскаго

принца, избиратели были еще оскорблены грубыми поступками императорскихъ пословъ. Напротивъ ни ласкательствъ, ни обѣщаній не щадилъ посолъ Короля французскаго и мая 17го 1573 г. Генриха Валуа провозгласили Королемъ польскимъ. Знаменитое посольство отправилось во Францію. Статьи, подписанныя французскимъ посломъ показывали явную непріязнь избирателей противъ Іоанна: Франція обязывалась всѣми силами защищать Польшу, на сухомъ пути и на морѣ, отъ притѣсненій и жестокости русскаго Царя.

Тоже обѣщалъ и Императоръ, но изъявляя не дружелюбіе къ Россіи пока дѣло о выборахъ не было еще рѣшено, онъ сдѣлался другомъ Іоанна, едва только потерялъ надежду видѣть сына своего на престолѣ польскомъ. Въ Іюля 1573 г. получили въ Москвѣ грамату императорскую. Увѣряя въ дружбѣ, Императоръ бралея исполнить мысль Іоанна, соглашалея уступить ему Литву, съ предоставленіемъ себѣ Польши. Онъ говорилъ объ опасности, угрожающей имъ обоимъ отъ выбора въ Короли французскаго принца, ибо Франція всегда была союзница Турокъ; жаловалея на безчеловѣчіе Карла IXго, истреблявшаго подданныхъ за различіе вѣръ. Гонецъ Скобельцынъ немедленно отправилея къ Императору съ отвѣтомъ. Іоаннъ

соглашался съ опасеніями Императора, совѣтовалъ спѣшить предположеннымъ дѣломъ, стараться задержать Генриха на пути, а между тѣмъ исполнить общій ихъ замыселъ. Особенное сожалѣніе изъявлялъ онъ о безуміи французскаго Короля, который такъ безчеловѣчно губитъ своихъ добрыхъ подданныхъ.

Но на всѣ изъявленія дружбы Іоанна, Императоръ отвѣчалъ только учтивою благодарностью, въ январѣ 1574 года, потомъ въ февралѣ. Въ маѣ пріѣхалъ въ Москву нѣмецкій купецъ для торговли, привезъ императорское письмо, но Императоръ не говорилъ уже ничего, даже и о дружбѣ. Онъ также не препятствовалъ проѣзду Генриха въ Польшу Вступивъ на престолъ польскій въ февралѣ 1574 г., Генрихъ прислалъ къ Іоанну грамоты въ іюнѣ; увѣряя его въ желаніи мира, съ горестію увѣдомлялъ о кончинѣ брата своего Карла IXго, о томъ что онъ долженъ ѣхать во Францію и предоставляетъ польскимъ вельможамъ говорить о прочномъ мирѣ съ Россіею во время его отсутствія. Въ августѣ воротился Скобельцынъ изъ Вѣны безъ отвѣта, который Императоръ обѣщалъ прислать особо. Іоаннъ видѣлъ недоумѣніе и недоброжелательство Императора, дружески отвѣчалъ Генриху и соглашался на миръ. Странное

извѣстіе пришло въ это время изъ Варшавы: Генрихъ легкомысленно презрѣлъ тронъ польскій, и тайно ускакалъ въ Парижъ (въ іюлѣ 1574 г.). Въ Польшѣ начались новыя несогласія: одни хотѣли объявить между-царствіе и избрать новаго Короля; другіе предлагали звать Генриха обратно, рѣшено было наконецъ ожидать его возвращенія до мая 1575 года. Но все показывало что Генрихъ уже не воротится. Политика Императора явилась въ ужасномъ затрудненіи. Генриха чрезвычайно обласкали въ обратный проѣздъ его черезъ Вѣну на случай его возвращенія, не смѣли согласиться на мысль Іоанна — ожидая выборовъ въ Польшѣ; не хотѣли и раздражать Царя — если, паче чаянія, сынъ императорскій не будетъ выбранъ. Почти въ одно время, гонецъ Ельчаниновъ, возивший грамату къ Генриху, привезъ тайныя граматы отъ польскихъ вельможъ и Императоръ прислалъ отвѣтъ на грамату, посланную съ Скобельцынымъ. Поляки писали открыто, что всего охотнѣе изберутъ Царя, или сына его, если только Царь согласится принять условія, на какихъ былъ избранъ Генрихъ, и польститъ самолюбію знатнѣйшихъ избирателей, пославъ къ нимъ просительныя граматы; присланы были списки съ условій и образцы гramатъ. Императорская грамата со-

стояла только въ жалобѣ на Скобельцина, что онъ велъ себя грубо и неприлично; въ заключеніе Императоръ обѣщалъ прислать особеннаго посла своего для переговоровъ. Гордость Іоанна оскорбилась письмами польскихъ вельможъ; онъ отвѣчалъ имъ, обѣщая милость за ихъ усердіе, но не говорилъ ничего объ условіяхъ, видя болѣе вѣрнаго въ раздѣлѣ Польши съ Императоромъ; для того прислалъ онъ всѣ извиненія Императора, возложилъ опалу на Скобельцына, писалъ, что нетерпѣливо ждетъ посла. Но посолъ не пріѣзжалъ. Въ іюлѣ 1575 г. пріѣхалъ купецъ нѣмецкій, торговать въ Москвѣ и увѣдомилъ, что важные недосуги отвлекаютъ Императора. Вмѣсто дѣла издумали занять вниманіе Іоанна мелкими интригами и подозрѣніями на Магнуса.

Царь до того былъ увлеченъ дѣлами въ Польшѣ, что переносилъ всѣ оскорбленія Швеціи и хотѣлъ мира съ нею, представляя мщеніе будущему времени. Не полагаясь на своихъ измѣнниковъ, онъ изумлялся при томъ неожиданной твердости шведскаго Короля и сбору войска шведскаго. Посланника русскаго оскорбили, даже прибили въ Стокгольмѣ, Король говорилъ съ нимъ дерзко. Іоаннъ терпѣлъ выславъ переговаривась съ Шведами на русской границѣ, ибо Король сказалъ, что

не пошлетъ посла своего въ варварскую землю, гдѣ не уважаютъ правъ государственныхъ и держатъ пословъ въ темницахъ. Странный конецъ былъ этимъ переговорамъ: когда Шведы показали родословную своего Короля, царскій посланникъ неожиданно призналъ его высокое достоинство, и отъ имени Царя согласился чтобы впредь Швеція сносилась черезъ пословъ своихъ въ Москвѣ непосредственно съ самимъ Царемъ, а не съ новгородскими намѣстниками, какъ прежде. Но за то Царь велѣлъ требовать Эстоніи; Шведы не уступили. Рѣшено, чтобы отъ сего времени въ теченіи трехъ лѣтъ не было войны на сѣверныхъ предѣлахъ между Россіею и Швеціею. Переговоры кончились. Въ Москву отправили договоръ для царскаго подтвержденія. Царь остановился.

Отъ Императора не было слуховъ, а въ Польшѣ приступили къ новымъ выборамъ, и Императоръ снова представилъ сына своего въ кандидаты, льстилъ Полякамъ, обѣщалъ имъ воевать Россію. Ноября 4го 1576 года начались выборы. Явились прежніе разборы, объявлены были прежніе кандидаты: сынъ Императора Эрнестъ, Король шведскій и сынъ его. Изъ вельможъ польскихъ опять объявлены: Янъ Костка, и Янъ Тенчинскій. Кромѣ того были новые: братъ Императора Фердинандъ

и Альфонсъ Герцогъ феррарскій. О Царѣ и сынѣ его даже не упомянули, какъ о несогласныхъ на условія, имъ предложенныя. Духовенство вообще стояло за Эрнеста; военные и гражданскіе чины соглашались избрать всякаго другаго, только не Нѣмца. Наконецъ провозглашено было безвѣстное дотолѣ имя Стефана Баторія, князя Седмиградскаго. Султанъ объявилъ, что только при избраніи Стефана Польша можетъ надѣяться мира съ Турціею. Оскорбленный неуваженіемъ словъ его, Султанъ грозилъ войною; Крымцы набѣжали на Литву. Это сильно подѣйствовало и вскорѣ имя Стефана раздалось въ устахъ многихъ. Согласіе знаменитаго Іоанна Замойскаго соединило голоса. Стефана провозгласили Королемъ польскимъ. Другая партія не уступала и объявила Королемъ Императора Максимиліана. Такое несогласіе раздѣлило всю Польшу: одинѣ области признали Максимиліана, другія Баторія. Сеймъ кончился, но раздоры продолжались.

Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ услышалъ, что къ нему ѣдутъ наконецъ давно обѣщанные послы императорскіе. Онъ до того былъ раздраженъ, что послалъ спросить у нихъ: точно-ли они послы великіе и ѣдутъ за рѣшеніемъ дѣла, а не за торговлею и не просто съ граматою, которая ничего не

рѣшить? Узнавъ, что это были два почетные чиновника императорскіе, Кобенцель и Буккау, Іоаннъ встрѣтилъ ихъ великолѣпно (въ январѣ 1576 г.). Послы представили богатые подарки. Но рѣчи ихъ не понравились Іоанну. Послы не скрывали, что сынъ Императора былъ въ числѣ избранныхъ на польскій престолъ, уговаривали Царя не вступаться въ это дѣло, не трогать Ливоніи, помириться съ Швеціею, и за то въ громкихъ выраженіяхъ приглашали его воевать противъ Султана, изгнать Турокъ изъ Европы, взять Царьградъ и быть Царемъ русскимъ и греческимъ. Насмѣшливо отвѣчалъ на это Іоаннъ, припомнилъ прежнія неудачи сего замысла, соглашался помогать Императору въ выборѣ сына его, на престолъ польскій, но за то требовалъ Литвы и Кіева. „Дивлюсь," говорилъ онъ, „что едва вздумалъ я взять Ливонію, она стала всѣмъ наслѣдною землею и Швеціи, и Польшѣ, и Императору, но Ливоніи я ни кому не отдамъ, не прощу и шведскаго Короля (грубіяна и невѣжду), принужу его покориться мнѣ." Послы замѣтили, что при несогласіи Царя, Императоръ принужденъ будетъ уступить тронъ польскій Баторію, котораго избираютъ Поляки! „Не посмѣютъ," отвѣчалъ Царь. Послы ничего не рѣшили и просили отпуска. Царь требовалъ, по крайней мѣрѣ, заклю-

ченія договора о Ливоніи Послы отвѣчали что Императоръ пришлетъ для того самыхъ знаменитыхъ пословъ, какіе уже сто лѣтъ никуда не были отъ него посланы. Честолюбіе Іоанна удовлетворилось. Милостиво отпустилъ онъ пословъ и отпра ь къ Императору отъ себя пословъ легкихъ, к зя Суторскаго и дьяка Арцыбашева, убѣждая Императора поспѣшить заключеніемъ прочнаго договора, пока дѣла въ Польшѣ еще некончены.

Тамъ жестоко боролись между тѣмъ партіи. Уже Стефанъ ѣхалъ въ Польшу. Но сообщники Императора не унимались, объявили его Королемъ, собрались въ Ловичѣ, отправили къ нему пословъ. Партія Баторія собралась въ Андрѣевѣ. Тогда явился въ Польшѣ русскій гонецъ Басмановъ, съ граматами, Царь писалъ къ польскимъ вельможамъ, чтобы они избрали Эрнеста, къ ливонскимъ, чтобы они избрали отдѣльно въ Литвѣ сына его Ѳеодора. Ему предложили скорѣе согласиться на условія, и двинуть войска, говорили, что всѣ искренно примутъ его, что именно таково было желаніе покойнаго Сигизмунда. Но Императоръ и Царь медлили; одинъ хотѣлъ совѣтоваться съ имперскими чинами, другой ждалъ отвѣтовъ императорскихъ, предлагалъ раздѣлъ Польши отъ Литвы, требовалъ

Ливоніи, Кіева. Между тѣмъ защитники Стефана усиливались, Сеймъ въ Андреевѣ умножался вновь пріѣзжавшими: Стефанъ успокоилъ католиковъ, сомнѣвавшихся въ его приверженности къ католицизму, протестантамъ обѣщалъ защиту; соглашался на всѣ условія, обѣщалъ Польшѣ дружбу Султана, безопасность отъ Крымцевъ и брался непремѣнно усмирить горделиваго русскаго Царя. Наконецъ Стефанъ согласился на бракъ съ сестрою Сигизмунда, Анною, пятидесятилѣтнею принцессою. Все это рѣшило выборы въ его пользу; послѣдніе противники замолчали, когда Стефанъ явился въ Краковѣ и силою готовъ былъ заставить ихъ повиноваться. Мая 1го 1576 г. совершилось коронованіе Стефана. Въ іюлѣ Императоръ прислалъ въ Москву извѣстіе, что онъ побѣдилъ враговъ своихъ, противившихся ему въ Польшѣ и можетъ назвать себя польскимъ Королемъ. Царь отвѣчалъ, что весьма радъ этому, дивится только, почему въ Краковѣ какой то Стефанъ также объявляетъ себя Королемъ. Однакожъ гонецъ поѣхалъ отъ него къ Императору съ поздравительною граматою. Но Царь видѣлъ уже безполезность усилій, пересталъ думать о Польшѣ, и объ избраніи въ короли. Въ январѣ 1577 г. возвратились Сугорскій и Арцыбашевъ. Царь утѣшался, слушая ихъ разсказы о почестяхъ,

какія воздавали имъ при дворѣ императорскомъ. Прежде ихъ пріѣзда, онъ холодно принялъ грамату императорскую (въ ноябрѣ 1576 г.), въ которой Императоръ просилъ его не воевать Ливоніи, услышавъ, что Іоаннъ уже велѣлъ снова громить эту бѣдную страну. Вскорѣ услышали о смерти Максимиліана: онъ скончался въ октябрѣ 1576 г. и тѣмъ очистилъ дорогу Стефану, къ безспорному владычеству въ Польшѣ.

Стефанъ хотѣлъ союза и дружбы Царя, но Іоаннъ не думалъ уважать бѣднаго воеводу Сендомирскаго. Онъ полагалъ, что по его наущенію, въ августѣ 1576 г., Девлетъ ходилъ на Россію. Іоаннъ послалъ войско на Оку; донскіе Козаки воевали въ окрестностяхъ Крыма, Девлетъ оробѣлъ и оборотился восвояси. Царь почелъ себя безопаснымъ со стороны юга, слышалъ что прусскіе города, особливо Данцигъ, не признаетъ еще Стефана, что его худо слушаютъ въ самой Польшѣ, что у него нѣтъ ни денегъ, ни войска. Сперва рѣшить дѣло въ Ливоніи, потомъ наказать гордость новаго Короля польскаго: такъ думалъ и рѣшилъ Іоаннъ. Гордостью почиталъ онъ посольство Стефана: пріѣхали совсѣмъ незнатные послы. Хотѣли узнать отъ нихъ, прежде всего, какъ написанъ титулъ царскій. „Увидите, когда прочитаете

грамату," отвѣчали они. Царь принялъ грамату въ полномъ величіи двора. Стефанъ смиренно просилъ его продолжать перемиріе, обѣщалъ прислать пословъ для переговора о мирѣ. Но Царь велѣлъ отвѣчать, что Стефанъ оскорбляетъ его, не называя царемъ, и не полоцкимъ ни даже смоленскимъ княземъ, а себя именуя братомъ царевымъ и ливонскимъ государемъ, когда онъ рабъ венгерскаго Короля, присвоивающій себѣ власть надъ наслѣдною областью русскаго Государя. „Пусть исправится вашъ Король и тогда я пожалую его миромъ," прибавлялъ Царь. Стефанъ былъ доволенъ отвѣтомъ, спѣшилъ усмирить Данцигъ, отложилъ всѣ споры до будущаго времени, а Іоаннъ, презирая Польшу, думалъ только о Швеціи и Ливоніи.

Тамъ уже начались битвы. Во время переговоровъ съ Швеціею и послѣ заключенія странаго договора 1576 года, русскіе воеводы подкрѣпляли угрозы Іоанна оружіемъ, ходили, „куда лучше и гдѣ просторнѣе, то есть, гдѣ еще можно было что нибудь опустошить въ бѣдной Ливоніи. Пернау былъ взятъ послѣ жестокой битвы. Шведы метили осадою Везенберга. Никита Романовъ предводилъ Русскими, обѣщалъ милость покорнымъ, гибель противникамъ, и нѣсколько зам-

конъ и наконецъ и Гапсаль сдались безъ сопротивленія. „Не знаемъ, что сдѣлалъ бы съ ними Царь нашъ за подобное дѣло,“ говорили побѣдители робкимъ защитникамъ Гапсаля. Покорность спасла, по крайней мѣрѣ жизнь несчастныхъ обитателей Ливоніи, и болѣе они ничего и не надѣялись. Іоаннъ не былъ доволенъ успѣхами, хотѣлъ отнять у Шведовъ всю Эстонію. Насмѣшки шведскаго Короля еще болѣе раздражали его. „Изъ чего хочешь ты воевать со мною?“ писалъ ему Король. „Я продаю Ревель Императору; лучше поторгуйся съ нимъ.“ Царь велѣлъ идти и взять Ревель. Пятьдесятъ тысячъ войска отправилось зимою, и Иванъ Шереметевъ-меньшой далъ слово, или умереть или завладѣть Ревелемъ. Въ январѣ 1577 г. отряды русскіе перешли по льду чрезъ Финскій заливъ и грабили Финляндію; договоръ съ Швеціею еще не былъ утвержденъ и это казалось позволительнымъ. Въ тоже время осажденъ былъ Ревель, болѣе мѣсяца длилась свирѣпая осада — Ревельцы еще разъ торжествовали, Шереметевъ сдержалъ слово — онъ былъ убитъ на приступѣ, товарищи его отступили, въ началѣ марта, и довольствовались грабежами окрестностей.

Трекратное отступленіе Русскихъ отъ Ревеля, бѣдствія жителей, отчаяніе, до какого они

были доведены — все это произвело новый, опасный для Русскихъ, образъ войны мелкими отрядами и шайками. Шведы, Нѣмцы, Чухонцы вооружились, ходили въ мѣста занятыя Русскими — умирать было все равно. Наконецъ явился какой-то отчаянный удалецъ Шваненбергъ, и не было мукъ, которыхъ не испыталъ бы онъ надъ Русскимъ, попавшимся его отчаянной шайкѣ; имя разбойника вскорѣ сдѣлалось ужасомъ Русскихъ, онъ занялъ Виттенштейнъ, Пернау, другія мѣста.

Іоаннъ ничему не внималъ, клялся отмстить; ужасныя полчища его вступили въ Ливонію; самъ Царь, съ дѣтьми своими, дворомъ, воеводами, прибылъ во Псковъ, и здѣсь явился къ нему Магнусъ. Ревель ожидалъ конечной погибели; жители умоляли помогать имъ въ новомъ бѣдствіи. Но, къ изумленію всѣхъ, медливъ до конца іюля 1577 г., Іоаннъ не пошелъ туда, гдѣ готовились встрѣтить его мечемъ: онъ обратился на Ливонію, занятую Поляками. Никто неожидалъ Русскихъ въ этой сторонѣ. Никто не готовился къ защитѣ. Города безъ сопротивленія сдавались отрядамъ царскимъ, покорныхъ щадили, даже отпускали въ Польшу, но кто дерзалъ защищаться — погибалъ. Въ Зесвегенѣ, взятомъ приступомъ, плѣнныхъ посадили на колъ. Вдругъ услышалъ Іоаннъ, что Магнусъ,

съ своею дружиною, осмѣливается брать города на свое имя и заставляетъ присягать себѣ, какъ ливонскому Королю. „Я тебѣ велѣлъ взять только Венденъ, мой Магнусъ, что же ты дѣлаешь?“ писалъ Іоаннъ, и съ страшными угрозами послалъ отнимать у Магнуса избранные имъ города. Начали съ Кокенгузена, гдѣ перерѣзали 50 воиновъ магнусовой дружины, и терзали жителей, пока Іоаннъ спокойно разсуждалъ съ пасторомъ о вѣрѣ. Горячій заступникъ Лютера, пасторъ осмѣлился назвать его апостоломъ. Царь вспыхнулъ, ударилъ его плетью, закричалъ: „Убирайся къ чорту съ своимъ Лютеромъ!“ и прогналъ испуганнаго богослова. Потомъ сдался Вольмаръ, гдѣ умертвилъ 80 воиновъ Магнуса, разбивъ домы и имѣніе, объявивъ всѣхъ жителей рабами. Царь требовалъ къ себѣ Магнуса. Въ Венденѣ былъ этотъ жалкій Король, не зналъ, что дѣлать и отправилъ въ подарокъ Іоанну, захваченнаго имъ въ Вольмарѣ, польскаго воеводу, князя Полубенскаго. Въ досадѣ на Магнуса, Полубенскій открылъ Царю, что Магнусъ уже давно ссылается съ Герцогомъ курляндскимъ и хочетъ предаться Польшѣ. Іоаннъ подошелъ къ Вендену. Магнуса требовалъ онъ, и

– Магнусъ явился въ русскомъ станѣ, когда по приказанію царскому сѣкли розгами двухъ по-

слашиковъ мнимаго Короля ливонскаго. Онъ упалъ въ ноги Царю, молилъ о пощадѣ, и безмолвно слушалъ, какъ Царь бранилъ его; послѣ сего заперли Магнуса въ бѣдной хижинѣ. Вендень былъ занятъ. Но воины Магнуса убѣжали въ крѣпость съ женами, дѣтьми, не слушали никакихъ увѣщаній и не хотѣли сдаваться. Напрасно приказывалъ имъ Магнусъ, напрасно, ужасая ихъ, въ виду крѣпости посадили на колъ Георга Вильне, взятаго въ плѣнъ въ Вольмарѣ. „Не отдадимся на муки тирану!“ говорилъ Генрихъ Байсманъ, начальникъ Вендена — „умремъ, если Богъ не сотворитъ чуда для спасенія нашего!“ Тогда не было уже мѣры гнѣву Іоанна. Горсть храбрыхъ вызывала на битву Царя, среди его безчисленныхъ полчищъ, оставленная своимъ Королемъ.... Три дня разбивали пушками стѣны венденской крѣпости. Не видя спасенія, когда Русскіе ворвались уже сквозь развалившіяся стѣны, Байсманъ, воины его, жены, дѣти убѣжали въ огромный домъ Магистра. Здѣсь всѣ встали на колѣна; пасторъ причастилъ ихъ св. Тайнъ, благословилъ; Байсманъ зажегъ приготовленный порохъ, и — зданіе взлетѣло на воздухъ; всѣ бывшіе въ немъ погибли.... Царь велѣлъ искать обезображенный трупъ Байсмана; его сыскали и посадили на колъ. Іоаннъ объявилъ смерть Вен-

дену... Содрагаемся, читая, что происходило среди его окровавленныхъ развалинъ.

Но Іоаннъ находилъ еще возможность видѣть въ такихъ событіяхъ, въ такихъ подвигахъ предметъ для гордости и хвастовства.

За чѣмъ шелъ онъ съ своимъ многочисленнымъ воинствомъ въ Ливонію? Оскорбить Стефана, тщетно угрожая местію шведскому Королю, мстить безразсудному, вѣтренному Магнусу, терзать несчастныхъ жителей Ливоніи? Чего же хотѣлъ онъ въ будущемъ? Чѣмъ хотѣлъ онъ кончить?

Еще нѣсколько городовъ сдались Русскимъ. Іоаннъ не пошелъ къ Ригѣ. Угостивъ своихъ воеводъ и польскихъ плѣнниковъ, онъ отпустилъ Полубенскаго въ Польшу, приказывая ему сказать Стефану: „видишь-ли мое величіе? Мирись, если не хочешь погибнуть!“ Тогда же вспомнилъ онъ о ненавистномъ ему человѣкѣ: это былъ Курбскій, смѣявшійся надъ его гнѣвомъ, дерзнувшій говорить ему истины и горькія укоризны. Царь вручилъ Полубенскому письмо, приказывая отдать его Курбскому — странное письмо, смѣшеніе гордости, досады, смиренія, ненависти. Уже пятнадцать лѣтъ опальныя кости Адашева тлѣли въ могилѣ, множество событій въ сіи годы давно унесли, смѣнили

собою дѣла, прежде бывшія; но Іоаннъ вспомнилъ и все высказывалъ Курбскому.

„Всемогущаго Бога, благоволившаго намъ, смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ своимъ дать скипетръ Россійскаго царства — писалъ Іоаннъ — мы Царь и Великій князь (слѣдуетъ большой, полный титулъ) пишемъ бывшему нашему боярину и воеводѣ, князю Андрею Михайловичу Курбскому: смиренно говоримъ мы тебѣ князь — смотри на величіе Божіе и дивись; ожидая моего исправленія, меня, беззаконнаго, но не отступника и не отчаяннаго въ милости Божіей, меня грѣшника, блудника, мучителя, еще милуетъ и хранитъ Господь — ничья сила не стоитъ противъ меня, при помощи Божіей: это узнали Нѣмцы, Литва, Татары — спроси ихъ, я ничего не пишу, не хвалюсь, ибо не моя побѣда, но Божья. Припомню тебѣ изъ многихъ твоихъ упрековъ, на которые уже отвѣчалъ я, еще не многое. Хотѣли было вы съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексіемъ Адашевымъ видѣть подъ своими ногами всю землю русскую, но видно, Господь Богъ даетъ власть, ему же хощетъ. Писалъ ты, что я растлѣнъ умомъ, но лучше разсуди самъ: кто въ самомъ дѣлѣ растлѣнъ, я или вы, желавшіе владѣть мною, снять съ меня власть прозорливо государиться, меня оставить царемъ по

имени, а самимъ быть царями по дѣлу! чего не претерпѣлъ я отъ васъ, а за что, за какую вину? или я уже послѣдняго слуги моего не стоилъ, какихъ у меня по Божьему и отцовскому благословенію была не одна сотня? Да, что объ этомъ — всего написать нельзя. Еслибы не разлучили вы меня съ моею женою, не приносилъ бы я жертвы Кропу. Скажешь: для чего я непобѣдилъ страстей? но всѣ мы человѣки; ты самъ не взялъ-ли себѣ стрѣлецкой жены? — Не возстаньте вы на меня съ попомъ Сильвестромъ, ничего-бы не было. Съ чего затѣвали вы возводить на престолъ Владиміра, а меня и дѣтей погубить? Развѣ я похитилъ войной, или кровью сѣлъ на него? Я родился на царствѣ и не помню, какъ отецъ благословилъ меня въ дѣтствѣ и какъ взросъ я на престолѣ. А Владиміру съ чего слѣдовало царство? по роду? по поколѣнію? нѣтъ! только по вашей измѣнѣ и его дурости. Виноватъ ли я былъ передъ нимъ? вы же, вельможи мои, уморили его отца, а его самого и съ матерью въ тюрьмѣ держали. Я возвратилъ ему честь и свободу, а онъ противъ меня пошелъ: я не вытерпѣлъ, мстилъ за себя. Вы упорнѣе начали противиться и измѣнять, а я еще жесточѣе явился надъ вами. Да, я хотѣлъ покорить васъ, а вы и святыню Господню осквернили и по-

ругали, осердясь на человѣка, да на Бога вскинулись. Отдавайте-жъ теперь отчетъ... Но я молчу, и только о настоящемъ пишу тебѣ: не видишь-ли, что Богъ даетъ власть кому хочетъ? Вы хотѣли сдѣлать по своему, какъ дьяволъ въ книгѣ Іова хвастал, но ваша.... ни во что обратилась Божіимъ изволеніемъ. Только, чтобы указать тебѣ на это, я пишу къ тебѣ. Вы говорили: „безъ насъ нѣтъ людей въ Россіи, некому за нее стоять! — Что же? Вотъ у меня нѣтъ васъ, а мы грады Германіи забираемъ? Они и боя не дожидаются — сдаются, а случится бой — тяжко побѣждены бываютъ. Спроси самъ — я многихъ плѣнниковъ къ вамъ отпустилъ.“

„Писалъ ты, что мы, изъявля гнѣвъ свой, тебя въ дальнопечные грады посылали, но вотъ, съ Божіею помощію, при нашей сѣдинѣ, и подалѣе твоихъ дальнопечныхъ градовъ мы проѣхали и верхомъ и пѣшкомъ изъ Литвы и въ Литву всѣ пути ваши перешли, и воды пили здѣшней. И какъ еще: тамъ, гдѣ ты хотѣлъ успокоиться, въ Вольмарѣ, и туда насъ Господь Богъ принесъ, и куда ты было ушелъ, пришли мы — изгнали тебя! Нечего дѣлать бѣги подалѣе! — Вотъ что мы тебѣ отъ немногаго малое хотѣли написать; разсуди о томъ, что ты дѣлалъ, и какова является къ намъ

милость Божія. Богъ видитъ, что мы не гордимся и не надмѣваемся, а пишемъ для того только, чтобы ты о спасеніи души своей подумалъ и покаялся. Писано въ отчинѣ нашей, лифлядской землѣ, городѣ Вольмарѣ, Лѣта 7086 (1577), государствованія нашего 43го, государствованія надъ Россіею 31го, надъ Казанью 25го, надъ Астраханью 24го.

Курбскій неотвѣчалъ. Что могъ онъ теперь сказать Іашу, торжествовавшему побѣды? Стефанъ молчалъ, не двигался, шведскій Король также, а Іоаннъ считалъ походъ свой въ самомъ дѣлѣ побѣдоноснымъ, съ торжествомъ готовился онъ ѣхать въ Москву. Въ Дерптѣ былъ отдыхъ. Здѣсь, велѣлъ Іоаннъ подтвердить договоръ съ Шведами и сказать шведскому Королю, что скоро явятся Русскіе передъ Ревелемъ и Ригою. Долго думалъ Іоаннъ о судьбѣ Магнуса, и къ удивленію всѣхъ, не казнилъ, не послалъ его въ заточеніе. Довольствуясь униженіемъ, раскаяніемъ Короля ливонскаго, онъ снова отправилъ его царствовать въ Оберъ-Паленѣ и другихъ городахъ Ливоніи. Во многихъ кирхахъ ливонскихъ сдѣланы были по волѣ Іоанна надписи, въ плохихъ нѣмецкихъ стихахъ, прославлявшія Царя и его могущество. Говорили, будто самъ Іоаннъ сочинялъ ихъ. Если письмо къ Курбскому доказывало, что Іоаннъ не

забывалъ прошедшаго, еще болѣе подтвердили это новыя казни, совершенныя послѣ его возвращенія въ Москву. Считая себя обеспеченнымъ отъ враговъ внѣшнихъ, онъ не видѣлъ уже надобности щадить остальныхъ измѣнниковъ. Князь Никита Одоевскій, шуринъ Владиміра, бояринъ Михаилъ Морозовъ, управлявшій подъ Казанью и въ первой ливонской войнѣ огнестрѣльнымъ снарядомъ; бояре Петръ Куракинъ и Иванъ Бутурлинъ, нѣсколько родственниковъ бывшей царицы Маріы и многіе другіе знатные и незнатные, погибли въ мукахъ. За Іоанномъ привезли въ Москву подъ стражею псковскаго игумена Корнилія, святаго мужа по добродѣтелямъ и Леонида, архіепископа новгородскаго, потакавшаго всѣмъ слабостямъ Іоанна, удостоеннаго его милостей и наградъ; обоихъ предали, безъ различія, казни. Наконецъ погибъ и знаменитый князь Михаилъ Воротынскій, завоеватель Казани, то изгнанникъ опальный, то побѣдитель, подарившій Іоанна послѣднею великою, славною побѣдою; впрочемъ его не казнили, только тяжко пытали, мучили, жгли на горящихъ угольяхъ.... Воротынскій умеръ отъ мученій дорогой, когда повезли его въ ссылку на Бѣло-озеро.

Между тѣмъ Царь видѣлъ передъ трономъ своимъ пословъ иноземныхъ, хотѣлъ чести, славы,

побѣдъ, датскій Король прислалъ къ нему посла своего Ульфельда, извѣщалъ о дружбѣ своей, не заступался за брата, называлъ Стефана врагомъ своимъ, и за все это просилъ оставить ему спокойное владѣніе Эзелемъ. Договоромъ, заключеннымъ въ Москвѣ (въ сентябрѣ 1578 г.), Данія обязалась не помогать Польшѣ, признавала Іоанна воспитателемъ всей Ливоніи и за то получила Эзель, свободу торговли, обѣщаніе дружбы.

Явились и польскіе послы. Царь слышалъ объ нихъ, бывши въ Ливоніи, но велѣлъ имъ ѣхать въ Москву и принялъ ихъ только въ январѣ 1578 года. Еще смиренно говорилъ Стефанъ, изъяснялъ свое удивленіе, что среди мира, Русскіе забрали города въ Ливоніи, принадлежавшіе Польшѣ. „Развѣ Ливонія ваша?“ — „Она моя!“ отвѣчалъ Царь, и за миръ потребовалъ Витебска, Курляндіи, Кіева. Долго говорили о мирѣ и заключили перемиріе на три года. За Россіею оставлялъ Стефанъ всѣ завоеванія, хотѣлъ только вѣрнаго слова, что войны не будетъ. Іоаннъ далъ слово, но употребилъ хитрость недостойную: въ русскій подлинникъ договора включили слова, которыхъ не было въ польскомъ переводѣ, именно, что Стефанъ обязывается не вступаться въ Ливонію. Послѣ сего Царь думалъ, что ему можно управляться въ Ливоніи по

своей волѣ. Послы его поѣхали въ Польшу принять подтвержденіе мира Королемъ, а войска Іоанна начали дѣйствовать противъ Шведовъ и Поляковъ въ одно время. „Беру свое!“ отвѣчалъ Царь на всѣ уѣщанія, и послалъ искать союзниковъ въ Крыму, гдѣ умеръ тогда Девлетъ Гирей (въ іюнѣ 1577 г.); писалъ и къ Императору, предлагая ему выгнать Стефана изъ его королевства, и раздѣлить Польшу и Литву между Имперіею и Россіею.

Раздѣлить беззащитное царство Стефана, думалъ онъ — но громъ побѣдъ стефановыхъ скоро загремѣлъ въ Ливоніи. Польша заключила договоръ съ Швеціею, обязавшись дѣйствовать заодно. Стефанъ еще не являлся самъ, но воеводы его отняли у Русскихъ Динабургъ и Венденъ; отбили русское войско, пришедшее осаждать сей городъ; Шенкенбергъ съ своею волынцею выжегъ предмѣстіе Дерпта, Шведы напали съ моря и сожгли предмѣстіе Нарвы. Наконецъ услышали, что Магнусъ оставилъ свое несчастное королевство и съ супругою своею уѣхалъ въ Курляндію, передался Стефану. Только крѣпость Ленворденъ отбилась отъ Поляковъ. „Немедленно отнять Оберъ-Паленъ и Венденъ!“ приказалъ Іоаннъ. Воеводы, князья Голицынъ, Тюфякинъ, Хворостининъ, Тюменскій взяли Оберъ-Паленъ, гдѣ захватили 200 Шведовъ,

осадили Венденъ и въ октябрѣ 1578 года были совершенно разбиты Поляками и Шведами. Кто бѣжалъ въ ужасѣ, кто отдавался въ плѣнъ; оставленные вождями, русскіе пушкари умертвили себя близъ своихъ пушекъ, но не сдались. Объ нихъ надобно вспомнить... Іоаннъ услышалъ и испугался.

Прежде вовсе не хотѣвши слушать граматы Стефана, увидѣвшаго подлогъ въ договорѣ и требовавшаго особыхъ условій о ливонскихъ городахъ, теперь онъ соглашался на условія, если Король подтвердитъ московскій договоръ и пришлетъ особыхъ пословъ. Но Стефанъ уже не хотѣлъ безполезныхъ пересылокъ. Изъ Крыма вѣсти были неблагопріятны. Новый Ханъ Магметъ сначала казался другомъ Россіи, и нападалъ на Волынь. Іоаннъ велѣлъ униженно просить его о дружбѣ, послалъ къ нему множество подарковъ мелкихъ. Но Ханъ требовалъ большихъ даровъ, требовалъ, чтобы Козаки очистили Днѣпръ и Донъ, чтобы ему отдали Астрахань. Напрасно говорили ханскимъ посламъ, что донскіе Козаки бѣглецы и разбойники, неподвластные Россіи, а днѣпровскіе суть подданные Польши; что Астрахань уже 25ть лѣтъ область русская. Щедрость Стефана перемогла всѣ доводы: униженіе, скупые дары и обѣщанія царскія.

Сношенія съ Императоромъ тоже оказались

безуспѣшны. Максимиліанъ, по крайней мѣрѣ, не отвергалъ мысли Іоанна о раздѣлѣ Польши. Новый Императоръ Рудольфъ, думая болѣе объ астрологіи и алхиміи, соглашался только быть безполезнымъ другомъ русскаго Царя; но совѣтовалъ на безчеловѣчное разореніе Ливоніи Русскими и хотѣлъ прислать въ Москву посла своего, мирить Польшу и Россію.

Еще не унывалъ Іоаннъ. Поспѣшно двинулись его многочисленныя войска въ началѣ 1579 года. Самъ онъ выѣхалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и остановился въ Новгородѣ! Наступила година великаго кровопролитія; „иду на дѣло отечества и свое!“ говорилъ онъ въ думѣ боярской! Но если Іоаннъ забылъ уже о набѣгѣ Девлета на Москву, если не считалъ еще наказаніемъ Божіимъ успѣховъ непріятельскихъ въ Ливоніи, то вѣсти, полученныя имъ въ Новгородѣ, смутили его душу, робкую при малѣйшей неудачѣ, ибо они казались ему ужаснымъ привидѣніемъ, измѣною подвластныхъ и гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи его!

Воротились Головинъ и Граматинъ, посланные для выслушанія присяги Стефана на договоръ 1578 г., и задержанные въ Польшѣ болѣе года. Король надѣялся убѣдить Іоанна на миръ, или хотѣлъ провести время, и между тѣмъ собрать силы. Теперь

готовъ былъ Стефанъ, усмиривший Данцигъ, соединивший всѣ мнѣнія подданныхъ своею смѣлостію, обнадеженный дружбою Швеціи, Даніи, Имперіи, Турціи, Крыма, и ненавистію всѣхъ къ Іоанну. Наступила минута, борьба отважнаго ума съ тяжелою вещественною силою. Головинъ и товарищи его донесли Іоанну, что ихъ долго не допускали къ Королю, что наконецъ Король принялъ ихъ средн великолѣпнаго двора, не хотѣлъ ни кланяться имъ, ни спрашивать о здоровьѣ Царя; что они не смѣли нарушить чести государя своего, сказали, что уѣдутъ не слушая рѣчей королевскихъ. „Пусть уѣдутъ," отвѣчалъ Стефанъ." — Что же сказать намъ Царю?" спрашивали они потомъ у польскихъ вельможъ. „Король самъ пришлетъ отвѣтъ," отвѣчали вельможи. Послы русскіе немедленно уѣхали, а въ слѣдъ за ними поскакалъ гонецъ съ граматою къ Царю. Можно было предвидѣть отвѣтъ Стефана. Послы царскіе сказывали, что всюду въ Польшѣ собираются войска, что всѣ горятъ нетерпѣніемъ сразиться съ Русскими, ободренные храбростію своего Короля и успѣхами въ Ливоніи. Іоаннъ совѣтовался съ боярами, говорилъ, что если гонецъ королевскій везетъ непристойную дерзскую грамату, ему невмѣстно явиться предъ царскимъ пресвѣтлымъ лицомъ. Нарочно-

посланные отобрали грамату у гонца въ Дорогобужѣ, и его самаго оставили въ неволѣ. Не именуя Іоанна царемъ, самъ называясь королемъ лифляндскимъ, Стефанъ исчислялъ всѣ давнія обиды предковъ Іоанновыхъ, укорялъ его въ вѣроломствѣ, въ желаніи кровопролитія, въ овладѣніи ливонскими городами во время міра доказывалъ ему несправедливость мнѣнія, будто Русскіе брали тамъ свои города; укорялъ за нападеніе на Литву, смѣялся надъ мнимымъ происхожденіемъ Іоанна отъ Августа Кесаря. Смѣло объявлялъ онъ, что „взявъ Бога сотворителя въ помощь, за неправды, притѣсненія, обиды посламъ, оскорбленія сану королевскому, идетъ не проливать кровь Русскихъ, но отнять свое и повидаться въ полѣ съ государемъ, столь гордымъ и недоступнымъ.“ Бояре совѣтовали ничего не отвѣчать дерзкому Королю, но Стефанъ и не дожидался отвѣта: грамата была отправлена іюня 26го 1579 г., 30 іюля Король былъ уже въ Свирѣ и думалъ куда ему обратиться съ войскомъ; іюля 12го выданъ былъ отъ него манифестъ о причинахъ войны съ Москвою; въ августѣ, онъ былъ уже подъ Полоцкомъ.

Въ долголѣтнее царствованіе свое Іоаннъ пережилъ двѣ эпохи европейскихъ государей. Онъ засталъ еще въ живыхъ Франциска, Карла I,

Солимана, Густава, сіи властители прошли, оставались Генрихъ III, Рудольфъ, Селимъ, Филиппъ, Іоаннъ шведскій, въ это бѣдное время, послѣ неславныхъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій королей польскихъ, Стефанъ Баторій являлся свѣтлою звѣздою на тронѣ Польскомъ и особливо среди своихъ современниковъ. Рожденный подданнымъ Венгріи, онъ былъ отлично образованъ, учился въ Италіи, говорилъ и превосходно писалъ по-латыни, любилъ науки и просвѣщеніе; умѣлъ угодить Султану и Императору, бывши Седмиградскимъ властителемъ съ 1570 года. До того времени онъ уже испытанъ былъ бѣдствіями, неудачами, и сидя въ тюрьмѣ у Максимиліана, когда пріѣхалъ въ Вѣну посломъ отъ Сигизмунда, хладнокровно читалъ записки Юлія Цезаря, и думалъ о будущей судьбѣ своей. Полагали, избирая его, что увидятъ въ немъ орудіе политики Султана и Императора; онъ казался удобнымъ орудіемъ и для замысловъ буйныхъ вельможъ Польши; но всѣ ошиблись. Въ зрѣломъ возрастѣ (42хъ лѣтъ) принявъ правленіе, согласясь на всѣ унизительныя условія, на всѣ ограниченія, Стефанъ въ три года примирилъ партіи, заставилъ протестантовъ любить, всѣхъ подданныхъ уважать себя, устроилъ войско, умножилъ доходы; казался богачемъ при

недостаткахъ, мощнымъ государемъ при малочисленномъ войскѣ. Первый онъ оцѣнилъ всю важность Козаковъ днѣпровскихъ и составилъ изъ нихъ сильную защиту отъ Крыма, важное пособіе въ войнѣ. Стефанъ умѣлъ избрать достойныхъ вельможъ: врагъ его Бекишъ самъ пріѣхалъ къ нему и былъ его другомъ; Радзивилъ, князь Острожскій, наконецъ великій Замойскій были его совѣтниками и воеводами. Строгій къ непослушнымъ, твердый въ политикѣ, Стефанъ думалъ объ учрежденіи академіи въ воинскомъ станѣ, берегъ себя въ битвахъ, не боялся трудовъ, опасностей военныхъ. Ему отказывали въ деньгахъ — онъ отдавалъ свои собственныя, не шли съ нимъ на войну — онъ призывалъ чужеземцевъ. Десятилѣтнее правленіе Стефана есть безспорное доказательство, что можетъ сдѣлать великій человѣкъ, не смотря на всѣ препятствія.

Съ такимъ-то человѣкомъ, съ войсками, одушевленными его примѣромъ, надобно было сражаться Іоанну, одряхлѣвшему въ жизни буйной, гордому и недовѣрчивому, робкому и высокомѣрному, неодаренному воинскими качествами, трепещущему и измѣнъ и гнѣва Божьяго. Противъ такого человѣка должно было ему посылать своихъ воеводъ, въ числѣ которыхъ не было уже ни Во-

ротынскихъ, ни Шереметевыхъ, Ивана и Никиты, ни Серебряныхъ, ни Адашева Даніила. Крымъ, Султанъ были непріязненны Россіи; Швеція уже сражалась за оскорбленіе Короля своего, и Ревель, Вейденъ, пожарище Нарвы доказывали, что Шведы могутъ биться мужественно. Стефанъ не имѣлъ и четвертой доли воиновъ противъ Іоанна: на его сторонѣ были умъ, и искуство.

Царь думалъ, что на кровавыхъ поляхъ Ливоніи откроются теперь битвы, не хотѣлъ самъ ѣхать и повидаться въ полѣ съ мужественнымъ соперникомъ. Надѣясь на крѣпкую стражу противъ Крыма и на Козаковъ противъ литовской границы, онъ послалъ князя Хилкова раззорять Курляндію; отрядилъ другихъ воевод гнать Шведовъ отъ Нарвы. Но Стефанъ открылъ войну отъ Чернигова до Нарвы. Онъ совѣтовалъ Шведамъ напасть на отдаленные берега двинскіе и раззорить торговыя мѣста Русскихъ, куда пріѣзжали къ нимъ Англичане. Шведы не слушали его, довольствовались только нападеніемъ на занятые Русскими въ Ливоніи города. Стефанъ не сердился и подкрѣплялъ ихъ; Радзивилъ опять у Русскихъ Кіземпе, отряды польскіе опустошили Псковскую, Смоленскую области. Толпа Козаковъ и князья Острожскій и Вишневецкій сожгли Ста-

родубъ, приступали къ Чернигову не могли овладѣть крѣпостью но выжгли городъ.

Самъ Баторій явился не въ Ливоніи. Онъ ударитъ на Полоцкъ, какъ мы уже говорили прежде. Съ нимъ были отборныя войска нѣмецкія, венгерскія, и вождями ихъ Замойскій, Бекишъ, Радзивилъ и самъ Стефанъ.

Смѣлость, быстрота натиска были необходимы Стефану, чтобы въ виду сильнаго войска іоаннова вырвать Полоцкъ, особенно укрѣпленный Русскими въ теченіе 16 лѣтъ. Двѣ крѣпости и острогъ составляли его; 6000 войска, и князья В. Телятевскій, Д. Щербатовъ, съ П. Волынскимъ и дьякомъ Ржевскимъ защищали Полоцкъ. Сильнымъ приступомъ Поляки овладѣли городомъ и острогомъ. Русскіе ушли въ крѣпость, утопили польскихъ плѣнниковъ, бывшихъ въ городѣ и упорно защищались. Осада продолжалась; начались дожди, въ войскѣ осаждающихъ былъ недостатокъ сѣна, припасовъ, начинались ропотъ и несогласія. Шишъ, князья Лыковъ, Полецкій, Кривоборскій сѣшили съ войскомъ помогать Полоцку. Стефанъ выставилъ часть своего войска для удержанія Шиша, который не посмѣлъ послѣ сего нападать, занялъ Соколъ и ждалъ приказовъ Царя. Стефанъ былъ въ одно время и королемъ и воиномъ, приказы-

валъ и дѣйствовалъ, видѣлъ опасность, понималъ важность неудачи перваго подвига. Онъ назначилъ отчаянный приступъ, Венгерцы его пошли смѣло и зажгли стѣну крѣпости, другіе подкрѣпили ихъ, самъ Король бросился въ битву — и принужденъ былъ отступить. Каленымн ядрами начали стрѣлять по крѣпости на слѣдующій день, пошли опять на приступъ — все было тщетно. Но три недѣли безпрерывнаго боя изнурили осажденныхъ; Вольнскій вступилъ въ договоры, вопреки мнѣнію своихъ товарищей; войско было согласно съ нимъ; даже архіепископъ не противорѣчилъ. Городъ сдали съ условіемъ, что осажденнымъ позволятъ свободный выходъ въ Россію: никто изъ Русскихъ не согласился вступить въ службу королевскую: такъ велика была ненависть къ Полякамъ, что лучше хотѣли подвергнуться всей строгости Царя, нежели принять ласковыя предложенія Короля польскаго. Телятевскій, Щербатовъ, Ржевскій несогласныя съ Вольнскимъ, не утверждали договора, заперлись въ церкви св. Софіи, силою были извлечены изъ нея и отведены въ станъ польскій. Стефанъ не щадилъ наградъ и милостей; объявилъ свободу вѣры, безопасность жителей. Никто изъ воиновъ его не смѣлъ грабить и убивать.

Вѣсть о взятіи Полоцка, потерѣ завоеванія, ко-

торыми такъ гордился Іоаннъ, была получена имъ вмѣстѣ съ письмами Курбскаго. Бѣглецъ находился въ станѣ Баторія, и столько же помнилъ объ укоризнѣ Царю, какъ самъ Царь помнилъ, что ненавистный измѣнникъ еще живъ. — „Изгнанному, убогому, мнѣ-ли выписывать весь титулъ твой, мнѣ-ли быть твоимъ духовникомъ, хоть ты не престаешь исповѣдываться мнѣ о грѣхахъ своихъ?“ — писалъ Курбскій — „я человѣкъ военный, но порадовался бы и я твоему исправленію, только не вижу его, и твое исправленіе, какъ изъ письма твоего видно, на обѣ ноги хромаетъ. И ты, Царь, не стыдишься писать такіе граматы въ нашу просвѣщенную землю? что въ твоей эпистоліи? То раскаеваешься ты, то ругаешься, то смиряешься, то гордишься. Нѣтъ! только на устахъ твое покаяніе, а не въ сердцѣ, отъ дьявола оно, а не отъ Бога. Называешь ты сынами бѣса святыхъ мужей, но забылъ, что клевета на христіанина есть хула на св. Духа, а сія хула въ вѣкъ не отпустится. И что гнуснѣе и скверніе, что ты на духовника своего, отчистившаго нѣкогда твою царскую душу отъ скверны грѣховной, клевещешь и изрыгаешь хулу, даже и послѣ смерти его. И могила его не угашаетъ злобы твоей! Или забылъ ты, Царь, повѣсть о Хамѣ, наругавшемся наготѣ

отчей? Если такъ о тѣлесныхъ отцахъ, что же духовные? Если бы и дѣйствительно, какъ говорили твои ласкатели, ложными видѣніями обольстилъ тебя нѣкогда Сильвестръ, и я скажу: правда, льстецъ онъ былъ, коваренъ, благокозненъ — исторгнулъ тебя изъ сѣтей діавола и привелъ къ Богу. Такъ творятъ врачи, рѣжущіе тѣло, пораженное гангреною, и изцѣляющіе недужныхъ; такъ исцѣлялъ тебя и блаженный Сильвестръ — прилагалъ тебѣ пластырь мучительныхъ словъ, какъ бритвою, рѣзалъ поученіемъ нравы твои и сбылось на немъ слово мудрое: обличай премудро и возлюбитъ тя. Окончаніе рѣчи ты самъ вѣдаешь, искусный въ священномъ Писаніи. И притомъ, какъ мнѣ браниться съ тобою, смогу-ли къ твоей царской высотѣ приразиться я, убогій! Удалюсь отъ брани, ибо не достоитъ воину, какъ рабу подлому, перебраниваться. А многое могъ-бы я напомнить тебѣ: и то, что было въ святые дни твоего исправленія: и то что было потомъ, глады, бѣдствія, болѣзни, насланные за грѣхи твои; и мечъ варварскій, мститель закона Божія, опустошеніе Россіи, сожженіе Литвы, града пресловутаго, опроверженіе твоей царской души, обращеніе плещъ твоихъ въ бѣгство, когда ты едва не погибъ гладомъ, хоронясь съ своими кромѣшниками. И отъ кого еще? Отъ

измаильскаго пса, который прежде бѣгая насъ, слугъ твоихъ, на поляхъ дикихъ мѣста не находилъ, которому ныне платишь ты дань, когда прежде платили мы ее саблями по бусурманскимъ головамъ."

Курбскій доказывалъ далѣе, что присяга, по неволѣ данная, ничтожна, и никто не обязанъ исполнять ее предъ Іоанномъ. „Я бѣжалъ отъ тебя; но кто небѣжитъ отъ лютаго гоненія, тотъ самъ себѣ убійца и Господь нашъ не бѣгалъ ли отъ смута и зависти жидовъ? Не говори, что я, оскорбленный человѣкомъ, возсталъ на Бога, то есть раззорялъ и грабилъ церкви православныя — разсмотри лучше и не клевещи: и Давидъ воевалъ по волѣ поганскихъ царей на Израиля, но я неполнялъ волю царей христіанскихъ. Исповѣдую грѣхъ мой: какъ по твоему слову нѣкогда сжегъ я Витебскъ съ 24мя церквами, такъ по слову короля Сигизмунда воевалъ Луцкую область." Оправдываясь въ войнѣ противъ родины своей, Курбскій обращается къ обвиненію Іоанна о разлученіи его съ Анастасіею. „Не отвѣчаю на сіе, ибо слишкомъ нелѣпо обвиненіе, и за святыхъ почившихъ смертію друзей моихъ правда вопіетъ громче всякой трубы. О себѣ скажу, что рожденный отъ племени св. князя Ѳеодора, я не привыкъ ѣсть са-

маго себя и пить кровь братій, какъ дѣлали это твои предки и дѣлаешь ты. Анастасія была мнѣ близкая родня; могъ ли я злоумышлять противъ нея?“ Упоминая мимоходомъ о Владимірѣ Андреевичѣ, Курбскій пространно насмѣхался надъ побѣдами, о которыхъ писалъ къ нему Іоаннъ „Еще и не двигался Король нашъ, дома пребывали дворяне наши и воины, а Латыши разрушали уже побѣды твои. Едва явились настоящіе наши воины, твои окаянные воеводишки, или лучше сказать каляки, повлечены были въ чимбурахъ, на посмѣяніе народное, на стыдъ русской землѣ.“ Называя баснями пьяныхъ бабъ слова Іоанна о Сицкихъ, Прозоровскихъ, Стрѣлецкой женѣ, кроновыхъ жертвахъ — „торжествуй,“ говорилъ Курбскій — „погубивши великихъ воеводъ своихъ, торжествуй съ калаками, изчезающими нетолько отъ появленія одного воина, но даже отъ вѣемаго вѣтрами листа. Не думай, чтобы я не хотѣлъ или не могъ давно отвѣчать на твой широковѣщательный листъ, но не могъ я послать къ тебѣ отвѣта, ибо затворилъ Русь, какъ твердыню адову: кто ѣдетъ отъ тебя, тотъ измѣнникъ, кто ѣдетъ къ тебѣ, ты казнишь. Прочти отвѣтъ мой, и умоляю тебя, не пиши болѣе ничего къ чужимъ слугамъ, умѣющимъ отвѣчать лучше тебя — заговоришь по

волѣ, услышишь отвѣтъ по неволѣ. Посылаю тебѣ двѣ главы изъ Цицерона, котораго также упрекали, какъ упрекаешь ты меня. Разсуди самъ: если поганскіе философы такъ благоразумно мыслили по естественному разуму, какой отвѣтъ Богу дадимъ мы, христіане, безумствуя при святой вѣрѣ нашей? Ты примѣръ суда и казни Божіей, ты униженный наказаніемъ, Фараонъ непокорностью, поправшій законъ и совѣсть. Въ какую бездну упалъ ты, прежде столь мудрый, нынѣ уже и памяти прежняго добра лишенный.“

Слѣдовало исчисленіе примѣровъ изъ Библіи и исторіи — Ахавъ, Илія, Моисей, Константинъ, Мексентій, новыя укоризны о ничтожности побѣдъ въ Ливляндіи. „И Полоцкъ, добытый грудью твоею, когда еще были при тебѣ великіе воеводы, нынѣ ты предалъ, и собравшись во всѣмъ своимъ воинствомъ, за лѣсъ забился, хоронила, бѣгунъ, трепещешь, когда никто за тобой не гонится: совѣсть твоя гонитъ тебя. Ругайся — тебѣ осталось одно: ругаться, какъ пьяная баба, ибо все другое ты уже погубилъ, все въ тебѣ изчезло, приличное царю. Вспомни прежнее и покайся.“ Курбскій совѣтовалъ Іоанну въ заключеніе читать сочиненіе Исаака Сирина и Іоанна Дамаскина. „Гордый своею премудростію, пишешь ты въ чужую

земло, чужимъ слугамъ, хочешь учить, и всѣ смѣются тебѣ, по слову Апостола: ты кто еси, судяй чужому рабу? усмирись, войди въ чувство — уже время, уже ты ближе тѣломъ къ гробу, а душею къ отвѣту предъ Богомъ, нежели къ щетѣ жизни. Аминь. Писано въ славномъ городѣ Полоцкѣ, землѣ свѣтлаго, паче же богатырскими дѣлами славнаго Короля Стефана, государя нашего, въ 3й день по взятіи града."

Горькое для Іоанна время избралъ Курбскій, отвѣчая ему. Въ Новгородѣ услышалъ Іоаннъ о новыхъ подвигахъ Стефана. Шеинъ дождался въ Соколѣ взятія Полоцка, все еще недоумѣвалъ и 19 сентября увидѣлъ себя окруженнаго Поляками. Крѣпость загоралась отъ каленыхъ ядеръ; Стефанъ повелъ войско на приступъ. Видя пожаръ кругомъ, Русскіе бросились изъ крѣпости, дрались отчаянно, были вогнаны снова въ горящій Соколъ, и затворили ворота. За ними ворвалась и часть Нѣмцевъ; убійство происходило среди огня, дыма, удушающаго жара, пока съ другихъ сторонъ ворвался непріятель, и побѣда рѣшилась въ пользу Стефана. Шеинъ, Лыковъ, Полецкій, Кривоборскій были убиты; бѣжали немногіе; остальныхъ забрали въ полонъ, израненныхъ, обгорѣвшихъ, изувѣченныхъ. Завоеваніе Полоцка и Сокола, до-

рого стоившее Стефану, за то произвело ожидаемое дѣйствіе — никто болѣе не противился ему: безъ битвы сдались ему города: Красный, Туровль, Нецерда, Козьянъ, Ситна; Поляки ходили повсюду, жгли селенія, забирали въ полонъ, Стефанъ спѣшилъ послѣ сего явиться на сеймъ, указать на дѣла свои, требовать помощи, говорить о новыхъ предпріятіяхъ.

И Царь спѣшилъ въ Москву, гдѣ не могъ уже похвалиться побѣдами. Онъ велѣлъ даже предварительно объявить народу объ успѣхахъ Польши и надеждѣ своей только на Бога. Дьякъ Щелкаловъ, въ черномъ одѣяніи, сказалъ объ этомъ народу съ лобнаго мѣста. Народъ безмолвствовалъ, жены лишившіяся мужей въ Полоцкѣ и другихъ мѣстахъ, вопили, плакали, ихъ грозили высѣчь розгами; онѣ умолкли; и Царь, слыша что никто не смѣетъ бунтовать, явился въ Москву. Здѣсь поспѣшно велѣлъ онъ собирать войско и посылать въ Псковъ и Новгородъ, лѣнивыхъ, ослушныхъ били кнутомъ. Созванъ былъ соборъ духовенства, Царь предложилъ собору „о належащемъ варварскомъ прещеніи отъ Турокъ, Крыма, Ногаевъ, литовскаго Короля, съ коими соединились Польша, Угры, Нѣмцы ливлядскіе и свѣйскіе, и образомъ дивіяго зрѣря распыхались, гордостію дмя-

щеся, хотятъ истребить православіе.“ Требовалось пособіе духовныхъ и положено было всѣ княжескія помѣстья, всѣ пріобрѣтенныя монастырями, куплею или закладами помѣстья повертать въ казну; впредь ни отъ кого помѣстьевъ духовенству не брать, а получать изъ казны ругу деньгами.

Но собирая войско и деньги, Царь не распоряжался, какъ отбивать непріятеля, не думалъ идти походомъ въ его землю; слышалъ, что зима не прерываетъ дѣйствій Стефана. Могъ порадоваться только тому, что Шведы безуспѣшно отступили отъ Нарвы, были преслѣдуемы Русскими, и что грозный Шванкепбергъ попался наконецъ въ руки воеводъ его. Царь приказалъ казнить плѣнника, не принимая за него никакого выкупа. Всего роробѣя, тотчасъ послѣ взятія Полоцка, онъ велѣлъ боярамъ писать въ Литву, что только они уговаривали Царя не идти великимъ походомъ и соглашаться на переговоры о мирѣ, приглашая къ тому вельможъ литовскихъ. Воевода полоцкій прогналъ гонца боярскаго; Царь велѣлъ ему снова ѣхать черезъ Смоленскъ, жалуясь на обиду. Вмѣсто отвѣта, Стефанъ прислалъ въ ноябрѣ грамату прямо къ Царю, требуя только свободы гонцу Лопатинскому, задержанному въ Дорогобужѣ, лѣтомъ 1579, и не говоря ни слова о мирѣ. Іоаннъ былъ

тогда въ Новгородѣ, принялъ посланнаго съ неслыханною почестью, обѣдалъ съ нимъ, вручилъ ему дружескій отвѣтъ къ Стефану, опасныя граматы для пословъ, просилъ остановить войну, размѣнять плѣнныхъ. Лопатинскому объявили, что Царь не смотря на привезенную имъ злую грамату, никогда не пекалъ его убогой крови; его отправили съ гонцомъ и съ новыми мирными предложеніями.

Стефанъ отвѣчалъ, что не время думать о размѣнѣ плѣнныхъ, когда идетъ война, и что Іоаннъ можетъ прислать своихъ пословъ, если угодно. Онъ снова укорялъ за ложныя прибавки въ уговорѣ. Царь оправдывался, не хотѣлъ отправить пословъ къ Стефану, ссылаясь на древній обычай говорить о мирѣ въ Москвѣ. Стефанъ ничего не хотѣлъ слушать, далъ сроку пять недѣль для присылки пословъ, и объявилъ, что послѣ сего немедленно пойдетъ съ войскомъ. Надобно было нарушить старый обычай; но цѣлый мѣсяцъ собирались послы и выѣхали только въ концѣ іюля 1580 года, когда срокъ данный Стефаномъ уже минулъ. Со страхомъ готовился Іоаннъ на войну. Разряды были росписаны еще въ маѣ мѣсяцѣ. Нельзя было не удивляться, видя многочисленность русскихъ войскъ и воеводъ, и изумительную не-

рѣшительность распоряженій. Русскимъ велѣно было только защищать ливонскіе города и родные предѣли, Стефана ждали въ одно время ко Пскову Смоленску, и Копенгузену. Главными воеводами русскими оставались царь Симеонъ Бекбулатовичь, называвшійся княземъ тверскимъ, и боярин князь Мстиславскій. „Смотрите по дѣлу, какъ васъ Богъ вразумитъ и какъ будетъ пригоже беречь и дѣлать государево и земское дѣло:“ въ этомъ состояли всѣ приказанія Іоанна. Онъ остался въ Александровской слободѣ своей, и ждалъ, что будетъ.

Король не могъ медлить, не могъ и согласиться на прекращеніе войны. Съ одной стороны, онъ, зная хитрость Іоанна, могъ предполагать, что Іоаннъ образумится наконецъ отъ страха и сила побѣдитъ храбрость. Надобно было оглушить, изумить быстротою и непреклонностью врага непримиримаго. Съ другой стороны Стефанъ боялся своихъ: мятежные сеймы волновались, спорили противъ него, враги клеветали на Короля, на его друга Замойскаго. Медленіе могло ослабить послѣдній остатокъ усердія немногихъ. Только наемными войками могъ Стефанъ снова дополнить войско, только пожертвованіями своихъ доходовъ платить ихъ и только подвигами уничтожить своихъ

непріятелей внутреннихъ. Такъ и дѣйствовалъ онъ.

Едва пять недѣль срока, даннаго на присылку русскихъ пословъ, минули, Стефанъ сталъ въ полѣ. „Срокъ минулъ“ отвѣчалъ онъ на грамату Царя, увѣдомлявшаго, что попреки древнему обычаю, послы ѣдутъ къ нему, и вопіявшаго о вѣроломствѣ. Непроходимыми путями обошелъ Король всѣ заставы русскія, съ 50000 войска ударилъ на россійскія области и осадилъ Великія Луки. Усвятъ сдался ему 15 августа. Въ станъ королевскій явилось великое посольство московское: князь Сицкій, дьяки Пивовъ и Петелинъ съ 500 провожатыхъ. Страшная пальба разрушала стѣны города, когда Стефанъ слушалъ пословъ. Съ важностію говорили, они, что великій Царь согласился для дружбы съ братомъ своимъ Стефаномъ прислать къ нему ихъ, великихъ пословъ, и за миръ уступали царскимъ именемъ Полоцкъ и Курляндію. Король смѣялся, потребовалъ въ придачу Великихъ Лукъ, Пскова, Смоленска, Новгорода. Послы ужаснулись, просили позволенія писать къ Царю и дождаться его отвѣта, Король позволилъ, и въ глазахъ ихъ, Великіе Луки были взяты приступомъ послѣ взрыва городской стѣны, 5 сентября. Князь Хилковъ шелъ отъ Торопца; его разбили. Не смо-

тря на глубокою осень, недостатки, болѣзни, свирѣпствовавшія въ войскѣ, Стефанъ осадилъ Заволочье и принудилъ его сдаться; прежде того сдались Невелы, Озерище. Король спѣшилъ въ Варшаву, собирать деньги и войско. Послы Іоанна поѣхали за нимъ, уговаривая его мириться. Стефанъ не уступалъ, и уже не боялся неудачъ: отрядъ посланный имъ подъ Смоленскъ, былъ разбитъ. Мстиславскій осмѣлился вступить въ Литву, грабилъ и жегъ около Дубровины, Орши, Могилева, Радомля, и успѣлъ безопасно. Но въ Ливоніи Поляки торжествовали: Магнусъ ходилъ съ ихъ войсками, взялъ Пильденъ; Шведы осадою и приступомъ захватили Падисъ, Везенбергъ сдался имъ. Открылись дѣйствія и въ Финляндіи. Шведы завоевали тамъ Кекегольмъ. Поляки врывались въ дерптскую, въ псковскую области, и зимою изъ Великихъ Лукъ взяли Холмъ, сожгли старую Русу. Далеко оставалась назади спорная Ливонія. Стефанъ двинулся къ сердцу Россіи.

Плачевный примѣръ упадка духомъ являлъ въ это время Іоаннъ. Въ 1579 г. онъ казнилъ злодѣя Бомелія, бывшаго у него медикомъ и палачемъ. Говорили, что у Бомелія открыта была переписка съ Польшею, открылись и сообщники его, между ними оказался Давидъ Вѣльскій, родня

любимца іоаннова Богдана Бѣльскаго. Не дожидаясь казни, Давидъ бѣжалъ въ Польшу. Царь уже не преслѣдовалъ никого. Униженно писалъ къ свидѣтелямъ торжества стефанова, посламъ своимъ приказывалъ уступать городъ за городомъ, и только просить мира. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1580 г. Стефанъ выслалъ ихъ изъ Варшавы. Царь не оскорбился, и въ мартѣ послалъ новыхъ пословъ, Евстафія Пушкина, Федора Писемскаго. Имъ велѣно было вымолить у Короля только четыре города въ Ливоніи и уступить Полоцкъ. „Станутъ васъ бранить, безчествовать, лаять, даже бить — отвѣчайте слегка, не браните сь и терпите побои,“ сказано было въ наставленіи посламъ. „Вы опять пришли съ бездѣльемъ: торговать о Ливоніи, а не заключать миръ!“ воскликнулъ Король. Онъ объявилъ послѣднія требованія: очистить Ливонію, отдать Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ, сѣверную область и заплатить 700 тысячь золотыхъ венгерскихъ. Посланъ былъ гонецъ немедленно выслушать отвѣтъ (въ Усокѣ 1580 г.) Царь отвѣчалъ укоризною и новыми условіями. Стефанъ былъ уже тогда въ лагерѣ своемъ близъ Полоцка, казался разсерженнымъ прогналъ Пушкина и Писемскаго, отправилъ грамату къ Царю и хотѣлъ битвъ, а не переговоровъ. Слышно было, что въ Новго-

родѣ является много недовольныхъ Царемъ, что жители охотно сдадутъ сей городъ, но опасно было оставить за собою сильный Псковъ и ливонскіе города. Къ Пскову сосредоточились теперь всѣ дѣйствія Баторія. На походѣ взялъ онъ Опачку, Островъ, Красный, разбилъ отрядъ Русскихъ на берегахъ Черехи, и въ половинѣ августа явился подъ Псковомъ.

Царь успѣлъ между тѣмъ получить и прочитать отвѣтъ Стефана на свою укоризну. Грамата Стефана писана была по-латыни, но приложенъ былъ переводъ, на языкѣ, который называли русскимъ. Двѣсти листовъ содержала эта грамата и Стефанъ обнажилъ въ ней всю душу Царя. „Богъ земли русской,“ писалъ онъ — „иди, покажи себя, назначь время и мѣсто — сразимся! Что медлишь и хитришь!“ Стефанъ высказывалъ всѣ причины войны, всѣ умыслы, жестокость Іоанна, ложное смиреніе его. Оскорбительно упрекалъ онъ его въ тиранствѣ, исчислялъ жертвы его, и увѣрялъ, что изъ жалости хочетъ протереть очи слѣпца, ибо познаніе самого себя есть первое благо для человѣка. „До тебя лежачаго въ болотѣ спрасности небреженья твоего склоняемся, подаемъ тебѣ руку, желая тебя вытащить изъ болота, отереть грязь съ очей твоихъ, да прозритъ и узритъ око гнус-

ность и спасность свою. Если слова наши покажутся горьки, пѣняй на себя: ты самъ оскорбилъ насъ горькими и поспѣшными словами. Называясь носителемъ креста Господня, ты слуга діавола, и не самъ крестъ носишь, но на подданныхъ своихъ тяжкій крестъ возлагаешь.“ Смѣясь надъ родословіемъ отъ Августа кесаря, Король напоминалъ Царю рабство предковъ его Монголамъ. „Посылаю книги, которыя изданы о тебѣ въ Европѣ: посмотри и полюбуйся, что говорятъ о тебѣ добрые люди.“

Гонецъ Стефана вручилъ Іоанну грамату и книги. Царь всталъ съ трона и поклонился ему, сказалъ, что будетъ отвѣчать на грамату и на книги, когда прочитаетъ ихъ, а теперь только кланяется брату своему Стефану. Слыша, что Король уже подъ Псковомъ, Царь вдругъ объявилъ походъ, оставилъ Москву, съ сыновьями и дворомъ своимъ, но не поѣхалъ ни на битву, ни въ Новгородъ, поворотилъ въ Старицу и здѣсь ждалъ вѣстей о Псковѣ, вѣстей о мирѣ, ибо новый миротворецъ былъ уже близъ Стефана — посланникъ папскій.

Когда Ситцкій и Яковъ отправились къ Стефану, Іоаннъ рѣшился употребить въ дѣло посредничество Цезаря. Прежде того (въ мартѣ 1580)

гонецъ повезъ его грамату къ Рудольфу, гдѣ Царь предлагалъ ему союзъ Султана. Въ августѣ отправленъ былъ Истома Шевригинъ: отдать грамату Цезарю, просить его заступленія отъ друга султанскаго Баторія, проливающаго безвинно кровь христіанъ. Шевригину велѣно было проѣхать въ Римъ и просить заступленія у Папы. Въ граматѣ льстили Папу союзомъ противъ Турокъ. Императоръ отказался отъ всякаго посредничества, но Папа Григорій XIII взялся за это съ радостію, Уже давно не было никакихъ сношеній съ Россіею; Папа заискивалъ дружбы и переговоровъ съ Іоанномъ въ 1576 г., когда въ Вѣнѣ былъ князь Сугорскій. Обширные замыслы возродились теперь отъ посольства іоаннова: думалъ уже о соединеніи церквей, о походѣ на Турокъ. Въ февралѣ 1581 г. Шевригина великолѣпно встрѣтили въ Римѣ, отпускали ему по 42 блюда къ обѣду и къ ужину дарили его золотомъ и бархатомъ. Въ Старицѣ нашелъ сей посланникъ Царя по возвращеніи въ отчизну (въ іюлѣ 1581 г.), и къ Стефану прежде того прибылъ іезуитъ Антоній Поссевинъ, уговаривая его мириться. Антоній заговорилъ о соединеніи церквей, о Туркахъ. Король усмѣхнулся. „Царь будетъ готовъ на все,“ сказалъ онъ „но только помири его со мною опъ все забудетъ. Впро-

чемъ, я не прочь отъ мира честнаго.“ Поссевинъ отправился къ Царю и 18 августа нашелъ его въ Старицѣ. Послѣ пріема великолѣпнаго Антоній приступилъ къ дѣлу. Царь въ самомъ дѣлѣ обѣщалъ все, удерживалъ въ Ливоніи только Дерптъ, Нарву, уступалъ Полоцкъ, Луки, Холмъ, Велиорь, Невель, обѣщалъ говорить о вѣрѣ; одно отвергъ онъ — замѣчательное обстоятельство, позволеніе строить католическіе костелы въ Россіи. Антоній отправился къ Стефану, сентября 14 дня, чрезвычайно довольный.

Онъ засталъ Короля въ его псковскомъ лагерѣ, въ ожесточенной битвѣ съ обѣихъ сторонъ. Если робѣлъ Царь, то и прежде въ Полоцкѣ, Соколѣ, Лукахъ, Русскіе — доказывали, что стыда боятся паче смерти. Тѣмъ болѣе явилось это теперь во Псковѣ, крѣпкомъ, обширномъ, защищенномъ 30000 людей, ставшихъ подъ оружіе. Іоаннъ умѣлъ выбрать воеводу достойнаго: это былъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій. Царь призывалъ его въ Москву, заставилъ поклясться въ вѣрности, въ томъ, что онъ умретъ, а не сдастся? Шуйскій сдержалъ слово. Стефанъ предвидѣлъ трудность дѣла, но зналъ, что паденіе Пскова довершитъ страхъ Іоанна, хотѣлъ славы, отказался забирать города ливонскіе, гдѣ были не-

больше отряды, былъ увѣренъ въ прочности мира, тогда только, когда побѣда будетъ ему благопріятна, и въ первый разъ побѣда измѣнила мужественному Стефану....

Безъ сомнѣнія защита Пскова принадлежитъ къ славнѣйшимъ дѣламъ Русскихъ въ царствованіи Іоанна. Даже и не довѣряя описаніямъ, какія оставили намъ современники, можемъ оцѣнить всю честь славнаго подвига. Стефанъ съ войскомъ сильнымъ, одушевленнымъ его присутствіемъ и примѣромъ, долженъ былъ уступить упорству людей (забытыхъ Царемъ), надѣявшихся только на Бога и мечъ свой. Съ половины августа началась осада, длилась три недѣли безплодно, сентября 8го непріятель разбилъ часть городской стѣны, пошелъ на приступъ — все было тщетно! Шуйскій сталъ въ проломъ, вынесли иконы, мощи, бились цѣлый день, осажденные потеряли убитыми и ранеными до 2500 человѣкъ; непріятель вдвое болѣе и отступилъ. Изъ храмовъ Божьихъ Шуйскій и воины его спѣшили на стѣны отбивать дружины Баторія, со стѣны шли въ храмы благодарить Бога; терпѣли недостатокъ, не считали потерь, ходили на вылазки, жены, дѣти являлись на стѣнахъ, съ мужьями и отцами. Съ омерзѣніемъ отвергаемы были предложенія о сдачѣ.

Защита столь упорная поставила наконецъ Стефана въ затруднительное положеніе. Наступала осень, приближались зима, недостатокъ въ припасахъ былъ ужасный. Оставить Псковъ — значитъ уничтожить плоды трехлѣтнихъ трудовъ, нуждъ, опасностей, битвъ. Стефанъ видѣлъ всю опасность своего положенія: въ Варшавѣ, въ Литвѣ раздавались клики негодованія, въ самомъ станѣ польскомъ едва могли удерживать волненія разнородныхъ воиновъ, которые требовали денегъ, хлѣба, ругали Замойскаго, укоряли самого Короля, крича, что онъ привелъ ихъ морить голодомъ и холодомъ. Стефанъ видѣлъ необходимость ѣхать въ Польшу, и въ тоже время былъ оскорбленъ поступками Швеціи.

Вмѣсто того чтобы воевать Архангельскъ, угрожать Царю въ его собственныхъ областяхъ, Шведы забирали ливонскіе города подъ саблею Стефана. Делагардій, зять Короля шведскаго, съ сильнымъ войскомъ, взялъ 9 августа Гапсаль, и потомъ въ три мѣсяца, послѣ жестокой битвы, занялъ Нарву, Ивангородъ, Виттенштейнъ, вошелъ въ русскія области, захватилъ Ямy, Копорье. Стефанъ жаловался, что Шведы берутъ города, принадлежащія Полякамъ. Делагардій отвѣчалъ, что исполняетъ приказъ Короля своего.

Съ другой стороны Стефана и зумляла упрямая настойчивость русскаго Царя. Оставляя Псковъ, какъ будто на рѣшеніе задачи, Іоаннъ жилъ въ Старицѣ; войско его стерегло Новгородъ, Москву, Смоленскъ, и какое войско: двѣсти, если не болѣе, тысячъ, готовыхъ грянуть на дерзкихъ смѣльчаковъ, погибавшихъ подъ псковскими пушками, отъ холода и голода, въ окопахъ и земляпкахъ, вырытыхъ ими около стѣнъ Пскова. Прекратились всѣ сношенія о мирѣ, хотя Антоній увѣдомлялъ Іоанна, что побѣдительный Стефанъ готовъ на миръ. Отмщая неуспѣхъ подъ Псковомъ, Поляки занимали, жгли псковскіе пригороды, взяли кромѣ того нѣсколько городовъ, Магнусъ захватывалъ города въ Молдавіи. Царь молчалъ. Отважный поискъ Радзивила и Хмиры, посланныхъ отъ Могилева и Шилова былъ всего удачнѣе. Сіи вожди ворвались въ торопецкую область, разбили отряды князей Поздреватаго и Барятинскаго, дошли до береговъ Волги. Іоаннъ услышалъ о нечаянномъ набѣгѣ, поспѣшно отправилъ пословъ говорить о мирѣ, а самъ спѣшилъ обезопасить себя отъѣздомъ изъ Старицы въ Москву; октября 26 онъ былъ уже въ слободѣ своей. Слухъ о нападеніи непріятельскомъ и побѣгѣ Царя, такъ устрашилъ всѣ охранныя русскія войска, что князь Голицынъ, стояв-

шій въ Новгородѣ съ 40000, хотѣлъ зажечь посадъ новгородскій и запереться на осаду въ Кремлѣ. Радзивилъ опять сжегъ Русу, оттуда бѣжали воеводы Салтыковъ и Замыцкій и счастливо соединились съ Замойскимъ подъ Псковомъ. Но только въ декабрѣ 1581 г. начались переговоры о мирѣ, между Опачькими и Порховымъ, куда пріѣхали 13 числа Поссевинъ, послы Стефана: Сборожскій, Радзивилъ, Горобурда, послы Іоанна: князь Елецкій и Алферьевъ.

Въ это время осада Пскова превращена была уже въ тяжелое обложеніе, и самого Стефана не было подъ Псковомъ. Послѣднія усилія осаждающихъ произведены были въ концѣ октября, ихъ отбили на жестокомъ приступѣ. Ноября 2 былъ послѣдній, убійственный приступъ; безуспѣшно осаждали Поляки въ тоже время крѣпкій Печерскій монастырь. Но, удаляясь, Стефанъ оставилъ подъ Псковомъ Замойскаго; увѣдомленный, что Іоаннъ не велѣлъ мириться, если осада Пскова будетъ снята, онъ велѣлъ ему умереть, но не отступать, обѣщая вскорѣ доставить помощь, людьми, деньгами и припасами.

Положеніе Замойскаго было весьма опасно. Войско его губили страшные недостатки и холодъ, отъѣздъ Короля ободрилъ его враговъ. Твердостію

обуздывая подчиненныхъ, Замойскій долженъ былъ отбивать вылазки, паѣзды Псковичей, доставать припасы за 100, за 150 верстъ, усмирять отважность молодыхъ воиновъ, попадавшихъ на всякую хитрость непріятеля. Медленность переговоровъ приводила его въ отчаяніе. Русскіе послы имѣли непремѣнное приказаніе заключить миръ, но торговались, спорили, терпѣли брань, вывели даже изъ трепѣнія самого миротворца Антонія, который съ досады едва не прибилъ ихъ. Но Псковъ былъ однакожъ доведенъ до крайности; Іоаннъ еще разъ приказалъ помириться, Замойскій не отступалъ отъ Пскова, Антоній хотѣлъ бросить все и ѣхать, голодуя въ странѣ выжженной, опустошенной непріятелемъ и — января 6го 1582 года заключено было перемиріе на 10ть лѣтъ.

Стефанъ превозмогъ всѣ препятствія. Три похода, труды и подвиги его, кончили 24хъ лѣтнюю войну, разрушили всѣ замыслы и предпріятія Іоанна, Россія уступила Ливонію, отдала Полоцкъ и Воложъ. За то Стефанъ отказался отъ требованія денегъ, отъ всѣхъ другихъ завоеваній своихъ, позволилъ Іоанну управляться съ Шведами, какъ ему угодно, о Магнусѣ не было не сказано ни слова.

Заключеніе мира произвело радость въ Польшѣ и Россіи. Не говоримъ уже о Ливоніи, увидѣв-

шей конецъ своихъ незапамятуемыхъ бѣдствій, о пограничныхъ странахъ ливонскихъ и русскихъ, надъ которыми столько лѣтъ безпрерывно висѣлъ мечъ непріятельскій, о Псковѣ, отстоявшемъ честь Россіи. Стефанъ увидѣлъ силу меча своего, упрочилъ власть свою, отмстилъ враждебному непріятелю за его гордость и презрѣніе, возвратилъ, пріобрѣлъ вновь обширныя области Польшѣ. Онъ помышлялъ о предпріятіяхъ обширныхъ, отлагалъ оружіе, чтобы собраться съ силами крѣпче утвердить власть свою, усилить могущество Польши и снова приняться за мечъ. Войска его отъ Пскова выступили съ радостію въ ливонскія области и начали принимать города отъ Русскихъ, которые печально оставляли Ливонію, ибо многіе уже родились и выросли тамъ, покидали прахъ отцевъ на тамошнихъ кладбищахъ и предавали православныя церкви во власть латинщиковъ и лютеровъ. Но состояніе Царя въ это время было ужасно.

Онъ сознавалъ наконецъ справедливость словъ Адашева, отвергавшаго войну ливонскую, видѣлъ гордость и честь свою поруганными отъ человѣка нѣкогда имъ презираемаго, видѣлъ ненадежность союзовъ и силъ своихъ, отказывался отъ предпріятія, 25ть лѣтъ составлявшаго душу его политики, предметъ его желаній, даже Король швед-

скій торжествовалъ надъ нимъ и новый миръ не упрочивалъ ему спокойствія, ни отъ Польши, ни отъ Крыма. А чего не узналъ Іоаннъ въ послѣднее время, чего не испыталъ, не перенесъ онъ, начиная съ униженія врагомъ, измѣны подвластныхъ, убѣжденія въ безполезности казней и опалъ до укоризнъ и истинъ самыхъ прискорбныхъ и язвительныхъ, до увѣренія, что всѣ христіанскія монархіи знаютъ дѣла его и ужасаются ихъ! Впрочемъ тѣнь прежняго Іоанна, быстро приближаемая къ гробу неумѣренностію сильныхъ, бѣшеныхъ страстей, страхомъ смерти, страхомъ Божія, наказанія за гробомъ, представляла какое-то странное смѣшеніе человѣка ничего нежелающаго, все ненавидящаго и опять всего желающаго, жаднаго къ малѣйшему наслажденію, изъ тѣхъ, какія оставались еще ему въ здѣшнемъ мірѣ.

Упомянемъ объ одномъ — страшныхъ сватьбахъ Іоанна. Четвертая супруга его, Анна Колтовская, вскорѣ надоѣла ему: онъ отослалъ ее въ отдаленный монастырь, гдѣ постригли ее, и гдѣ жила она болѣе 50 лѣтъ въ иночествѣ (съ 1574 по 1826 годъ). Царь не спрашивалъ уже благословенія духовенства и женился на пятой женѣ, Аннѣ Васильчиковой. Когда удалилъ онъ отъ себя эту пятую жену — не знаемъ, но гробъ ея находится

въ обители съ именемъ царицы Суздальской; вѣроятно она тамъ была пострижена. Царь взялъ шестую, какую-то вдову Василису Мелентьеву, называл ее женщиною, не вѣнчался съ нею, только велѣлъ прочитать благословенную молитву. Но въ 1580 г., когда Стефанъ громилъ Полоцкъ, Іоаннъ въ слободѣ своей праздновалъ седьмую свадьбу, со всѣми обрядами, со всѣмъ царскимъ величіемъ. Невѣстою его была дѣвица Марія, дочь Федора Нагаго. Незадолго передъ тѣмъ Іоаннъ женилъ сына своего на дочери Федора Годунова, родственника Шуйскихъ и Бѣльскихъ, ибо сынъ Годунова Борисъ Федоровичъ, былъ женатъ на сестрѣ злодѣя Малюты Скуратова-Бѣльскаго, и дочь Малюты была за Дмитріемъ Шуйскимъ, братомъ Василія Ивановича. Бѣльскіе — Малюта былъ до смерти своей другомъ Іоанна, Богданъ до смерти Царя заступалъ при немъ мѣсто Малюты. Близкій къ Царю, Малюта успѣлъ возвысить и юнаго зятя своего Бориса Годунова. Восемнадцати лѣтъ, замѣтный благообразіемъ, ростомъ, силою, Борисъ былъ при Царѣ рындою; на свадьбѣ Царя въ 1571 г., еще незнатный чиномъ, онъ считался дружкою царицы, а жена его была свахою. Усердный опричникъ Борисъ всегда оставался при особѣ Царя, умѣлъ льстить, угождать ему, переходить

степени быстро и послѣ смерти Малюты (1573 г.) такъ привлекъ къ себѣ любовь Іоанна, что онъ выбралъ сестру его, Ирину Осодоровну, въ супруги сыну своему Осодору. Борисъ былъ объявленъ боярином, и это казалось весьма важно, ибо число бояръ было тогда весьма ограничено. Онъ умѣлъ удивительно ладить со всѣми, давалъ просторъ честолюбію каждаго, не показывалъ въ себѣ ни полководца, ни мужа государственнаго — былъ только царедворцемъ, усердным къ Царю, покорным высшему его, ласковым ко всякому.

Тяжелъ былъ Іоанну 1581й годъ. Угрюмый, неприступный, гнѣвный прискакалъ онъ изъ Старицы въ свою слободу, томился душею, ожидая слѣдствій осады Пскова и переговоровъ о мирѣ, и въ это время бѣдственное событіе разстерзало душу Царя. Доселѣ видѣлъ онъ въ двухъ сыновьяхъ своихъ покорность и послушаніе. Они были участниками его веселья, его дѣлъ, даже ужасовъ казни, сопутствовали ему въ походѣ, хотя отличались различіемъ правовъ. Младшій Ѳеодоръ, былъ свирѣпъ, женолюбивъ, вспыльчивъ. Уже онъ развелся съ двумя женами, и отославъ ихъ въ монастыри, жилъ съ третьею супругою, еще не имѣя и 30ти лѣтъ отъ роду. Отецъ не допускалъ его — (неужели изъ опасенія?) — къ управле-

нію дѣлами государственными, но царевичъ отличался умомъ, любилъ читать, списывать духовныя книги; даже самъ сочинялъ каноны святымъ, въ печальномъ уединеніи своемъ, осенью и зимою 1581 г. Царь видѣлъ во всемъ предметы ужаса, примѣры грядущихъ бѣдствій. Ноября 15го онъ вошелъ нечаянно послѣ обѣда въ комнаты царевича и встрѣтилъ его супругу: она была беременна и отдыхала полураздѣтая, Царь разгнѣвался, назвалъ это неуваженіемъ къ нему, и не слушая оправданій, ударилъ ее; царевичъ прибѣжалъ на шумъ и вопль, заступился за супругу, укорялъ отца. „Ты отнялъ уже у меня двухъ жонъ, а третью хочешь убить,“ — кричалъ онъ отцу своему. Царь ударилъ его по головѣ палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, которою всегда подпирался, попалъ прямо въ високъ и несчастный царевичъ упалъ, заливаясь кровію. Болѣе его несчастный отецъ, завопилъ, зарыдалъ, колена его подогнулись, съ воплемъ и рыданіемъ обнималъ онъ сына.... поздно: ноября 19 послѣ четырехдневной болѣзни, послѣ четырехдневной пытки душѣ отцовской, сынъ Царя скончался, прощая своего родителя, проспъ ему благословенія Божія и мира душевнаго. Три дня неподвижно сидѣлъ Іоаннъ подлѣ гроба сыновняго. Глубокою печалью облекся

дворъ его. Отъ слободы до Москвы Царь шелъ пѣшкомъ за гробомъ царевича. Когда надобно было предавать общей матери гробъ юнаго Іоанна, Царь не хотѣлъ разстаться съ гробомъ сыновнимъ, бился, рвалъ на себѣ одежду. Онъ воротился во дворецъ, созвалъ бояръ, объявилъ имъ, что отказывается отъ царства, идетъ въ обитель оплакивать грѣхи свои. Со слезами упали передъ нимъ всѣ, молили не оставлять ихъ на бѣдствія, на расхищеніе врагамъ. Іоаннъ снова взялся за скипетръ, но тѣнь сына не оставляла его до самой смерти, мечталась ему въ сновидѣніяхъ, въ ужасѣ вскакивалъ по ночамъ Іоаннъ и страшился заснуть, вопилъ, рыдалъ.

Но дѣла требовали его вниманія. Въ февралѣ 1582 года пріѣхалъ въ Москву миротворецъ Посевинъ, увѣрялъ Царя въ миролюбіи Стефана, и просилъ начать переговоры, какъ было обѣщано, о союзѣ противъ Турокъ и соединеніи церквей. Іоаннъ ласкалъ, чествлъ Посевина, отговаривался отъ союза противъ Турокъ тѣмъ, что война съ Польшею истощила Россію. Долго отговаривался онъ отъ разсужденій и пренній о вѣрѣ, но Посевинъ настоялъ, увѣренный, что убѣдитъ Царя въ истинѣ католицизма. Три дня продолжались бесѣды Царя и вельможъ его съ іезуитомъ, и были такъ

жарки, что Царь наконецъ разсердился и назвалъ Папу волкомъ. Поссевинъ увидѣлъ послѣ того невозможность убѣжденія и рѣшился лучше разстаться дружески. Царь одарилъ его, осыпалъ благодарностію и отправилъ къ Папѣ дружескія грамоты съ особенными гонцами, усердно благодаря его за услуги Поссевина. Казалось, что война съ Швеціею была рѣшена событіями 15 года и миромъ, послѣ того послѣдовавшимъ. Упорно не хотѣлъ включить Швецію въ мирный договоръ съ Стефаномъ Іоаннъ, казалось, желалъ перевѣдаться съ нею на полѣ битвы. Тѣмъ удобнѣе было такое предпріятіе, что Швеція, оскорбивъ поступками своими Стефана, только просьбамъ супруги Стефана и своевольству польскихъ вельможъ, одолжена была, что Король польскій еще не объявлялъ ей войны.

Зимою 1582 г. Князь Мстиславскій пошелъ съ войскомъ къ Ямѣ и Копорью, разбилъ отрядъ Шведовъ. Де-ла-Гарди отправился въ Орѣшку, безуспѣшно нападалъ на сей городъ и слыша о приближеніи русскаго отряда, удалился. Но повелѣніе Царя вдругъ остановило всѣ военныя дѣйствія. Іоаннъ самъ предложилъ миръ, къ изумленію Шведовъ, приписавшихъ такую перемѣну робости. Въ самомъ дѣлѣ, кто не зналъ состоянія

души Іоанна въ это время, могъ удивиться его уступчивости при договорѣ: Шведы удержали за собою, не только все захваченное въ Ливоніи, но еще Ивангородъ, Яму, Копорье. Перемиріе было заключено въ маѣ 1583го на три года.

Понятнѣе были краткія отношенія русскаго Царя къ Польшѣ. Сдача городовъ ливонскихъ и продолженіе войны съ Швеціею произвели нѣсколько несогласій и ссоръ въ Ливоніи. Поляки грабили въ сѣверной области и даже сожгли посадъ Брянска. Съ обѣихъ сторонъ извинялись; велѣно было прекратить безпорядки. Въ іюнѣ 1582 г. пріѣхали въ Москву послы Стефана, Іоаннъ Сборажскій, Николай Талватъ и Михаилъ Горабурда. Они возобновили споръ о титулахъ, говоря, что Іоаннъ, не владѣя Кіевомъ, не можетъ называться царемъ всея Россіи: это значило оскорбительно указывать на вѣчный предметъ зависти между Россіею и Польшею. Не менѣе споровъ было въ двухъ статьяхъ, наскоро рѣшенныхъ при перемиріи: размѣнѣ плѣнныхъ и опредѣленіи границъ. Поляки требовали выкупа за многихъ, оспоривали себѣ разные города и селенія, по своему считали межи и грани. Однакожъ перемиріе было подтверждено. Князь Елецкій и ловчій Иванъ Пушкинъ ѣздили въ Варшаву и приняли присягу Стефана (въ ок-

тябрѣ). Но русскіе чиновники, выѣхавшіе на границу для размѣна плѣнныхъ, были оскорблены Поляками. Царь безспорно велѣлъ заплатить за многихъ выкупъ, но размѣнъ остановился послѣ того. Для опредѣленія границъ Поляки не являлись, а витебскій воевода самовольно заложилъ крѣпость въ русской области; опять доходило до драки. Въ мартѣ 1583 г. Іоаннъ послалъ гонцевъ: Воейкова, Ададурова, Хрущова съ жалобами, съ напоминаніемъ, что дѣла польскаго Короля не суть дружескія. Стефанъ прислалъ за кречетами въ Москву Пельгржимовскаго, объявляя, что вскорѣ явится великій посолъ польскій для окончанія всѣхъ споровъ.

Въ февралѣ 1584 г. Хрущовъ увѣдомилъ изъ Варшавы, что сей посолъ будетъ Сапега, и вскорѣ, услышали, что Сапега ѣдетъ. Дѣла оставались нерѣшенными.

Но странный характеръ Іоанна, понятный только при соображеніи состоянія смутной души его, оказался тогда въ переговорахъ съ Англіею.

Не смотря на досаду, изъявленную Іоанномъ въ 1570 г., онъ оказывалъ дружбу Елисаветѣ, ласково упрекалъ Джонтикопа, еще разъ пріѣзжавшаго въ 1572 году, что Елисавета не изъявила надлежащаго участія къ судьбѣ друга и

брата своего. За то, при всѣхъ своихъ ласкахъ, Іоаннъ не согласился выдать бѣглыхъ Англичанъ, и отказался заплатить убытки, понесенные Англичанами въ пожарѣ Москвы, говоря, что на гнѣвъ Божій суда нѣтъ. Тогда же была наложена легкая пошлина на товары англійскіе. Торговля Англичанъ, покровительствуемая Царемъ, возбуждала зависть другихъ. Въ 1581 г Елисавета писала, что Король датскій требуетъ пошлинъ за проѣздъ мимо береговъ его Лапландіи и совѣтовала принять охранительныя мѣры. Іоаннъ приглашалъ Королеву прислать для сего нѣсколько кораблей, обѣщалъ дать войско и усмирить Датчанъ. Но Король датскій замолчалъ, и тѣмъ все кончилось. Не менѣе прежняго нелѣпыя мысли являлись между тѣмъ у Іоанна въ его сношеніяхъ съ Англичанами. Оставивъ намѣреніе бѣжать въ Англію, онъ думалъ иногда явиться туда великимъ царемъ: именно, онъ не шутя спрашивалъ у Англичанъ — не согласится ли Королева отдать ему руки своей? Странная участь Елисаветы: быть невѣстою Папы римскаго и Царя русскаго. Мысль вступить въ родство съ Елисаветою начала послѣ того занимать Іоанна. Лѣтомъ 1581 г., когда Стефанъ шелъ ко Пскову, когда Іоаннъ уже около года былъ женатъ на Маріи Нагой, прибылъ въ Москву докторъ

Якоби, съ привѣтливыми письмами Елисаветы, и разговаривая съ Царемъ, упомянулъ о родственницѣ Королевы, немолодой дѣвушкѣ, дочери графа Гонтингдона, Маріи Гастингсъ, прекрасной и милой. Іоаннъ немедленно отправилъ въ Лондонъ своего посланника Писемскаго. Ему велѣно было увидѣть невѣсту, замѣтить высока-ли она, хороша-ли, дородна-ли, привесть живописный образъ ея, узнать родство ея съ Королевою и договориться объ условіяхъ супружества. Если скажутъ, что у Царя есть супруга, отвѣчать что она ему неугодна, не царевна, не княжна, и будетъ имъ оставлена. Описаніе посольства и пребыванія Писемскаго въ Англіи весьма любопытны. Онъ видѣлъ Елисавету, спорилъ съ ея вельможами о титулахъ Царя, былъ принимаемъ учтиво и видѣлъ невѣсту. Королева не отказывалась отъ родства съ Іоанномъ; съ Писемскимъ пріѣхалъ посолъ англійскій Іеронимъ Баусъ (осенью 1583 г.). Писемскій донесъ Царю, что „Марья Хастингсъ, дочь князя Хунтинскаго, ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла, очи сѣры, волосомъ руса, носъ прямъ, у рукъ пальцы тонки и долги.“ Іоаннъ былъ доволенъ и велѣлъ переговорить съ Баусомъ. Но Баусъ сперва заговорилъ о дѣлахъ; это былъ человѣкъ упрямый, вздорливый. Когда предложили ему, чтобы Ан-

глія употребила посредство свое для примиренія Польши съ Россіею, онъ отвѣчалъ, что „онъ еще не сошелъ съ ума, но не понимаетъ, съ чего вступаться въ это дѣло Англіи?“ Онъ такъ разсердилъ Іоанна дерзостями при свиданіи, что велѣно было ему выйдти изъ дворца. Баусъ не унимался, требовалъ исключительной торговли Англичанамъ въ Россіи. Іоаннъ соглашался и хотѣлъ одного: переговоровъ о сватьбѣ. Призванный для тайнаго разговора съ Царемъ, Баусъ отвѣчалъ, что Марія Гастингсъ едва-ли рѣшится перемѣнить свою вѣру, и притомъ немолода, слаба здоровьемъ, не хороша, и не угодно ли будетъ Царю поискать другой невѣсты въ Англіи, обильной женщинами красавицами. Царь разгнѣвался и велѣлъ немедленно ѣхать изъ Россіи послу неучу и безтолковому. Баусъ одумался, перемѣнилъ рѣчи; переговоры начались снова (въ январѣ 1584 г.). Онъ остался въ Москвѣ.

И когда же шли всѣ сіи переговоры! Когда Іоаннъ думалъ о женитьбѣ на Маріи Гастингсъ? — Едва прошло два года послѣ смерти царевича Іоанна, при воспоминаніи о которомъ Царь не осушалъ глазъ! Прибавимъ здѣсь еще, что при отъѣздѣ Писемскаго, царица Марія была уже беременна, и въ октябрѣ 1582 г. родила сына — до-

стопамятнаго Димитрія царевича. Царь былъ обрадованъ его рожденіемъ и въ благодарность Богу пристроилъ придѣлъ къ церкви Рождества на бору. Вѣсть о рожденіи Димитрія получена была въ Англіи, и поставила Писемскаго въ большое затрудненіе, ибо Елисавета говорила, что теперь имѣя сына, Царь конечно не оставитъ своей супруги. Писемскій принужденъ былъ увѣрять, что извѣстіе ложно, что „Королевна не должна вѣрить ссорнымъ рѣчамъ, ибо лихіе люди ссориваютъ ее съ Царемъ, не хотя промежъ Государя да Королевны добраго дѣла видѣть.“

Еще болѣе: Іоаннъ мерзилъ въ это время жизнью, оставлялъ заботы и дѣла государственныя, оставлялъ и забавы, чувствуя, что близится къ нему грозный часъ отчета. Онъ уже чувствовалъ болѣзнь смертельную, то призывалъ къ себѣ колдуновъ и чародѣевъ, то заказывалъ постричь себя передъ смертію; иногда носили его на креслахъ въ палату, гдѣ лежали его драгоцѣнныя вещи, и онъ, какъ дитя, любовался ими, иногда хотѣлъ онъ бесѣды благочестивой, иногда былъ такъ нескроменъ въ шуткахъ, что однажды невѣстка его, жена Ѳеодора, принуждена была убѣжать, пришедши посѣтить больнаго своего сверка. Взглянувъ на комету, явившуюся зимою 1583 г. Іоаннъ хлад-

покровно сказалъ: „она предзнаменуетъ смерть мою!“ Въ началѣ 1584 года, недугъ Іоанна усилился. Онъ призвалъ къ себѣ сына Ѳеодора, призвалъ первосвятителей, бояръ, началъ говорить съ ними о близкой смерти своей, говорилъ долго, мудро, кротко, и распорядилъ государствомъ. Ѳеодора объявлялъ онъ наслѣдникомъ и царемъ, Димитрію приказывалъ отдать въ удѣлъ Угличъ и еще нѣсколько городовъ. Изъ среды вельможъ своихъ избиралъ пятерыхъ, да будутъ они совѣтниками юнаго Царя. Сіи избранные были: князья Иванъ Петровичъ Шуйскій — герой Пскова, князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, старшій изъ бояръ, Никита Романовичъ Захарынъ — братъ незабвенной Анастасіи, тридцать семь лѣтъ вѣрный слуга государевъ, безпорочный среди всѣхъ измѣненій дурнаго царствованія іоаннова, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ — шуринъ Ѳеодора, юный любимецъ его и Іоанна. Богдану Яковлевичу Бѣльскому, своему особенному любимцу, Іоаннъ ввѣрялъ надзоръ надъ царевичемъ Димитріемъ.

Но вскорѣ Царь почувствовалъ облегченіе и не захотѣлъ писать духовныхъ граматъ. Всѣ съ безпокойствомъ, со страхомъ видѣли борьбу жизни и смерти. Іоаннъ, царствовавшій полстолѣтія, казался неумирающимъ, былъ какимъ-то провидѣ-

ніемъ русской земли, котораго не смѣли ни осуждать, ни хвалить. Никто не могъ пріучить себя къ мысли что, Іоаннъ преходитъ, что уже изчезаетъ воля его на землѣ, и судъ Божій, судъ потомства начинается для него, а мѣсто его займутъ другіе, и другія событія и новыя страсти закипятъ въ русскомъ царствѣ....

Августа 10го болѣзнь Іоанна усилилась снова. Велѣно было остановить въ Можайскѣ Сапегу, ѣхавшаго посломъ отъ Стефана, объявить ему, что „по грѣхамъ Государь учинился болѣнъ, и стояти ему велѣлъ въ Можайскѣ до своего государева указа, покамѣсть ему, Государю, въ немощи облегченіе будетъ.“

Прошла еще недѣля; врачебныя пособія отвратили опасность. Марта 17 послали къ Сапегѣ сказать, что онъ можетъ продолжать путь свой къ Москвѣ. Это было наканунѣ смерти Іоанна.

„Мнѣ легче,“ говорилъ Царь, оставаясь въ своей спальнѣ съ Богданомъ Бѣльскимъ, поутру на другій день, отдохнувъ послѣ ванны и разставляя шашки на шахматной доскѣ. Но вдругъ Іоаннъ лишился чувствъ, упалъ на кровать, охолодѣлъ. Бѣльскій спѣшилъ призвать Ѳеодора, митрополита, бояръ. Поспѣшно началъ митрополитъ читать молитвы постриженія, нарекъ умирающаго

Іоною.... Еще дышалъ онъ; дыханіе прекращалось... нестало Царя Іоанна... Тихо умеръ онъ. Спокойно-ли? извѣстно единому Богу! Въ одѣяніи инока лежалъ трупъ его два дня среди Архангельскаго собора въ каменномъ гробѣ, закрытомъ богатымъ покровомъ. Совѣтъ избранныхъ правителей учреждался въ это время присягою новому Царю Толки, слухи, разговоры волновали народъ. Говорили о распоряженіяхъ правителей, о томъ, что будетъ, кто будетъ отнынѣ править государствомъ, ибо народъ зналъ уже смиреніе Ѳеодора и любовь къ тишинѣ и уединенной жизни. Происходившее тогда въ царскихъ чертогахъ было еще неизвѣстно народу. Марта 21го 1584 г. Кремль едва вмѣщалъ въ себѣ множество собравшагося народа и войска: погребли Іоанна. Могила его была назначена не въ главномъ храмѣ Архангельскаго собора, гдѣ лежали предки, отецъ, братъ Царя, но въ придѣлѣ, гдѣ похоронилъ онъ сына своего Іоанна. Черный покровъ положенъ былъ потомъ на его надгробіе. Народъ плакалъ, какъ говорятъ современники, молилъ, да упокоитъ Богъ душу Царя Іоанна, грознымъ, мутнымъ потокомъ означившую свое существованіе на землѣ. Мы видѣли жизнь и пятидесятилѣтнее царствованіе Іоанна. Сперва, младенецъ подъ опекою матери, въ смутѣ бояръ, по-

томъ отрокъ, юноша, управляемый волею дворскихъ крамолъ и партій, губитель однихъ, чтобы покориться власти другихъ, юный, буйный; потомъ царь, супругъ добродѣтельной Анастасіи, другъ Адашева и Сильвестра, законодатель, побѣдитель Казани, Астрахани, Крыма. И вдругъ самовластный повелитель, губитель друзей своихъ, брата, родныхъ, воеводъ и святителей, увлекается въ честолюбивые помыслы; онъ губитъ Ливонію, безразсудно сражается съ Швеціею, Польшею, окружаетъ себя ужасомъ, забывается въ страстяхъ, забываетъ все, и даже самаго себя въ смѣшеніи гордости, раскаянія, страха, отчаянія — погибели душевной. Онъ становится близъ могилы своей, лишенный славы побѣдъ своихъ Польшею, Швеціею Крымомъ — убійца сына.... Изумительная судьба, страшная драма въ жизни человѣка и царствъ.

Конецъ.

Печатано въ типографіи Г. Пеца.